

Алексей Козлов

ГОРОДЪ
НЕЖНОТРАКОВЪ
Большая
Дворянская

Алексей Козлов

**Городъ Нежнотраховъ, Большая
Дворянская, Ferflucht Platz**

«Издательские решения»

Козлов А.

Городъ Нежнотраховъ, Большая Дворянская, Ferflucht Platz
/ А. Козлов — «Издательские решения»,

Гротескный роман о становлении и поисках собственного я в чудесном городе Нежнотрахове, при ближайшем рассмотрении оказывающемся ужасно похожим на Воронеж. Сюрреалистические описания и потешные диалоги составляют основу романа.

© Козлов А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	53
Глава 11	60
Глава 12	61
Глава 13	63
Глава 14	66
Глава 15	67
Глава 16	69
Глава 17	71
Глава 18	73
Глава 19	79
Глава 20	80
Глава 21	82
Глава 22	83
Глава 23	85
Глава 24	92
Глава 25	93
Глава 26	98
Глава 27	99
Глава 28	100
Глава 29	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Городъ Нежнотраховъ, Большая Дворянская, Ferflucht Platz Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2016

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Буря

Милые девчонки —
Короткие юбчонки,
Маленькие ножки,
В голове – ни крошки!

Увертюра.

Время, когда народ начинает громко петь песни, носить оружие и при этом знает, куда идти – счастливое время для народа.

Джон Неизвестны.

Вот ребята, ваш ковчег:
Тридцать гнусных человек,
Сто животных разной масти,
Когти, зубы, шерсть и пасти.
Всё под крышку и в очаг!

Иван Крылов

«Делай всё так, как будто делаешь это для себя в последний день своей жизни».

Покемон Петербургский.

Воровать – это тоже труд!

Гонова

«Когда я думаю, сколько честных людей, которые были способны в истинном значении этого слова украсить этот мир, умерли, меня охватывает космическая скорбь. Но когда я думаю, кто же вместо них остался здесь, на земле, меня охватывает панический ужас. Рядом уже никогда не будет первых, и нужно жить рядом с последними. Они не поймут меня, я не хочу знать их. Наверно многие, проживая свою жизнь, испытывали точно такие же чувства»

Доктор Пургениус

– Остап Ибрагимыч! Что Вы будете делать с деньгами?

– Построю синагогу в Бердичеве! Всё лучшее должно принадлежать детям!

«Новый Золотой Телёнок»

Времена бывали,
Все затосковали,
На войну отправился народ.
Пешие бежали,
Конники скакали,
Враг от нас по сопкам не уйдёт!

Народная песня дискалоев

Большинство людей примут любую доктрину, за которой будет стоять настоящая сила, и будут склонять перед ней голову, пока не появится другая, более сильная. Люди не любят писклявых просителей, но предпочитают наглых хозяев и насильников.

Друшлакис

В школе мальчонка нашёл пистолет.
Маленький мальчик вошёл в кабинет.
Крошка, взрослея, нажал на курок...
Больше директор не слышал звонок...

Моё.

Глава 1

посвящённая общим и в сущности малозначительным рассуждениям псевдофилософического характера.

В попытке сохранить своё человек прибегает к воле богов или к интуиции, что в принципе одно и то же.

Итак, в результате долгого пути и немыслимых страданий неизвестно кем мы станем в этой жизни, но всем хорошо известно, что мы поклялись никогда и нигде не быть занудами!

Как причудливо тасуется колода, в нашем городе хорошим тоном считается прекращение угрызения семечек около вечного огня и в других присутственных местах. Это началось два десятка лет назад, во время великого переселения бедняков, когда многие из них не только переселились, но и утратили свои квартиры. Так вот, лишившись квартир, бедные, несчастные люди поселились у Вечного Огня, который тогда ещё горел. Это потом в целях санитарной санации города бомжей решили убрать за сороковой километр и потушили Вечный Огонь, дабы вокруг его не собирались разные антиобщественные элементы. Но тогда они собирались там, и объединённым ужасом и гневом, призывали небеса к отмщению и люстрации. Таким образом, около Вечного Огня Человек поневоле экономит на семечках, в то время, как государство зря транжирит важный полусферический газ. Такого рода недоработки и транжирство ресурсов часто можно лицезреть в Нежнотрахове, однако уже испокон веков жители настолько притерпелись к потусторонней экономической деятельности, что уже ничего прискорбного в ней не видят. Ночные фонари в Нежнотрахове горят ночью и днём, зимой все подъезды и чердаки распахнуты всем ветрам. Таким образом, у нежнотраховцев есть много недостатков, но это уж точно не жадность и скопидомство.

Я ведь здесь жил всегда, всю свою жизнь я топтал родную землю, на которой почти ничего не менялось, а потом всё стало трансформироваться, как в ускоренном кино.

У меня память, как ломбардный склад, и ничто и никогда не пропадёт из этого склада! Ни одно зерно не упадёт под ноги! Я многое помню такого, чего никто не вспомнит даже под пытками! Что говорить, быть может, они более счастливые люди, чем я, но знания никто ещё не отменял!

Итак-с! Приступим-с! Божественные перлы истории всегда поправляют моё настроение. Куда, куда устремить взор на моей ненаглядной родине, кроме как в самую гущу исторических свершений?

Начало следующего тысячелетия, отмеченное тараном американских небоскрёбов и несколькими хорошими голливудскими фильмишками, названия которых мне не хочется вспоминать, было смутным и невнятным временем для меня! Я ничего не понимал, а только провожал долгим тревожным взглядом чудовищные фантомы, пронесившиеся мимо со скоростью курьерского поезда. Если бы я знал, что пройдёт немного времени и то, что я считал чудовищными фантомами, вдруг окажется детским лепетом по сравнению с ужасами нового времени, я был бы тогда в лучшем настроении. Но при этом я вам скажу – то было всё-таки счастливое время, ибо шестидесятников наконец-то поволокли на кладбище. Разрушители родины сами разрушились благодаря всеведенью Божественного Провидения.

В шестидесятые годы, когда я учился в институте, на задней парте сидели две студентки, имен я их уже не помню, которые устраивали бесконечные бойцовые бои. Лекционный зал был огромен, и до заднего ряда редкая балда смогла бы добежать, даже если бы и захотела. Лысина преподавателя, строго обращённая к аудитории, давала массу простора

к проявлению инициативы. При этом в промежутках между нешуточными боями, наши студентки умудрялись ещё и лекции записывать. Зачем им нужно было ещё и лекции записывать, если можно было заниматься щипанием друг друга, я не знаю! В общем, это были прекрасные советские студентки, и единственное, что иногда останавливало их от дальнейшего развития бойцового искусства – это та неприятная особенность, о которой мы сообщим читателю.

Ещё на заре своей деятельности молодой преподаватель Кроткин, лектор от бога, как говорила о нём престарелая профессорша Ланская, был так напуган какой-то выходкой студентов, что иногда, подозревая готовящееся покушение на свою персону, в профилактических целях, резко поворачивал лысую голову к аудитории. Тогда несколько мгновений было достаточно, чтобы студентки прекратили дикую борьбу и мгновенно имели вид прилежных учениц. А все остальные выпучили глаза и сделались примерными слушателями. Кроткин не понимал причин частых смешков за его спиной, делая вид, что глух. Профессор Попочкин – специалист по мышинной эндемии, предупреждал его о происходящем за спиной, но Кроткин всегда пропускал инвективу мимо ушей.

В те годы шестидесятники уже отсидели на партах и только начинали свои правозащитные и иногда псевдолитературные опыты. Они обращались друг к другу со словом «старик» и грезили южными морями и большими рыбами, выловленными в южных морях на обычный спиннинг. Потом они стали попивать, протом пить, следом за этим – квасить, и уж к началу двухтысячных они безбожно бухали, прожигая последние дни жизни.

Я был знаком с одним таким персонажем, и в компаниях уворачивался от его горячего энтузиазма. Его звали Саша. Он бредил искусством, пописывал картины маслом, слушал Севу Новгородцева, к которому питал острую культурологическую симпатию. Зайдя в душную тесную комнату, где всегда было накурено и пахло дрожжами, я увидел его в который раз за компьютером. Они только входили в моду. Он бросился ко мне, источая волны алкогольных испарений и завопил:

– Старик! Возрадуйся нашей удаче! Мир прекрасен! У нас есть «Фотошоп»! Это настоящее чудо 20 века! Больше не надо рисовать руками, он всё сделает сам! Понимаешь старик! Новые времена на дворе! Рай!

И показал мне на этикетку, по мановению волшебной палочки вдруг растянувшуюся в какую-то серебряную кишку. Работа в дизайнерской конторе, где производили наклейки для спиртных напитков требовала постоянных возлияний. Сначала я видел его выпившим, видел пьяным, потом он стал пить каждый день, а потом исчез без следа, на пару дней опередив исчезновение конторы. Тогда я не заметил, честно говоря, его исчезновение, потому что как раз в эти дни кабинет напротив снимала контора, обещавшая ужасные проценты на вклады и люди толпами несли свои кровные денежки с такими криками, что нам было не по себе.

Через много лет приятель фотограф рассказал мне про Сашу. В конце своей миротворческой миссии он находил в газете объявление: «Сдам породистую собачку в хорошие руки бесплатно!», одевшись в последний приличный наряд, являлся на зов и забирал с собой маленького четырёхлапного друга. Для этого, для демонстрации серьёзности намерений и доброты у него была большая корзина с крышкой. Это был очень приятный молодой человек. Дворянжек он не любил. Дворянжки были не так вкусны, как породистые собаки.

Ха, вы уж подумали, что я так далеко отвлёкся от темы, что всё забыл? Ничего подобного. Как я могу забыть о том, что я люблю, о том, что будоражит моё воображение и горячит кровь – о шестидесятниках, которых поволокли на погост!?

Как бы это сказать, волны оттепели коснулись меня только по касательной, слухи об отечественных рокерах, группах с экзотическими названиями, конечно, доносились до меня, но в то время я испытывал скорее не восторг или желание влиться в ряды небожителей, а смутный страх.

Всё это подогревалось пионерскими речёвками, к которым я оказался очень предрасположен, ибо у меня был звонкий голос и приятный лик.

Платить за такие выступления пред школьниками в актовом зале никто не собирался, поэтому на моё место школьной сивиллы никто не претендовал. А мне нравилось это, нравилось слышать свой звонкий голос над головами однокашников, и когда он раздавался из школьного динамика по какому-нибудь хренячьему случаю, мои соседи, бывшие обо мне невысокого мнения, только разевали рты – ничего себе парниша.

Жить своими бедствиями намного противнее, чем наблюдать поверженных врагов, даже обласканных властью. И вот теперь их хоронили. Похороны прошли целой серией по центральным каналам, и про себя я стал именовать эти каналы «Похоронной Бригадой СТ». Восплакались девы видные! А я молчал, как рыбка золотая, ни слова никто не услышал их уст моих, ни звука! Незачем было мне их жалеть! Мне и моей страны уже не жалко, пропади всё пропадом, не то, чтобы поплакивать абы кого! Не в коня корм, ребята! В аду вам будет хорошо! Вы потрудились на славу наших врагов, теперь отдохните на славу! Я так думаю. Врать не буду!

«Когда римляне покорили Северный Уэльс, кельтское племя силуров, под предводительством вождя Карадока или Каратака, оказало им мужественное и неожиданно упорное сопротивление. В чём было истинное величие этого недобитка Карадока Североэльского? Загадка! В чём состояла причина его политических успехов на фоне невзгод его сотоварищей? Парадокс!

В честь этих первых обитателей Уэльса Мурчисон Делфский назвал развитую здесь систему слоёв силурийской, причём один из самых толстых и богатых слоёв этой системы получил название Карадокского, в честь мужественного вождя кельтов. Кембрийские пласты, как мы видели, содержат очень незначительное количество ископаемых остатков; мизерное количество, тьфу сколько, наоборот, в силурийской системе мы встречаем необычайно богатую фауну беспозвоночных: по роскоши и разнообразию своего населения силурийский период не уступает ни одному из последующих периодов! Из простейших, или Protozoa, раковины корненожек известны в силурийских отложениях в очень небольшом числе, только нижнесилурийский глаунитовый песок окрестностей Петербурга содержит местами в огромном количестве их ядра. По исследованиям Эренберга такими ядрами являются большей частью зерна глауконита. Да-с! Кроме того, отдельные экземпляры корненожек найдены в силурийских отложениях Англии; в девонской системе этот класс простейших встречается тоже очень редко. Каждая находка такого рода сопровождается вздохом восхищения из уст научной общественности! Наряду со скудными остатками корненожек мы встречаемся в силурийский период с радиоляриями. Последние составляют другой, более высокоорганизованный класс простейших; как бы перешедший на новую стадию развития, эти в высшей степени крошечные животные свободно плавают по поверхности моря, и скорлупки их покрывают часто сплошь дно глубоких морей. По своему строению корненожки стоят ещё на очень низкой ступени развития: у них нет ни отдельных членов, ни органов, всё тело их представляет маленький комочек слизи, в котором каждая часть выполняет все функции. Да-с! Тело корненожки может выпускать нитевидные отростки, так называемые ложноножки или псевдоподии, которые то выдвигаются, то втягиваются обратно, создавая трудноуследимый ритмический рисунок. Питание этих маленьких животных про-

исходит при помощи ложноножек, пища обволакивается мало-помалу телом корненожки и усваивается им. Радиолярии же обладают более сложным строением: в середине их тела выделяется центральная капсула, представляющая собой пузырёк, окружённый тонкой оболочкой. Твёрдые основания радиолярий представляют собой чрезвычайно нежные и красивые скелеты, составленные из отдельных игл, соединённых вместе, или же имеют вид шаров, колоколов и других сложных фигур нежного решетчатого строения, украшенного по большей части острыми иглами. Панцири радиолярий состоят из чистого органического кремнезёма. Да-с! Это элита органического мира, в чём-то подобная той элите, какую мы видим в обществе. Но первыми князьями на моей незабываемой родине были потрясающие князья Мал, Сал и Кал. О них остались неоднократные упоминания в «Треухом» Своде, так много попортившем при своём появлении крови историкам и правоведам. Их-то и упоминает мифический летописец Гронденбулс».

«Вот мы и дожили! Все ожидают революции и обзывают её стыдливо другими именами! Власть имущая кодла делает вид своего присутствия на политическом Олимпе, и смешна как клоун в цирке шапито! Вот мы и дожили! Вопрос: в чём же величие этих неменяемых недобитков? Ответ. Клёпор Иванович! Величие этих отпетых недобитков состоит в полном самообуздании и смирении! О Великое провидение! Останови ты их! Пресеки! Молю тебя! Не премини обрушить на них свою длань!

Как по разному живут люди! В Африке есть страны, где на центральной площади стоит разве что изваяние вождя этих людоедов, и сделано при ближайшем рассмотрении оно из кизяка, а напротив изваяния стоит трёхэтажный небоскрёб из телевизионных коробок. К верхушке небоскрёба пришпилена реклама «Кока-Колы» и все жители, да, сударь, все жители, какие есть в стране, впрягшись в большие арбы с гигантскими кривыми колёсками, целый день влачат эту арбу, едут в разных направлениях и развозят «Кока-Колу» в местные бандустаны! А там уже все с утра накурились конопли и им только «Кока-Колу» пить! И прошу заметить, они все счастливы, ибо доллар, который достался им неимоверным трудом под палящим солнцем – это и есть настоящее счастье!

Среди нескольких потешных типов, изредка посещающих с теми или иными оказиями мой дом, есть несколько моральных недобитков, способных в самомнении наглости или в недалёковидности глупости прямо у меня дома воспевать Христа или совершать что-то подобное. Они либо не уважают меня, либо глупы до безобразия! Вроде бы люди живут в Европе, а в головах у них арба с огромными колёсами и небоскрёб из телевизионных коробок с рекламой «Кока-Колы» на покосившемся от ураганов фронте! Иногда я довольно долго терплю такое безобразие, а потом выгоняю таких сомнительных типов пинками взащей!

Так в чём же состоит несомненная сила этих подонков, в чём причина их безусловной притягательности для посторонних? Почему женщины останавливают на них свой взыскующий взор? Ответы на эти вопросы не так просты, они не лежат на поверхности, наша задача попытаться найти их!

Нет, правда! Богоискателей на мою бедную страну налетело столько, что уже и сыра в мышеловке не видно!

Это потом стало понятно, что они искали не бога, а поначалу все заблуждались. Через два года после их триумфального возвращения все городские парки оказались во владении церкви и во всех них росли богатырские соборы с бычьими шеями и титаническими крестами над золотом крыш. Кругом кипит и теплится больной и сырый народ! И что ж, от жалости к ним себя не жалеть?

Хорошо на свете жить! Опять котёночка бампером задавило! Всё это хорошо, но если эти гады не впечатают в мой паспорт упоминание о моей нации чернилами, через малое

время История впишет туда это же чьей-то кровью! Я не шучу! Фертимандоль и Кинипок! Все знают! Выискались! Кто не с нами, тому шило в бок! Я очень мстителен в минуты горя и сомнений! Никто не знает то, как я грущу! Ираку требуется какое-то время, чтобы восстановить хаос! Что ж! Пока не обрящетесь, туды вас в качель, пока не будете, как дети, покуда кривду не пепельнёте, никуда вас не пропустят с такими мерзкими рожами! Пошли, мало-земельные, двинулись! Йе-ех!»

О сколько божественных открытий в смежных областях готовит нам дух знания, кипящий вокруг нас много веков. Сколько поразительных фактов происходит в мире, когда мы бодрствуем и даже спим! Сколько изумительного рождает природа, научая нас своим законам! Такова преамбула нашей лекции, посвящённой непредсказуемости судьбы и предрешенности выбора! Ценно либо то, что талантливо, либо сделанное из драгоценных материалов, либо очень редкое. Последнее у меня есть!

По-моему, пристрастие к своим «пустым» приметам ближе нам, чем всеобщее пристрастие к ближневосточным библиям разного сорта, ибо «свои» тёмные стороны – это продукт сорока тысяч лет развития, а библии, в которых говорится о богоизбранности «чужих» – ещё дальше от нас. Логично, живя в Палестине и будучи иудеем, воспевать Иордан, но нелогично, живя на Витьбе, воспевать Иордан и быть этим. Это игры властимущих, которым выгодна любая теория, проповедующая повиновение и самоуничижение. Я думаю, что удел глупцов, бродящих в дебрях даже ладно скроенной теологии, когда под завесой этого ядовитого тумана можно очищать кошельки, очень печален. Но люди бояться смотреть правде в глаза, бояться даже подумать, что им просто выгоднее уверовать в рискованность существования, сохранив деньги в кармане, чем без всякой нужды отдать их чужому человеку.. Я с Вами абсолютно согласен в главном! Но пристрастия толп-вещь страшно энергичная, выдумывать разные формы обмана можно бесконечно, формы обмана разнообразны и легки в применении, что и делается. Христианство, коммунизм, демократия – это три сосенки, в которых мы, русские бродили до умопомрачения, пока не погибли почти все! Надо обо всём судить только по результату для нас. Ничего хорошего от этих штук мы не получили. А создадим ли то, что нам выгодно, бог знает!

Мы не можем, затрагивая столь животрепещущую тему, не затронуть христианского величия, не вспомнить его так сказать светлого образа – Исмуса Хориста, как утверждают прописи Помазанника Божьего, Сына Света, Волхвования Истины. Что такое Исмус? Много ли времени даёт нам наша лекция? Успеем ли мы к утру следующего века обсудить все стороны этой проблемы, по карману ли нам выдержать такое? Есть скептики, утверждающие в порыве гордыни и праздного богоборчества, что де Исмуса никогда нигде не было, что де это просто выдумка, насланная разрушающимся Римом на его народ! Они ищут сходства в датах я языческими празднествами, и утверждают, кхе, что 22 декабря – это смерть Солнца, в коей оно находится три дня, чтобы потом воскреснуть, что случается, как мы знаем, каждый год. Что им сказать? Что ответить! Не в коня корм, господа, не в коня корм! И да будет вам известно, умники необразованные умники и шелкопёры, бумагомараки и твердоумы, осла мёдом не кормят! И мы, натуральные граждане, не присягали бесконечно прослушивать всякие неотфильтрованные бредни и измышления, каждый раз словно из рога изобилия изрыгаемые на наши бедные уши этими атеистами-безбожниками! Мы не обязаны даже реагировать на всякого рода прискорбные взгляды, господствующие в присутственных местах, ибо не по Сеньке шапка! Исмус есть свет истинный, красота природы довлеющей, истина первой инстанции, эманация совершенной культуры, авторитет авторитетов нашей жизни! Всё пройдёт, а Микки Исмус останется! Пусть даже солнце провалиться в татары, улетит в преисподнюю, нас будет греть свет его лучистых глаз и тепло его великого сердца! Да-с! Хорошо сказано!

Неважно, кто помогает нам в благом деле – боги или дьявол. Главное, чтобы благое свершилось!

Время разрушает всё, даже египетские пирамиды. Ещё быстрее оно разрушает веру поколений. Часто по молодости мы сочувствуем всему страдающему и слабому, не понимая, что не всегда страдающее и слабое имеет право на нашу поддержку. И тогда силы человеческие уходят на пустое, а слабое ещё сильнее возрастает, принося другое страдание. И настает момент, когда кругом нет сильных, а есть одни слабаки в мокрых штанишках и со слезами на глазах!

Правда, или, гм, назовём её не так громко, например... Истиной – самый большой государственный секрет, потому что знай её все сейчас – все были бы с деньгами, а большинство – гм... Я бы, будучи на самом деле совсем не злым человеком даже согласился слиться в порыве братской любви даже с некоторыми, гм, народиками, но только в том случае, если они согласны поступать так же. Если они готовы на равных слиться со мной и делить не только мой хлеб, но и мою беду! Увы, на деле они так никогда не поступали. Мне такая простота не подходит к сожалению. А насчёт работы...

Вот вложил я состояние в экономику, скажем в банки, купил акции и сижу на печи – работаю ли я? Многие скажут – бездельник, плут, тунеядец, но самом деле – трудяга, потому что всё это «пиршество» тщеславия», названное государством содержат такие же дураки, как я. Дураки, покупающие бумажки. Их вера в обещания государства – это высшая форма идеализма. Они же и больше всего потом страдают. Но на самом деле можно найти темы для разговоров полегче, ведь ничего от них не изменится, даже если я через двадцать лет окажусь прав! Те, кто помогает государству в дни бед, часто висят потом холодными на колючей проволоке, и им ничего не нужно!

Грустно как всё кончается. Даже они в их счастливых фильмах знают, как грустно всё кончается в этом мире. Оказалось, что в нём нет места ни чести, ни справедливости. И уже нет места и носителям чести – честным людям!

А начиналось всё как!.. «Глория! Викт-оория! Слава! Победа! Товарищи! На родине нас ждёт скорая встреча!» И все мы шли по озарённой солнцем долине с винтовками наперевес и неистовой верой в сердце! Плевать, что мало нас, и много чужих! Плевать!

Что теперь нас ждёт на родине? Одиночество в толпе безгласых? Печаль и расставания? Одиночество в толпе?

На лесной лужайке
Появился дом
Жить здесь будут зайки
Не своим трудом.

Не хаю я ничего, просто всему этому в базарный день цену знаю! Никогда здесь не было и не будет даже намёка на «демократию». Здесь есть феодализм и капля уродского капитализма, цистерна показухи в разных видах, в общем-то это всё, что есть! Немало! Это всё потёмкинские деревни! Вообще я уже не патриот! Не верю, что тут будет хорошо! Сказки это, очередное успокоение, всё кончится как всегда – очередной катастрофой при иных конфигурациях. Но я уже, честно говоря, махнул на всё это рукой. Я слушаю только марши! Их сильный дух поднимает меня от этой безнадёжной земли. Сожалею, что много моих прямых родственников сражались с на последней войне и все погибли абы за что! Я бы стрелял в другую сторону, больше бы толку для нас было! Ошибались бедные русские люди, выбора у них не было, ума не хватило понять, что на самом деле происходит, и кто на самом деле хуже! Тёмные мы, не уважаем свои интересы! Не жалеем родную кровь!

Да, христианство ещё лет сто проскрипит, потом снова к язычеству другие поколения отправятся, так сказать – новое Возрождение. Рискну сказать для многих непопулярную мысль – истощающая попытка немцев – главной нации в Европе повернуть к язычеству – неудавшийся сигнал, но только первая попытка, будут и другие попытки. Это по-прежнему стоит в повестке столетия! Это не просто были двенадцать лет, как всякие кретины говорят «Сумасшествия». Экономика у них в то время росла как на дрожжах, по тридцать пять процентов в год, и они были веселы, как весенние птицы. И пели как птицы – во всё горло! А у нас сейчас наоборот – все ползают, как дохлые мыши... да ладно... Всё будет, чему должно быть под солнцем! Вот доживём ли до лучших времён?

Кстати, как то подумал я о Штирлице, и странные мыслишки пришли мне в голову: вот жил заштитый человек, думал, что делая бяку врагу, делает добро как бы родине, при этом жрал сытно немецкое, ходил чисто, зарплату ему платили, на комсомольские собрания с дебилами косноязычными не ходил, машину ему злой Гитлер дал, прислугу. Наверняка, когда приблизилась развязка, думал милый герой Штирлиц, а даст ли ему как бы победительная родина такие же вкусные сосиски, такое же чудное пиво, такую же вежливую служанку или ограничится как всегда вегетарианской пулей в лоб? Несимпатичный Штирлиц, если покопаться по-человечески глубже. Я думаю, он кончил в Сибири, на лесоповале, глодая осиновую кору! Справедливый и логичный конец! Это я так, размышляю на досуге о странностях выбора и судьбы...

Как близка была победа, как святы были наши чайня!» – так говорил Алесь Хидляр, великий пророк нашего времени. Так он говорил. Он жил во дворе, в котором жил не то Троцкий, не то Троицкий. Впрочем, это всё равно, не в коня корм, как говорится!

– Ты видел, там был кельтский крест? – спросил однажды во время просмотра неизвестной телепередачи никогда не унывающего художника Фому Птолемея Алесь, – Хочешь, я верну кадры древнего времени, покажу тебе всё, как было!

– Не надо!

– Почему не надо?

– Потому что ну его в..пу! Ничего не изменить всё равно! Надоело всё!

– Как в..пу? Слушай, ты, – жертва «Макдональдса»! Кого в..пу? Кельтский крест – в..пу? Что ты говоришь! Надо никогда не сдаваться, верить в лучшее! С тех пор, как ты перестал собирать пивные кружки, твой характер стал явно портиться! Неужели уже вокруг тебя нет ничего, что цепляет твою душу и наполняет её интересом?

– Всё в..пу! Пивные кружки – в..пу! И в первую очередь – крест! Я повторять не буду, если ты не уразумел! Тоже мне, рационализатор! «Золотая мышь Фиглелэнда»! Кружки! Крест! Конечно – в..пу! Наижопейшую..пу! Всё туда! Всё! Чохом! Вали кулём! Надоело!

– Может, всё-таки на фиг? Это не так амбивалентно! Не так априорно!

– Можно и на фиг! Но лучше в..пу! Точнее! – и тут его, как сильно увлекающегося порнографической этнографией, – понесло, – Фига, могу заметить, древнее и уважаемое людьми дерево! Фигу можно засунуть в..пу, а само фиговое дерево, как ты знаешь, нет! Это прихоть Провидения, некий парадокс, так сказать, но между тем... между тем... Мало того, что фиговое дерево круглый год даёт сладкие плоды, но к тому же листья этого дерева всегда использовались художниками и скульпторами для сокрытия самых интимных мест на скульптурах! Почему! Бог знает! Фиги бывают по происхождению африканские, малайские, исрульские, греческие, хотя, надо признать, у греков они называются ещё смоковницами. Исрультяне по древней традиции называют их «ефигонами». Хотя фиги всё же много выше смоковниц, это незыблемо по моему дилетантскому мнению, которое я уж точно никому навязывать не буду! Фиги французские по своей сути склизкие и вёрткие, немецкие фиги крупные

и стойкие в бою, как никакие другие, наши фиги мелкие, но очень кислые, твёрдые и обычно с первозданной грязнотой! Но очень терпеливые к термической обработке! К тому же чрезвычайно морозостойкие, злые и весьма трудносрываемые с деревьев! Это сильное качество! Иной раз, сколько наше фиговое дерево не трясёт, наши фиги всё равно держатся на нём, не опадая! И при этом мне кажется, что у китайцев фига необычайно маленькая, ещё более грязная, чем здесь, и отчего-то донельзя корявая и кривая! Да-с! Кривая, я бы сказал! Но и её нельзя сбрасывать со счетов, как показала история! Нельзя! Фиги эпохи Дзин были конечно помпезнее мао-дзедуновских, но все они вкупе при довольно различных отличиях, имеют нечто общее в своём гносе! Но всё же доревнекитайская фига более привлекательна, чем большие, трудолюбивые, правдиво-изжопные, ко всему приспособленные, до одури изменчивые фиги моих земляков!

О, Фи́га моей Родины! Как хороша ты, как свежа под солнцем! Какими страданиями, какими трудами взлелеяна ты под холодным северным небом! Как много аллюзий и ассоциаций возникает при этих немудрёных словах! И каких ассоциаций и аллюзий! О-о! Сколько этих фиг, давась и икая, морщась и сблёвывая, чертыхаясь и проклиная, съел и таки переварил, усвоил мой великий всеядный народ! О-о-о! Не подсчитать этих фиг, не измерить! Мы живём в поистине фиговой родине! Это родина фиг! Фиглеленд! Divine Figleland! Как любим мы тебя все, все, кому было дано право случайно уцелеть в горниле тяжких испытаний, в юдоли тягостных раздумий, в серале поисков своего уникального «Я», испытаний, по воле небес выпавших нам на долю – всем, кто на своей шкуре прочувствовал священный удел быть твоим гражданином, твоим сыном и защитником! О Родина! Наши сердца бьются всегда рядом с тобой! Мы помним тебя, мы чтим твою строгую, учительскую доброту! Мы несём в сердце твои бесценные уроки! Эта доброта не была всепрощенческой, совсем нет, наоборот, это была почти злая доброта! Жестокая, свирепая доброта! Ты – наша первая, лучшая учительница! Ты учила нас деятельному добру, взаимопомощи, а потом научила и индивидуализму и одиночеству! Это были великие уроки, величайшие уроки жизни! И никогда, и ни в чём мы не можем тебе отказать! Мы не в состоянии даже кинуть тебя, как ты всегда кидала нас в минуты горести и испытаний! И вообще немецкие бомбёжки не оставили на лице этого города таких следов, какие оставила незабываемая созидательная деятельность последнего губернатора! Я, собственно говоря, об этом и хочу рассказать! Просто боюсь, что слеза умиления, уже готовая вырваться на свободу из моего левого глаза, может застить свет и помешать записям! Я постараюсь! Не подведу! Я всегда боялся в чём-то подвести кого-либо! За дело, друзья! За дело!

«За работу, друзья, за работу!
Мы идём по великой стране!
Мы посадим сады!
Золотые плоды
Соберём и подарим стране!»

Так мы всегда и делали – всё отдавали этой как бы стране! А она нам в ответ – фигу показывала!

Мне вспомнилась моё детство, вспомнилось, как летом уже невесть какого года в прекрасный летний день я сижу одиноко у балконной двери своего дома, весь залитый солнцем, маленький мальчик, стойкий оловянный солдатик правды, и упорно складываю крепость из деревянных кубиков. Тих мой дом, и никого в нём уже нет. Солнце льётся из большого окна. Все куда-то ушли на время. Настанет момент, когда спустя годы дом мой снова опустеет, теперь навсегда, и я, взрослый, знающий всему цену человек, ни на что уже не надеясь и никому не веря, вновь буду недвижно сидеть на полу у той же балконной двери,

гнать от себя дорогие образы и от невыносимости плакать безысходно, и вспоминать былое моё несбыточное, незаслуженное давнишнее счастье.

Тих мой дом и наполнен покоем. И сейчас я спокоен сам, ибо мои краеугольные камни – свет мира, вечные мои родители и вера, названия которой никто никогда не придумает – теперь навсегда со мной. Навеки в моём сердце.

Глава 2

В которой присутствует дальнейшее Лирическое отступление Автора, всеу цитирующего своего гиройя.

Из-за острова Буяна,
Из могучего бурьяна
Появились три бомжа,
Одна мышь и два ежа.

Заноза в моём недреманном сердце! Как я тебя люблю!

«На днях к нам приехал Чунчо Мар со своим знаменитым оркестром «Поникшей Креольской Берёзы». Он выступал здесь в пятницу, в зелёном театре. Он, по-правде говоря, на своей родине давно выпал в осадок, и в своём родном Берлистане никакой популярностью не пользуется уже лет сто, но сюда приехать можно! Почему бы не приехать к нашим аборигенам?

А в субботу мы устраиваем прогулку с элементами порно! Так умирающий кактус-самец гоняется за засыхающим перекасти- полем, не зная утоления...»

«Завидны дела твои, Господи, но результат их часто плачевен! Тут есть какая-то странность, и я не могу её до конца осмыслить. По крайней мере, пока! Ладно, рано или поздно разберёмся! Не Боги горшки жарят!

Мир всегда кого-то убивает и тот, кого убивали, никого уже не будет жалеть других! Если кролик пережил вивисекцию, это его собственная заслуга! Чего мы только не видели тут, в этой куче ..., которую мы по привычке называем родиной. Последней напастью, последовавшей после Великой мелкобуржуазной революции, было нашествие Харистиан. Всё это, видит бог, проковывалось перед моими глазами, и я был потрясён грянувшими изменениями. Отбрыкивался я от них, как мог! Тогда навалились невесть откуда взявшиеся иеговисты, брахманисты, буддисты, братья-предтеченцы, секты пустынных, руководимые провинившимися милиционерами, секта Муна волхвовала по радио целыми днями, по улицам стали бродить буддисты в простынях и с барабанами. Но главным было постепенное возвращение Хариста и его гоп-компании.

«Люди, призывающие меня впасть в детство Харизтианства, либо неполноценны, либо хотят, чтобы неполноценным был я. Не дождётесь, друзья! Уже то, что в моей изнасилованной морально стране появляются, пока что в небольшом количестве, здравомысленные люди с мировоззрением, подобным моему, является свидетельством наступления конца многовекового Харистианского кошмара» – так говорил пророк Алесь Хидляр, стоя на горах и видя подлунный мир. Оставалось только заговорить для простых людей.

«Новая жизнь! Нова вита! Как ты прекрасна! И как мало мы тебя порою ценим!

Далеко не все любят свою родину так, как любят маму.

Далеко не все любят свою маму в той же степени, как любят деньги.

Но жить без мамы и без денег на родине совершенно невыносимо. Можно впасть в отчаяние сразу. Это я знаю по своему опыту. Совершенно невыносимо жить на родине без денег и мамы! Лучше жить на необитаемом острове Борнео без мамы с деньгами, чем на родине без мамы и денег!

Но лучше всего жить при деньгах, с мамой и вдали от родины!

Таково моё введение!

Что у вас в оркестре за чмошные трубы?

Оркестр, акупунктуру!»

Глава 3

Первое лирическое введение читателя в Нежнотраховъ с хором и кастратами в вертепе.

Это был город. Вокруг кривоватой церкви лепились чёрные людские гнёзда, а на скале Балон высился древний трактир «Святой Мэтью», похожий на чудной англиканский собор. По основным направлениям шли и шли люди в попытке найти своё место под светилом.

Был и настоящий храм Девы Поклюс, несколько раз разрушенный и ещё большее число раз возведённый с малыми дополнениями. Свой кардинал Дыромонк Престибецкий устроил от него децкий крестовый поход, по западным аналогам, поход, столь скоро окончившийся слезами и прахом. Но миллион гривен, испрошенных на тапочки для походных детишек, удалось ловко распахать по карманам верных огородников.

Храм Девы Поклюс был облюбован фортуной уже в годы ранней юности Нежнотрахова. Желтоватые, залоснённые миллионами касаний и поцелуйчиков мраморные колонны источали запах благородной старины, лестница в обширный придел, украшенный сухопутным жемчугом и бараньими рогами, воспринималась путём на небо, и с первого взгляда на это чудо нежнотраховского зодчества становилось понятно, что есть несомненное благо. Сколько благодарный касаний знали эти ветхие стены, сколько лобызаний осталось запечатлёнными на завозном мраморе, сколько мирных слюней протекло по запечатанным в стекло ангелам!

В годы нашествий многие захватчики замыслили разрушение нежнотраховской святыни, и стеной неодолимой на их пути всегда становился одинокий протоирей Ераспид Кобельков, со своими желчными челобитными грамотами. Всегда важный, нёс он прошения о помиловании божьего места и подписывался всегда одинаково, размашистой вензелястой подписью – «Ераспид Мокеич Кобельков – адноптер».

В то время сильно изменённый поворотом Земли климат и океанические пальмы, заполонившие округу, позволили выписать из Пенджаба целое стадо величественных верблюдов, удачно оплодотворённых впоследствии мирным ослом Гришей. Алёшинские казармы, нынешнее вместилище защитников Нежнотрахова, были построены за какие-то полгода именно для содержания быстро увеличивавшегося верблюжьего стада, и там содержались до времени коровьей чумки, в 17 веке положившей конец верблюжьей инициативе. Здание украшено изумительной люкарной с глубоким рельефом по краям и идущим по фронту ветвистым растительным орнаментом, из которого торчат высокие жирафьи головы. Хотя мотивы орнамента явно не здешние, но общее композиционное оформление здания оказалось на удивление удачно, что дважды было отмечено заезжими шпионами и путешественником Адальбертом Гринбергом.

Бипол Мантуанский – беглый римский грек, а по совместительству переводчик и поэт, по ошибке занесённый сюда и осевший в Фиглеленде, впоследствии стал недурственным архитектором, и даже запроектировал основные оси Нежнотрахова. Он был настоящим мастером сельской архитектуры, и строил как дощатые водонапорные башни, так и соломенные больницы в ключе жизни. Особенно ему удавались беременные дорические портики, обильно украшенные шапкозакладательской беллетристической лепниной. Они смотрелись с особым шиком в обрамлении сосулук и свисавших на лоб пластов снега. Город в то далёкое время уже был, и был он хорош!

Вот уже вторую тысячу лет жители города Нежнотрахова неистово верили во второе пришествие Изоса Хориста, назначенного богом Дионис-прокурора Главным Прозерпулом. Столетиями они верно ждали его, всецело полагаясь на заверения бесчисленных свя-

тых столпников-самодержцев, время от времени наводнявших, как черви, благословенную землю Фиглелэнда.

Вот что мне пришло по этому поводу в голову: в мире нет никакого добра и зла. Есть поколения, в которых то или иное считается большинством добром или злом. Они могут ошибаться, ибо точка зрения любого сообщества ущербна. Вот христиане – в Римское время это был предмет насмешек, не было ничего презреннее и маргинальнее. А посмотрите, что сделали двадцать веков обработки. Многие хвалят, поддерживают, но кто отменял римскую точку зрения на это. Или Гитлер. Это был бог немцев в тридцатые годы. Нынешнее мнение о нём никак не может отменить точку зрения поколения, которое поголовно легло за него. Так что же есть истина, не говоря уж о добре?

Если наивная уверенность нескольких сумасшедших, или, что более вероятно, кучки лжецов в оживление после смерти их кумира, толкнула миллионы людей в многовековое умопомрачение, значит ли это, что они были правы, и умершее может ожить после смерти? Нет, это значит, что эти миллионы были жалкими, безвольными людьми. Всего лишь!

Правящая Баптистерия Тода назначала всего лишь одного Поджидателя и двух Свидетелей Явления, которых после смерти замещали по конкурсу, а их остатки помещали в Паноптикум на постоянный обзор в трёхлитровые банки со сладким керосином.

Время шло. Изоса Хориста ждали пожимом. Звонкими литаврами его звали на праздник жизни, кипевший на холмах. Хорист упорно не являлся, медлил. Сублимировал. Саботировал Страшный Суд. Но даже и тогда город Нежнотраховъ существовал вопреки всяким пресным прогнозам. Расцветал город мечты. Хорошел. Торговал немыслимым товаром и серыми собачьими чебуреками. Выпускал газеты и глинистое водяное пиво. Снимал в подполье дивные порнографические фильмы, чем основательно восполнял недостатки местной кинодокументалистики. Приноравливался к новым условиям существования. Пытался собрать новый урожай. Часто это у него не выходило, но шумели всегда страшно, и вывозили урожай из грязи танками и матерком. Что делал он ещё? Чем был славен? Обретался в благе. Впрочем, мы об этом говорили. Город обзавёлся наконец своей промышленностью – целыми днями на горе коптил орденоносный комбинат ТРАХНЕФТЕХИМ имени Дугана Лэнина. Да, ещё в городе было большое поселение преторианских цыган, появившихся невесть откуда в середине седьмого века новой эры.

Бу-угагаааа! Ликование полнит сердце автора, когда он обращает взыскующий взор к своей единственной, но уже ненаглядной родине.

О Нежнотраховъ! Нежнотраховъ! Бу-угагаааа! Город моей юности! Бу-угагаааа! Город моей мечты! Как я могу позабыть тебя! Город Первого Поцелуя! Да святится имя твоё! Бу-угагаааа! Снова и снова возвращаюсь я к тебе на крыльях соловья, как верный твой сын, возвратившийся из странствий! К тебе лечу я в самых святых своих помышлениях, не задумываясь совершенно ни о чём! К тебе направлен мой взыскующий взор, моё сердце! Опять и опять я возвращаюсь к тебе в своих самых интимных помыслах и мечтах! Только ты способен согреть моё горестное, невесёлое сердце, только ты! Ты – моя милая родина! Только ты даришь мне минуты катар-сиса, освобождая мой третий глаз от мирской слепоты и безверия! Ты только! И твои легенды и сказки – чудные сны славного народа – Нежнотраховъских жлобенья – милы мне. Бу-угагаааа!

Что можно сказать о тебе, мой милый город? Многие твои верные аборигены не любят тебя, панюки, брезгают тобой, понукают, но пусть это безобразие навсегда останется на их нечистой совести! Никто не достоин быть любимым так, как ты! Не правда ли?

Итак! Вперёд! Не томите меня, земляки! Зёмы стоеросовые! Настал миг! Слово изрыгнуто будет! Плащаницу мне, плащаницу! И огня! Чтоб на всех хватило!

Говорили как-то хорошие люди, что ты, гордый Нежнотраховъ, до потери пульса похож на грязножопый Гэворонеж! Я не знаю, сказал ли я эту фразу вкрадчиво? Сказал ли её

амбивалентно? Была такая буква, не спору! Это совершеннейшая ложь, и тот, кто так говорит, очень рискует нарваться на мою святую отповедь – он не просто похож на Гоморонеж, он есть просто его зеркальное отражение! Не знаю, являются ли эти города городами-побратимами, но я бы их точно сделал такими! Они словно рождены для паналуального побратимства и уголовной панихерии! Так сказал я, ибо рёк.

О мой НежнотраховЪ! Твоё появление на скрижалях истории надёжно укрыто от придиричивого историографа тьмой веков и мхами тысячелетий. Красиво сказал? Я и сам знаю!.. И между тем...

«Архилы Фиглелэнда» – знаменитый труд голландца Яреса Поупа, явленный миру знаменитым датским коллекционером Дэвидом Болтундецсом, являются основным и самым проверенным источником по древне-Гнилоурской историографии, и мы не применим им широко воспользоваться. Книга к нашему прискорбию написана очень витиеватым и трудным языком, поэтому мы обратимся к её пересказу, сделанному в 18 веке знаменитым столпником Аквилей Баксолубом Вторым, автором трёхтомного сочинения «Бог и Револьвер». Но в ней есть нечто, придающее рассказу особую ценность – рисованный вид Нежнотрахова 16 века. Сделанный почти профессиональной рукой с мелкими и явно различимыми деталями, рисунок уносит нас в приснопамятную, доисторическую даль. Разбросанные в беспорядке чёрные избушки, накренившийся пакгауз, пожарная вышка с круглым окном, Дворей Губернатора Эспалова, покрашенная почти вся жёлтой акварентиновой красочкой церковь Покемоницы Пражской, вылезшая наполовину из рисунка баба с ведром и мужик с мешком на переднем плане – вот её общее содержание.

Первым упоминаемым в ней героем здешней истории по праву можно считать разбойника по имени Колобок-Жопа-Костяная Нога. Несмотря на прихотливое имя, данное ему ещё при рождении, жил он в расхристанном бомжеватом гнезде на дубе, стоявшем посреди Тридиаконовой пустоши и хранил награбленное у гнилоуров добро в подвешенных на ветвях вымытых дождями конских черепках. И в сущности был честен и прям, как кишка. Отправляясь на разбой, он и одевался как натуральный разбойник – в чёрную подвязанную кушаком доху, соломенную шляпку с дырой посредине, смешные пламзевые боты, а через вытекший глянз перевязывал ворсистую бумазейную бечеву. Добра в дупле к концу года было много – медведь в берлоге и заяц в утке. Учёт ценностей разбойничья душа вёл на пальцах и в уме, причём трёх уцелевших, но ввиду ночной жизни земляков многого к концу жизни не досчитался. Так продолжалось тридцать лет и три месяца. Потом его арестовали и несколько лет держали в темнице Кровавого Аристида – городской тюрьме, славной своим ужасающим восточным произволом и изумительными пытошными камерами в бездонном подвале. Потом по случаю очередной коронационной амнистии он был отпущен на свободу, писал книги, полные тайного гороскопного всезнания, пошёл воевать за рабочее дело, потерял руку, загодя попал в турецкий плен, странствовал по всей Средней Азии с византийским тараканьим цирком «Геркулес», выпуская огненную струю из всех отверстий, обосновался в Гелионолопулосе, принял крещение, поселился на берегу Средиземного моря в селении Бусламжи, что неподалёку от Килмарнока. Прекрасная вдова приветила его на жизненных дорогах и согрела телом и словом.

Там он развёл изумительную красную капусту, поехал на ярмарку во Фрисбенд, и там был съеден пришлыми янычарами по случаю Второго Византийского голодомора. Это было в 5876 году по некоему летоисчислению, названия которого я не хочу приводить.

Тут автор вынужден отвлечься и заявить читателю, чтобы читатель не удивлялся скачкам во времени, какие мы неминуемо будем совершать. Отчасти это будет происходить от неуёмного желания автора сразу схватить быка за рога и одним махом показать то, что кипит в его голове, отчасти оттого, что город, описанный в нашем романе, тоже организо-

ван не ахти, а потому несколько сумбурный стиль изложения какнелзя лучше соответствует духу нашего ненаглядного города.

Приснопамятная древность сохранила легенду о гигантском злокозненном вампире, возжаждавшем и наконец потопившем древний город в коллоидном дерьме. Никто не верил, что такое возможно. Он прилетел в Фиглелэндаю из монгольских степей на перепончатых костяных крыльях и упал на её жителей, как гром среди ясного неба. Его огненное дыхание обратило ветхий, как шушун, дровяной город в полыхающий костёр. Его когти прорыли в гранитной земле глубокие арыки и они снабжают ныне город водой. Огромный, волосатый вампир, из пасти которого доносилось нестерпимое, чудовищное зловоние, явившееся причиной смерти трёхсот шестидесяти пяти тысяч семьсот двадцати семи человек, не считая крепостных крестьян, собак, ежей и многочисленных рабов, он решил не только спалить город, но и утопить его. Но как сделать такое, он не знал, и не зная того, полагался больше не на знание и опыт, а на судьбу и всезнающее Провидение. Наконец случай проявить себя представился! Великан встал на два холма обеими своими гигантскими ногами, подобно Родосскому Гиганту, с плоскими обращёнными внутрь ступнями, на конце каждой из которых было по семь когтистых пальцев, каждый не меньше семитонного трейлера, на каждом из которых сиднем сидело по семь маленьких гномиков-людоедов; каждый из которых норовил вычёсывать семь блох, встал, напоминая величиной и статью греческого Родосского Гиганта, как мы уже говорили, по меньшей мере, встал, выпростал из шёлковой накладной гульфищи своей зелёный бархатный, мочевдохновенный член – член, схожий размерами и формой с Эйфелевой башней, и головкой, напоминающей Эйфеля, и струёю, подобной грозному цунами, захохотав, смыл напрочь весь вечный город: жалкие мещанские пригороды, прачечную с недоеными прачками, парадную центральную часть города вместе с голубой архивной магистратурой, давешние буйные окраины с множеством косо поставленных кизяковых многоквартирных инсул повышенной планировки и населённых по преимуществу говорливой беднотой, кривые паникейские слободки чуть ниже по горе, с петухами и облезлыми от злости и недоедания псами, тучный серовато-зелёного оттенка собор Фавна и Глома вкупе со всей прожорливой, потешной монашнёй, привалившей тогда к обеду паствой, ризницей с иконами работы греческого мастера Коитуса, чуланами с церковными запасами кошерной писци – мыла, кагора, османской гречневой каши и перво-классного норвежского свечного сала, крестами и монахами – гузнами-вертопрахами, не ко времени съехавшимися на внеочередной 396-й церковный Мытарский собор; смыл за компанию пожарную каланчу с пожарниками и поджигателями в оранжевых японских распашонках, грозными клепсидами, закатившимися под мельницы и шкафы катяхами, одиноким плачущим капельмейстером и бранспойтами, смыл всё, и в завершении своего немислимого демарша смыл также целый сонм никем неучтённых малюсеньких ветхих домиков, в которых ютились самые честные, самые рядовые граждане Фиглелэнда – гнилоуржанцы. Как говорится,

Мир противен и жесток —
 На страну напал поток!
 Смыл корову и быка
 Смыл гнилого лесника,
 Смыл телегу с мужиком,
 И попа с ночным горшком,
 Смыл собор, дорогу смыл,
 Смыл погост с чредой могил,
 Всё он смыл, но я узрел —
 Кол с казнёным уцелел!

О как!

Английская народная поэзия! Цинизм народа – есть его вера и спасение! А вы знаете... Но вернёмся к нашему повествованию, ибо несть числа препон ему, но мало помощи отовсюду!

Они были простыми обывателями и не желали для себя такой беды. Они всегда желали всегда беды своим соседям, но себе беды никогда не желали. А тут случилось такое, что навсегда поколебало непоколебимые устои их жизни. Жёлтая ревущая струя не пощадила никого. Митрич, зацепившись штанами за трубу, долго висел, и уже надеялся на спасение, но раз уж полез в картман, за размокшим табаком, то сорвался с трубы и с воем канул в ревущей воде. А ведь он был личностью не простой – стрателъ земли гнилоурской, герой Фиглелэнда! Женщины, дети, старики, аксакалы – никого не минула чаша сия – все погибли в мутном горячем потоке. Захохотал великан хохотом громким, ахитаковым, солнцу лапы раскрыл, завыл аспидно и отвязно, веселилось его злое сердце, истомой истекало. А потом бегал среди потока и вылавливал конечностью уцелевших. И шмякал их о землю, и сжималось от него сердце настоящего патриота Афанасия Петровича Ривкина, стоявшего на инвалидной ноге у полосатой будки при входе в город. Шмяк! Шмяк! Шмяк! Неприятный то был звук, словно стеклом по пиле.

Таково было кровавое возмездие providения городу за былые грехи его жителей, плата за безбожные происки и революционные позывы народных масс. Все оставшиеся в живых были в шоке и молили грозного великана ради бога остановиться, уйти и помиловать великий степной город...

На что безжалостный великан ответил только свирепой икотой и могучим рыком, снёсшим вековые дубовые рощи на дальних меловых горах.

Походив по разгромленному городу и не найдя уцелевших, великан тягостно вздохнул и удалился из города.

В детстве мать великана чудовищная красавица Нисполет Нильская в корчëванной столешнице возила своего сына в Такейский Ерузолим, поэтому он, хоть и любил человечину, но был на самом деле удивительно набожным существом. У великана была любимая книга «Латунная Пиплия из Раковниц», неизменно сопровождавшая его во всех подвигах и проделках. Она весила без малого сорок тонн и была сделана в Пенджабе величайшим индийским мастером Гуром Шрахаривишной Ботуэлем Третьим из мюнхенской бронево́й стали, колокольной афганской бронзы и толстого жёлтого пергамента, происхождение которого навсегда осталось загадкой. Толщиной она была с приличный трейлер, но на поверку всё же меньше чем знаменитая Тароттиева Скала. Двести лет семнадцать лучших Венских каллиграфов, соблюдая удивительную преемственность стиля, без усталости наносили святы́е чернёные буквы и золоти́нозные рисунки, чья удивительная грация в дальнейшем покорила даже графа Дракулу, искусствоведческая капризность которого была широко известна за пределами Богемии и даже докатилась до вечного Нежнотрахова. Как я уже говорил, переплёт книги представлял из себя глубокий барельеф из нержавеющей крупновской стали изящной работы. Ярусами, ниспадая снизу вверх, как в безграничном японском комиксе, изображались все события, описанные как в Ветхом и Среднем, так и в Новом Завете и доходившие до времён Покемона. Выполненные с невиданной живостью и красотой, они были столь совершенны, что человек мог часами, как зачарованный, не отрываясь смотреть на это чудо, не испытывая ни усталости, ни разочарования, явлений обычных при долгом чтении. Великан не часто брал в руки священную книгу, ибо времени на это занятие у него было чрезвычайно мало. Основную часть своей жизни он тратил на поиски пропитания и женщин, которые потом тоже становились пропитанием. Иногда, видя нечестие этого мира и всё воз-

растающие толпы неверующих, окружающих его, великан впадал в неистовую ярость, хватал свою волшебную «Пиплею» и начинал молотить ею по нечестивым гражданам.

– Угагагаааа! Бу-угагагаааа! – слышалось тогда повсюду, – Бу-угагагаааа!

За раз он мог убить Пиплией одного африканского слона, до сорока полностью вооружённых конных латников-кнехтов, семерых легковооружённых аркебузир-недомерков, до восьмидесяти крысоподобных католических кюре, трёх смачно-мясистых православных попов, двух зазевавшихся старух-сорок, до восьмидесяти пяти тысяч крыс, до двух миллионов восьмьсот шестидесяти двух тысяч четыреста шестисот двадцати двух тараканов и до семисот тысяч прекрасно откормленных в казармах Шванмбургских мандавошек. Таким образом, он отправлял их своим мечом прямо в рай, куда они и стремились, по мнению отцов святой церкви! Этим делом, как ни парадоксально, он и занялся в очередной раз под Петров День. Сметая свежий дёрн, он вылез из самого нутра Чижовского Ската, в фетровой шляпе размером с приличный стадион, розовой душегрейке и тяжёлых жёлтых башмаках их бегемотьей кожи, измазавшись по пути глиной, разъярился, и пока карабкался на залитый свежей травой склон улицы Лиговой, содрал лапой два дома, как все считали, классической архитектуры. А потом пошёл долбать конечностями по всем городским святыням. Все были в шоке! Разбегавшиеся жители увидели воочию, как великан, высоко подъяв над головой великую книгу, бегал по Большой Дворянской в белых польских кальсонах с криком: «Господи! Помоги мне просветить этих заблудших гадов и скотов! Помоги мне, господи!» и молотил, молотил, молотил. Как ни странно в тот чудовищный день из десяти тысяч прибитых святой книги, обнаружилось, что почти все прибитые – мужчины. Самки понимали всё грамотно и заслышав первый удар переплётом по городской мостовой, тут же впрыгнули вместе со спиногрызами в подвал и канализационные проломы.

Горох был истоптан, сечка поваплена, сладкая гнилоурская репа- предмет гордости горожан и основной объект экспорта в заморские страны – ушла в землю по самую свою колокольную выю. Не ползли больше по полям вкусные, перелётные рыбы-угры, похожие на змей. Не летели белые лебеди, сладкие как мёд. Ушли в небытие лесные кабаны-скрижалыщики, столь вкусные, что охота на них была повсеместной забавой. Последне хрю-хрю вам в след, праздные господни дети! Ящур покосил коней и быков всего края. Восплакались девы чудные! Ор стоял кипешный! Что осталось родной земле, что превиделось? Дело трудное, праздношлатное!

Всё как назло произошло таким образом, что нигде не было больше еды в нашем плодородном крае, и настал великий голод, и настал, невиданный в том благословенном краю. И настал.

Первым голод почувствовал святой человек, ветхий бутылочный пустырник Викентий Ладожский, живший при лаборатории Пратинского Универсиума в огромной стеклянной колбе без этикетки. За все спокойные годы жизни в колбе, он постепенно от скитаний с клюкой и сумой по большим имперским дорогам, навсегда насытил свой желудок, успокоился, перестал думать о превратностях судьбы, забыл о поисках своего угла и мечты о верном куске хлеба счёл уже малозначительными мелочами. Всё у него было так хорошо, что и жена не потребовалась. Как сложилась бы его жизнь, не будь этого голодомора, мы не знаем! Сложно по жизни стать пустырником, сколько всего нужно знать, но ещё сложнее надыбать такую колбу, какая была у него, старую, с накипью загадочных химических процессов. Это было национальное достояние Фиглелэнда – человек в огромной бутылке – и его всегда чрез горлышко кормили отменно: сечкой и вялеными овечьими кишками. Так как приспособлений, обеспечивавших жизнь святого, было очень много, и все они были очень сложны, его стеклянная келья была похожа одновременно на лабораторию алхимика и тренажёр космонавта. Даже во времена великих народных бедствий его кормили до одури, зная насколько пронзителен его тяжёлый сутенёрский взгляд и голос.

Однако на этот раз всё оказалось гораздо хуже, чем мог предположить бутылочный человек.

На сей раз кормить его перестали сразу. Не было ни завтрака с печёной маковой булочкой, ни обеда с сытной гречишной кашей, ни полдника с яблочным повидлом на галете. Никто, совсем никто не открыл вход и не пришёл к нему.

Первый день, когда никто к нему не пришёл, он не понял ничего. Он подумал, что то ли прислуга заболела, то ли ошибся кто, и всё ещё исправится к общему благу. На второй день к вечеру, опять не дождавшись никого, Пустырник заметался по колбе в лёгком и понятном нам смущении. Но и тогда в его душе жила уверенность в благополучном разрешении досадной случайности. На третий день одиночества его лицо вытянулось и побледнело, а глаза впервые за последние десятилетия приобрели осмысленное выражение. Он понял, что никто никогда не придёт, кормить его больше не будут, предоставив эту высокую прерогативу Богу! На Бога он, разумеется, надеялся, но сам, как оказалось, оплошал!

Перед бутылочным столпником стал выбор – умереть ради науки в колбе, или жить на свободе? Выбор был нелёгкий, ибо за годы великого сидения, бутылочник стал по-профессорски умен.

Спас его от голодной смерти, надо сказать, всё-таки сам вампир, и спас при помощи своей всепроникающей книги Пиплии – в злобе он разбил бутылку, разбросал отовсюду тонкие осколки и таким образом случайно выпустил из неё исхудалого святого человека.

Первые часы после освобождения бутылочный человек был тих и скорбен. А потом разошёлся, размялся, огляделся, взял из лабораторной кладовки старый туристический рюкзак, и ушёл по Старо-Владимирскому тракту искать свою любовь и место в жизни.

Так, как делали во все века его предки.

Звали святого бутылочника по традиции Иван Заяц, а не Фаул Дитрих, как было на этикетке, и пусть теперь он навсегда войдёт в историю под своей натуральной фамилией!

Точно так же, как прозелитическая святая блудница Наташа Петербургская, обрётшая новое.

Все святые сошли со столпов, все монахи кинулись в леса и на поляны за грибами. Их имена здесь и никто не сможет отрицать точности приведённого здесь списка:

1. Сибурдон Армейский.
2. Вардипуль Барменский.
3. Мошгир Вошкинский.
4. Драгвор Гомнодавский.
5. Масдик Двитул.
6. Жопасолизус Елагинский.
7. Цебрюханоль Жабер.
8. Сынанос Замоскворецкой.
9. Гом Ипкин.
10. Вепродрагомилус Короед.
11. Педероглус Лативецс.
12. Вульвасос Мамин Сын.
13. Глазнажоп Натянул.
14. Марчи Трахай Ярче.

За эрой столпников и рачителей амбры последовали времена великих княжеских поборов и карательных походов на недоимщиков. Походы, организованные на деньги самих князей перемежались набегами нанятых князьями степняков, «зело нагонявших страху на толпы смердоусов».

Княжескому произволу не поддавалось только племя фалосичей, доведённое княжеским произволом поистине до градуса сумасшествия сионских мудрецов. Племя регу-

лярно ходило в пустыню, выделило из себя парочку недурственных столпников-архитрахиев и дюжину пророков, испражнявшихся карминным мумиём и благородной диванной камедью. Племя довольно быстро переняло основные средиземноморские забавы и по субботам распинало на Корявом Дубе зараз до сотни воров и разбойников, не забывая оплакивать их потерянные души. Однако в один из дней из Византии прилетел бородатый ангел в белом смокинге и властно повелел повторно окрестить всю честную братию, взирающую на него теперь сквозь щели в землянках и бойницы в башнях.

Кенязя Самуйло и Горгун, не требуя подтверждений, сразу бросились исполнять команду, и рубили до тех пор, пока кто-то не сказал им, что из-за груды тел более не видно нигде бородатого ангела с кадилом и фамой. Тогда они остановились и перевели дух. А ангел, орудовавший именем Покемоницы Пражской, на шёлковых крыльях больше не прилетал. Говорят, что некто неизвестный слышал последние слова въедливого ангела, и вот что он якобы сказал:

«Братия! Почему эти скоты не ходят в блаженную церковь? Неужели же им безразлично слово Божие, настоенное на высоких травах Нового Иерусалима, неужели же простые и кристально чистые слова Христа застревают в их душах, не доходя в глубь? Как, отчего опустилась планка за последние годы? Скажите мне!»

Молчание было ему ответом.

Потом в городе начались нежданные, лютые пожары, или точнее говоря – народные поджоги. Все знали, что здесь, в Нежнотрахове жили нервные, быстрые на расправу люди, не терпевшие ни в чём недостатка, поэтому, когда *pi...dets* наставал, они жгли всё подряд, не чувствуя ни усталости, ни раскаянья. Не могла вынести их поэтическая душа опыта – сына ошибок трудных и позора мелочных обид. Они поднимали сразу в тумане моря голубого свой белый парус и горделивой рукой вели корабль сквозь штормы эпохи. Хлопотливыми буревестниками они летали над бурливым океаном, оглашая влажную стихию резкими криками. Не давала им покоя и мечта о Времени Роз, омытая слезами справедливого фюрера.

Сначала загорелись заповедные леса с болотными зубрами и бобрами, которые поджечь довольно просто. Следом к неудовольствию правоплавных пановой сгорела деревянная церковь Лавра и Фрола, в которой был единственный в Фиглелэнда удивительный пластилиновый иконостас с ликом святой Доры Изауры Сконапельской. Потом настал черёд и других объектов народного хозяйства. Сгорела основная городская баня вместе с безухими сильфидами на скромном деревянном фронте и уникальной коллекцией резных оловянных шаек, завещанных местному краеведческому музею. Сгорел ресторан «Триада» – центр провинциального дубового джаза, где играл на рояле знаменитый джазист Буми Шпильвзад. И, наконец, сгорело стометровое вращающееся фалафельное изобретение – чучело богатства Сырдары – девятое чудо света, на которое восемь лет денно и ночью отводились спасённые от бюджета деньги. Его строили на въезде в город из привозного сионского фалафеля для разгона гигантских вороньих стай, тревоживших акваторию Нежнотрахова. Много сгорело в тот год в Нежнотрахове. Архи много. Так много, что сердце готово облиться кровью!

К сожалению, не догорела и почти вся уцелела едрёная Поломоньевская библиотека имени Сароса – сборище народного бреда и помутнения. Вся ересь в этом собрании была сохранена благодаря энергии заведующей библиотекой молоденькой Ирой Кряккиевской и зрелой выдатчицей Диной Друбичич. Все в копоти, грязи, зачуханные донельзя, шепча молитлы, они вытащили завёрнутые в полосатую матрацную ткань «Коцаную Нюрнбергскую Тору», чудом уцелевший в Маазельской битве заповедный труд Лапездана Поплина «Обрезание и Договорная Справедливость», книгу Фрая Спициона «Тфилин Аршинного Гура» и самое редчайшее сочинение неандертальского анарейства – чудом, да, каким-то чудом сохранённую в наполеоновский кавардаш сверкающую жемчужину илудаизма – «Чудные Луспекайские Пекари и великий братан Моксей» в двух десятикнижиях. Они были

так горды спасением бесценных святынь, что тут же забыли их на паперти, вследствие чего всё новообретённое потрясающее собрание снова и на сей раз навсегда, было утеряно, перекочевало в нечистые карманы, пропало, пущенное на самокрутки и подмётные письма прихожан. Впрочем пострадали не только мощные культурные центры Нежнотрахова. Лучший в городе «Королевский Гандикап» с породистыми беговыми тараканами Мартой, Филом и Парамошкой, примыкавший углом к Поломоньевке, тоже начисто выгорел.

Народ улюлюкал неистово, бранспойты били напропалую, ветряки полыхали вовсю, бедняки, видя бедствие богатых и ущемление прав состоятельных, радовались неслыханно. Но и их не обошла чаша сия – обойдя пожар по ветру, многих закирдычников великан с криком «Фильтруй базар, суки!» подавил, дабы больше они не шумели.

Это был второй великан, явившийся без приглашения в древний город.

Хоть бич божий и был вампиром, ему не было чуждо ничто человеческое. Он маялся своими дерзкими подвигами и прогибался под весом своего Авторитета. Ему надоели мерзкие козявки, разбегавшиеся с противным писком из-под его ног, надоели их дикие нравы, надоел этот халтурный город, больше походивший на свалку, с его продавленными мостовыми и кривыми пожарными вышками, надоело всё. И он бродил по холмам, весь нахмурившись – живое воплощение Печали, бродил одиноко, не зная чем себя занять. И бил всё, что попадало под руку, и громил, и топтал, приговаривая: «Так надо, Мио Мадонна! Так надо! *Es mortus non Coitus!* Пришедшие восплачутся, а отошедшим привет!!»

Его слова воспринимали со вниманием. Так назарейским прозелитам в пустыне слышался скрижальный голос, как казалось, нёсший надежду.

Потом великан умирался, ушёл великими шагами в камерную угольную Марракотову степь, чтобы там, посреди топких мшаников Терпигорья, среди безлесых и пустынных холмов Жлобовонья в середине раскинуть великие клешни свои, упасть на зумь каинову огненным шаром и, всему вопреки, прокатившись вересковой пустошью, замереть у отрогов Катькиных пригорков, чтобы тут же заснуть бодрящим тысячелетним сном идиота. Ни кровавые походы Атиллы, ни ласковые песни Ренессанса, да простят меня читатели за это слово, ни жёлтый, хитромудрый плескун Чингиз-хан с его полумиллионной армией не взволновали его, не пробудили его изрядно дремлющего самосознания.

Говорят, что во сне великан видит чудесные сны. Может быть, и так! Не оттого ли он улыбается? Не оттого со скрипом мечутся глазные яблоки его под замшелыми, седыми веками? Не оттого ли сучит он слоновыми ногами в дубовых крагах? Какие сны видит он длинными зимними ночами, когда снег плавным ковром укрывает воинственное Жлобовонье? Может быть, это райские кущи с поющими механическими соловьями, заброшенными нам из Китая, а может быть, и второе пришествие кометы Стивена Марча. Что же нужно сделать, чтобы он проснулся?

Можем ли мы, люди нового века, сотворить это чудо? Для этого нужны века и века! Для этого нужен честный, непрекращающийся труд народа, нужна вера в победу великого дела великана, нужно самоотречение лучших!

По легенде, его пробудит Василиса Преломудрая, когда чрез тысячи лет забвения и мха поцелует гиганта в разные его места.

Так сказано в Паникейских прописях, не верить в которые может только очень безнравственный и пустой человек. Так говорил Человек, так возгласили всезнающие пророки. Нет никаких оснований полагать, что сказанное Человекам – неправда и ждать нам более нечего! *Gridet chas? Chas otmschenia I rechali!* Он проснется! Верьте, люди! Так было! Так есть! Так будет! Баста! Мы дождёмся великой минуты оживления уснувшего!

Зная пророчество блаженной Авдотьи Питерской, с её волхвованьем и гаданием по груди, его искали. Армия, ниспосланная вслед для установления причин и истин, долго петляла между его золотых кудрей, приняв их за заросли даньбаньджаньчаньского бамбука,

запуталась в них, как взвод в колючей проволоке, и ведомая новым Иваном Сусаниным, потом так же ошибочно приняла его ягоды за две большие вулканические горы, в которых во все века скрываются благородные разбойники, нередкие в нашем краю (и именно такой формы). Они называли горы Триманейка и Втул. Армия приняла его ягоды за горы, а анус – за карстовую пещеру Ворунтала, нанесённую вопреки истинному положению дел на всех географических картах, как святое место; ворвалась внутрь геройским маневром и мгновенно вся до последнего человека погибла от ядовитых газов, истёкших из желудка чудовищного разлагавшегося великана.

Вот какое наказание заготовило в очередной раз для Нежнотрахова всевидящее Провидение.

Как его всё-таки звали? Матиф? Урсиласт? Бамби? Кажется, его звали Колудон?.. Нет, кажется, не Колудон! Или Бирпиклон?.. Нет, не Бирлипот! Или Махнот?.. Бигмул? Нет, не Бимбул! Да, память отказывает мне! Это ведь было так давно, что стёрлись благородные детали мировой истории, а свидетели событий, как оказалось в натуре, так долго не живут. Как же его звали? Не помню точно! Простите меня!

Однако должность царского хлыстомера, дававшая ему до сорока тысяч гнутых кастрюльных гривен в год, не вызывала у него никаких иллюзий и тем более благодарности чувств, ибо воображение рисовало совсем другие горизонты. Может быть должность хлыстомера оказалась чересчур хлопотной, отвлекая внимание на контроль за испражнениями царских кобыл.

Когда Автор думает о великих событиях тех лет, его сердце наполняется сладкой истомой и тоской – прошли веки Терпигоревы, полные героизма, и что настало взамен? Кто знает! Кто знает! Нет-нет, всё-таки его звали Бирлибаном... А потом прозвали... Как же его прозвали? Точно – Айсипатлом! Да, его прозвали Айсипатлом Морским Змеем, и это его окончательное бесповоротное имя. Даю руку на отсечение, что это так, и да подтвердит святая великомученица Тереза НежнотраховЪская божественную истинность моих слов!

Да, о чём это я? Я вспоминаю давние события, неумолимо изменившие облик моего края, я вижу то, что невидимо многим. Я проникаю сквозь камень утерянного и железо неизвестного, как рентген в тайны жизни!

Итак, господа, давайте повлечёмся назад в будущее...

Вира Некин, чудный летописец Ждобовонья, поможет нам в наших экзерсисах.

Когда голод спустя семьсот лет прекратился, население края составляло четыреста шестьдесят восемь человек, из которых двести были монахами, не желавшими ни размножаться, ни работать, а остальные прекрасными столетними монахинями, неистово блювшими культ Жертвенной Девственности. Они-то и подняли падший город и возродили его животворную силу. Они-то и вселили курчавый оптимизм в местных кроманьонцев. Скоро в город из окрестных тюрем пригнали толпу ссыльных востроглазых женщин-живопырок, давших через год, в отличие от миссии секты девственниц- полностью провальной, прекраснейший приплод. Улицы города огласились счастливыми детскими голосами, и новое поколение гнилоуржан возросло, подобно дрожжевому тесту, ожидая цветущей своей юности, вечной любви и дальнейшего неминуемого водворения в тюрьму.

Жизнь меж тем продолжалась и продолжалась, принимая всё новые, всё более причудливые и благовонные формы.

Началась эпоха религиозных аскетов. Они нахлынули откуда-то с юга огромной стаей, и были горласты, грязны, придирчивы к мелочам, всегда чем-то недовольны, и часто плакали, припоминая свою райскую жизнь в Риме. Но самое главное их достоинство состояло в том, что они были многочисленны и прожорливы, как саранча.

В давние, тоже довольно-таки приснопамятные времена великий герой древности Геракул Ассизский жил в тростниковом шалаше на одном из холмов Нежнотрахова –

Шепуклиновом холме. Он спал на мягких вересковых коврах, столь широко раскинувшихся на южных склонах Северной Жлобовской долины. По ночам великан возжигал гигантские костры, играл на дубовой лютне, пил клюкву из динозаврева рога, ревел на полную луну, страшая её, и, приговорённый собственной величиной к крайнему одиночеству, сочинял удивительные для человека его круга и воспитания добрые, зlostные, совершенно несмешные эпигармы.

«А если камень бросить в город
И запалить его огнём,
То в нем не будет столько морд,
Как было днём».

«Верую, верую в бога,
И в домовый комитет,
Ждёт нас большая дорога
Бурь, испытаний, побед! —

писал он, глодая карандаш и закатив глаза.

Да, днём, чтобы не казаться праздным, он налегал на огромный каменный плут, вздыбливая, невесть зачем, луговую землю и ворочая чёрные лабрадоритовые камни, а ночью бродил по окрестностям с бутылкой, топча всё сделанное людьми сыромятными учуковыми калошами. С гнилоуржанами, которых он не ставил в грош, он почти не общался, предпочитая умные оловянные книги, завезённые специально для него из Греции завидным философом Звероном. Одна из книг, в которой впоследствии рачительные жители насверлили уютных пещер, и теперь украшает одну из улиц описываемого нами города. Книга носила название «Тикал из Анула» и описывала жизнь выдающихся людоедов и великанов. Был здесь и клювастый Моркот, и синекотий Дабринт, умевший прыгать по деревьям, и непредсказуемый Олдинг, гроза овчарен. Сейчас немногие люди знают, что это уютное здание, населённое адвокатами, на самом деле является книгой. Просто её содержание выели ушлые приспособленцы. Потом великан исчез так же неожиданно, как появился, и его долго вспоминали местные барды в легендах и диких народных песнях. Это было второе появление реального великана на нашей святой земле.

Глава 4

В коей озвучиваются первые сентенции героя, изъятые Автором из его личного дневника.

«Верховные церковные иерархи утверждают, что человек создан по образу и подобию Господа. Но если это действительно так, то у Господа должен быть аппендицит! А зачем Господу аппендицит? Его предки, что, силос ели? Не верю я церковникам и их ужасным бредням, понимаю, зачем им нести в массы бред детских снов и наркотические видения – так лучше контролировать плебеев. При этом желательно ещё убедить их, что они люди! Они веками обманывают народы, оттого их Гристос такой неживой, картонный! Почему же я вижу это, а многие не зрят?

Жизнь человека должна преодолеть страшный Харистианский соблазн и слом и вернуться к более дикому, первоначальному состоянию. Мы должны вспомнить, что основой существования во все времена была борьба, и никто не убирал её из Природы, не может убрать, как не может убрать Солнце или силу тяготения, только заретушировали на время, исказив картину ложью.

Надо меньше читать зачитатанные до дыр книги, надо доверчивее относиться к Матушке Природе.

Вот, правда, многовековое господство Харистианской церкви в мире, что это такое? Их святой в одном месте говорит, что явился с пальмовой веткой, в другой – что пришёл с мечом и хочет воевать! Одним он говорит одно, другим другое! Что это такое? Всё-таки большинству нужна не демократия, а плётка! Им нужны простые, затверженные истины, лучше в форме дацзебао! Тогда у них всё хорошо, они успокаиваются и погружаются в целебный сон! Они не способны оценивать события в их многогранной сложности, выбирая из происходящего то, что лелеет их несбыточные мечты, а не неприкрытую истину. Государство потакает этому, поощряя религии, «толерантность», «релевантность», разные виды цензуры, самоцензуры, редактуры и т. п. И человек, по закону свободный, сковывается этими невидимыми нитями, как Гуливер пигмеями. Ненавижу я всё это, ненавижу!

Если сравнивать государство с муравейником, то видишь, насколько мудрее, жёстче и справедливее любого государства, бывшего на территории моей страны устроен простой муравейник. Там под пологом Господней длани (Законов Природы) царят гармония и порядок. Каждый знает свою миссию и не задумывается о том, великую ли роль он сыграет в судьбе муравейника. В муравейнике любой чужой муравей, любая чужая блоха мгновенно изгоняется, загрызается, и никому в голову не придёт считать это несправедливым, жестоким, а тем более читать по этому поводу какие-либо сентенции. Милосердие муравьям не свойственно, но им свойственна справедливость. Таковы Законы Природы и в их неуклонности лежит уверенность Природы, что Путь Рода должен быть неуклонным, прямым. Я уверен, если мы проведем эксперимент и, к примеру, окурим муравьёв неким наркотическим составом, благодаря которому они на время станут добрее, перестанут истреблять чужаков и пользоваться плодами чужого, несвойственного им интеллекта, то дни муравейника будут сочтены. Ему не будет дано просуществовать и нескольких дней! Война и неразбериха покроет муравейник. Они начнут мешать друг другу, отбирать у друг друга еду, задумаются, правильно ли то, что матка ест такую хорошую пищу, когда они живут впроголодь? И перебьют друг друга. За изгибы и отход от здравого смысла всегда есть плата. Но Муравейником руководит сама Природа. Там невозможна взятка, ибо Бог или Природа исключают то, что пойдёт во вред муравьиному сообществу. Там ни одному муравью не придёт в голову тратить силы на спасение инородца, скорее всего, он его тут же прихлопнет. Там

не вообразима идеология типа Харистианской, где будет воспеваться мёртвый муравей. Ни один муравей не захочет даже слушать таких агитаторов! Там нет куч жрецов, проституток, преступников – куч бездельников, придающих своему безделью социальный вид. Нет, и не может быть. В человеческом же муравейнике, которым управляют сильные, но случайные люди, распад и разложение дошли до того, что утверждается, что нужно любить других муравьёв, брать их манеры себе на заметку, везде звучат слова «толерантность», «релевантность», «терпимость», «демократия». А свои рабочие муравьи – основа жизнедеятельности муравейника вымирают, озадаченные, для чего и для кого теперь нужен их тяжкий труд? Стоит только лишить жизнь метафизического, высокого, философского смысла, как смерть и разложение довершают дело. Вы можете представить себе ситуацию, когда муравьями в качестве вожака муравейника руководит, к примеру, муравьед или крокодил? Не можете? Правильно! А бабочка с крылышками может командовать муравейником? А мышь? Это невозможно, не правда ли? Почему же славянскими с 1924 года по 1953 год руководил грузинский крокодил? Нет ответа! Такого не может быть в здоровом муравейнике, но возможно в поверженном человеческом сообществе, в сообществе, приведённом в состояние сумасшествия и порчи. И мой народ, которого давным-давно заставили впустить в свой муравейник чужое, враждебное, поступил, как ни был силен, в рамках той ситуации – спился, развратился, загнил, прекратил размножаться и под насмешки и неприязнь всего мира догнивает теперь на задворках мировой истории. Его не уважают, не боятся, и в любой момент, когда он окончательно ослабеет физически и морально, готовы явиться за его исконным имуществом. Вот плата, которую мы заплатили за произвольные игры с Харистианством и прочими абстрактными «теориями». А многие из нас не понимают и даже не хотят задумываться над этим!

К сожалению, с того момента, как Человек выделился из Природы, над обществом, которое он создаёт вне Природы, не господствуют Законы Природы – Законы Борьбы. Здесь происходит постоянное поправление здравого смысла и постоянное возмездие Природы за это. Появляются целые группы людей, целые народы и организации, которые чаще специально, но иногда по инстинктивным позывам внедряются в больные швы общества, разлагая его в самых слабых, самых незащищённых местах. Гной и гниль – самая аппетитная пища для них! Цимес медкомпот! Самосознание остальных уже настолько угнетено или неразвито, что они, даже видя смертельную угрозу и своему существованию, никоим образом не препятствуют общему разложению. Они видят, что это хлопотно и почти невозможно – препятствовать скверне. Ибо она текуча, как ртуть. Иногда случайным образом появляется в каком-либо обществе сильная личность, знающая глубину падения и видящая путь спасения из пропасти. Иногда Провидение столь ожидает такого человека, что среди травли не даёт ему погибнуть, даёт возможность воплотить многое из задуманного. Чаще испорченный общественный механизм убирает такого Спасителя, и общество продолжает двигаться по долгому извилистому пути к своему бесславному концу. И видя это, как не предаться печали и боли?

Природу нельзя обмануть, её весы слишком точны и механизмы оценки слишком правильны, чтобы кому-то было позволено поправить Её законы.

В какой-то форме возмездие наступает также и для тех сил, которые будируют гниение и разброд, но не менее сильно Природа карает и обманутых, не желающих сознаться в собственном обмане.

Попытка заменить Законы Природы неким религиозным суррогатом понятна. Если не действует естественный механизм самоорганизации, нужен искусственный. Самомнение человека при этом столь велико, что берутся Харистианские штуковины, замысленные для совсем других народов и говорится, что они могут быть поводами человеческого общества везде. Они де универсальны! Всё это было бы неплохо, если бы Харистианские умо-

зрения и постулаты хоть в какой-то мере соответствовали Природе. Но этого ведь нет! Есть выдумки понятия «греха», «вины» и т. п. Словесные фантомы вдруг начинают играть огромную роль в обществе, толкать людей на настоящие безумства и подлости. Ввиду того, что они привнесены, они никак не сбалансированы в смысле соответствия с духом народа. Навязанные, пришедшие в неурочное время с чуждой земли эти постулаты не могут оказать никакого иного действия, кроме порчи человеческого материала и смерти людей. И это видно по результату! В жизни погибает только тот, кто признал поражение! Тот, кто отказывается признать поражение – живёт вечно! Как только шило вылезает из мешка и оказывается, что эта мёртвая идеология не приживается к живому народному телу, начинаются разного рода репрессии против народа. Начинают подгонять ослабленный народ под доктрину, а несогласных убивать.

В ключевых пунктах мировой истории, когда стоял вопрос выбора будущего (Рим или Ганнибал, Европа или США), всегда побеждал тот, кто звал за собой посредственность, и сам был ею. Законы Харистианского мира заточены под толпы посредственностей и глупцов. Неужели же этот тысячелетний, бредовый сон человечества никогда не кончится? Где взять тридцать процентов неиспорченных, разумных людей, способных сказать «нет» лжи, где?

Харистианство – хроническое, заразное умозрительное заболевание, опухоль, с которой народы живут столь долго, что уже считают его естественной частью общественного организма, иногда высказывая мысль, что без этого заболевания общественный организм уже и жить не может. Истинно говорю вам! Может! Придёт время – и Хариста мы будем вспоминать как страшный, наркотический сон человечества. Видения этого сна были причудливы и фантастичны. Результаты этого сна страшны для мировой цивилизации! Харистианская голова последнюю тысячу лет боролась с языческим телом, ненавидела его, проклинала, лишала развития, делала бессильным, женственным. Придёт время, когда святое, героическое поколение, невесть откуда взявшееся в крошечном царстве лжи, найдёт в себе силы сбросить эти паучьи путы и пойти к свету, солнцу, нормальности и счастью! Я хочу жить вместе с таким поколением, я хочу быть его частицей! Я хочу разгонять мрак!

Разбуженный страхом смерти европейских народов, на время поправленный, народный социализм приходит на смену Харистианству.

А теперь небольшая пародия.

«Признаками рационалиста являются: свастика, фанатическая любовь к родине и своему народу, скверное неприятие чужих, неуместная любовь к своей семье, излишне здоровый образ жизни, гипертрофированный спорт, в особенности велосипед, туризм, чтение не рекомендованных Марьей книг, опрятная чистая рубашка, ношение одежды белого цвета, цифра 8 на майке или другом месте, нормальная эрекция.

Признаками нормального гражданина являются: нездоровый образ жизни, табакокурение, пьянство, наркомания, алкоголизм, джаз, ложь, наплевательское отношение к своей родине и ко всему на свете, джаз, вера в Христианские заповеди, регулярное посещение церкви, секты, здоровая лояльность к сионизму, интернационализму и любым иным формам самоотречения, неспортивный вид, депрессия, джаз, джазз, джазззз».

Оценивая результаты того или иного религиозного явления, мы можем рассматривать их только с точки зрения судьбы большинства основного народа, а не кучки проходивцев. Если посмотреть с этой точки зрения на судьбу славянских народов, то все сложности вдруг становятся простыми и понятными. На территории этой страны вот уже почти тысячу лет из рук славянских людей вырвана эстафетная палочка господства над своей территорией и на холке этого народа жирует постоянно меняющаяся по составу, но неизменная по целям клика пожирателей живого. Для того, чтобы этот народ никогда ничего не понял до своей неминуемой смерти, его постоянно одурманивают вином, харистианством, гоняют по войнам и революциям. Тысячу лет идёт обратная селекция истребления сильных, гордых

и водворения лживых слабаков, которым позволено иметь потомство. Те поколения, которые здесь живут, имеют весьма малое отношение к тем, которые Должны Были Здесь Жить, если бы всё было Правильно. Бог, если ты есть, приди к нам на помощь! Спаси нас!

Глава 5

Продолжение кратких исторических сведений о Нежнотрахове.

Попрошу тишины! Вернёмся к Яресу Попу.

В тринадцатом веке, будучи засечной крепостью на южных, так сказать, «основных» рубежах Фиглелэнда, город Нежнотраховъ оказался в самом эпидавре исторических событий и был стёрт в порошок захватчиками целых семь раз. При каждом стирании, само собой разумеется, почти полностью или поголовно сменялся городской ландшафт, менялось коренное население, и новоприбывшие, увлечённые уцелеванием и благоустройством, поскорее старались забыть о катастрофе, постигшей их предшественников.

Помимо всего прочего постоянно утрачивался рецепт целебного гнилоурского подорожничкового узвара, и его приходилось крепко припоминать.

Никто не обращал внимания на прискорбную повторяемость гнилоурских катаклизмов. Все жили в ауре сегодняшнего дня, и никто не заглядывал в день грядущий. Как показали натурные наблюдения такого рода, забывчивость всегда являлась защитительной чертой местных жителей и часто спасала их от грустных мыслей и агрессивных намерений.

Интересной темой для исследователя является характер мыслительной деятельности той эпохи. Чем были полны головы людей в эпохи великих переселений и катаклизмов, о чём думали они, чем развлекали свои головы, уводя их от тоски и слабости духа?

Трудно сказать!

Первый раз город в порошок стёрли дикие монгольские орды, покусившиеся на нашу драгоценную виртуальную свободу. В один момент на цветистые степи выплеснулась дико орущая толпа кривоногих людей в халатах с кривыми саблями скверного качества, на низкорослых голодных лошадях с длинными гривами. Орда шла стремительно, сжигая всё на своём пути. Не сумев сразу ворваться в город, монголы осадили его и стали закидывать горшками с нефтью. Окружённый, но не сдавшийся город питался в это время ёксельной столетней солониной и янтрами серых мамонтов, найденных весьма кстати в вечной мерзлоте. Питьём жителям служили огромные запасы браги и пива из княжеских погребов. Жидкости в то время хранились и в воздушных щучьих пузырях, обработанных по специальной, несохранившейся технологии. Поначалу всё шло хорошо! Но когда и эти запасы подошли к концу, старый, закалённый двадцатилетним битиём баклуш ярый столпник Гришанья Ехремеев вдруг засуетился, замахал руками, загундосил, понёс какую-то чудную ахи-нею, околесицу, свесился головой вниз со смоляного столба и проорал в самое ухо народу:

«Атас! Атас! Йе! Вижу таз! Вижу! Всё орло! Всё ушло! Кирдык вердык! Кирдык мурдый! Оро нуса кол! Всё! Теперь – полная жопа! Вериз май факин коудл? О ю! Мамочка! Мама! Тейк ю э фингер! Телеграммас! Йе! Граждане гнилоуры! И-и-и-у! Истинно говорю йа вам! Сэйв ауа сокс! Йе! Год ис труст! Нейза аза майнд! Зэц олрайт! Йе! Гона факин бастардс! Йё! Спасайся, кто как может! В Сметане – рожи! О драхмапудер-драхмапудер! Вы куда? Я – вниз! Всё! Вира! Майна! Кто же меня спасёт? О – о-о-ооооо! Вира! Майна! Афтсралия! Афсралия! Йе! Йе!».

И закрутился на земле винтом, изрыгая пену. Все были потрясены, ибо никогда никто не видел Гришу в движении, а тем более не видели его говорящим на языках народов вселенной. Обычно он задумчиво, скрестив ноги на голове, посиживал на столпе, как бы неживой, и оживлялся только во время принятия пищи и нередких городских празднеств, где девушки прыгали через коровье седло и огонь. Значит, дело было действительно очень плохо. И бла-

гословлённый на то блаженным Григорием, подожжённый с семи концов жителями, город тут же пал, как сгнивший лесной орех.

Человеческая саранча не щадила ничего на своём пути. Когда толпа пришельцев лавиной огня и дамасской стали прошла по отечественной грязи, оказалось, что половина граждан Древней Фиглелэнды в мгновение ока лишилась жизни, остальные – кошельков и верных гаремных жён. А на горизонте до небес ещё долго клубилась мелкая дорожная пыль и смрадный дым, напоминая об исперченном инциденте.

После стирания на холме посреди ещё тлеющих углей долго стоял потерянный чёрный конь с огромным косым членом и чьей-то болтающейся оторванной ногой в стремянах. Он бил ногой и, не зная, что ему делать без хозяина, ржал на всю ивановскую, казалось, выкликая таким образом дух почившего незнакомца. Это был один из бескрайней чреды миллионов, которых здесь обзывают «неизвечными солдатами». Такой знак произвёл неизгладимое впечатление на уцелевших горожан, выглядывавших в это время из густых кустов картофельной бузины и стройных корабельных лопухов. Конь был буйный, наглый и в администрировании не плошал. Его —то и назначили первым городским градоначальником. Он устроил в городе сенат, богадельню и любил крупных гривастых блондинок.

Карточные масонские ложи процвели при нём великолепно, множились многократно, а винокурное дело совсем скукожилось.

Жил он на Клюквенной улице, специально для него замощённой шахматным порядком коровьими лепёхами и для общей крепости – подковами с дырами для гвоздей. Он произвёл организацию, но в его сердце жил вольный дух степи. Однажды пришёл день, когда он вырвался из своего кабинета, заржал с нечеловеческой силой и умчался с громким гиканьем в сырую Голоманьевскую степь, как говорили, «ночёвничать и ждать скрижали». Почему так засуетились люди, ведь и без шкрижалей вроде бы жили неплохо?

Второй раз город стёрли в пыль верные княжеские войска Ассамагура Квёлого, пришедшие по слёзной просьбе обывателей освободить временно оккупированный анклав. Князь Георг Шестнадцатый сам вёл непобедимую армию через леса Прикоблущья и болота Марколурии, тщетно надеясь на скорый успех. Его упорство было вознаграждено в тот самый день, когда из-за холмов показались снежные купола мятежного города. Город хотелось не только окружить, но и уничтожить, так он был красив. Княжеская экзекуция была не в пример монгольской гораздо более свирепой и непреклонной, и после неё не осталось даже исторических древесных углей. Опять на горе стоял конь, опять болталась нога, и опять член был кос. Семь жителей, уцелевший при кампании, известных пофамильно: Иван Иванов, Пётр Петров, Сидор Сидоров, Никифор Никифоров, Том Градусников, Опа Гомеров, Раш Долбин – долго в Забуёве не удержались, похоронили остальных, и ушли в пустыню есть приличествующие акриды да суматошно разговаривать с неведомым, но донельзя милым Богом. Просить его о чём-нибудь таком... Умилощивать!

Третий раз его милостиво стёрли с лица войска мстительного диктатора-республиканца Наполеона Буонапарта Первого, набравшие бессовестных, наглых, ничего не знающих поводырей среди бесштаных Вихлебских негоциантов и потому заблудившиеся до смерти в бескрайних степях Понизовья. До сего времени считалось, сто Наполеону не удалось продвинуться до Нежнотрахова, но так ли это? Возможно ли, чтобы концентрируя силы на Смоленской дороге, он послал часть армии в дебри Фиглелэнды, и избирал при этом такие тайные тропы, что никто из жителей не видел его. Возможно! Население Фиглелэнды в то время было столь малочисленным и столь разобщённым, что пройти незамеченным каких-то четырёхста километров по лесной и кустистой территории представляется вполне вероятным фактом. Местные жители очень запомнили Императора сидящим на Сомовской Большой дороге у Каракозовского дуба, на раскладном стульчаке, с какой-то неважнецкой бумажкой в руке. Хотя, может быть, эта бумажка и была очень важной для Наполеона и его войска, но для нас

она неважная, плёвая бумажка, тьфу на неё! И даже не надо бы о ней здесь упоминать, тьфу на неё, на эту бумажку, тьфу! Как раз из палатки выперли ходоков из крестьян, которые просили разрешить им грабить и жечь праздные помещичьи усадьбы. Император даже не понял, что, отказавшись принять этих бедных, плохोпахнувших людей и поговорить с ними, он проиграл войну!

Запрет гнилоурского поспешно отступавшего императора на торговлю с войсками захватчиков не соблюдало только хищное вихлебское высельное сообщество, таскавшее плюшки в обмен на жаркие золотые монеты. Вихлебские торгаши при этом столь часто и столь бессовестно обманывали захватчиков, что те в конце концов стали негоциантов сугубо побивать, то есть расстреливать без суда и следствия. Особо злые на хищную вихлебскую шпану, безжалостную судьбу и горестъ Провидения, кавалергарды предали огню отдельные вредоносные местечки, но дело до конца не довели, отчасти по слабости сил, отчасти полагаясь на голод и славный мороз.

Тогда же здесь в качестве журналиста побывал знаменитый французский маньяк герцог Бен Мурано, чьи вампирические пристрастия так волновали прессу маленького города Птисуара, где он родился жаркой июльской ночью 1773 года. Его поверенным отцом был неподкупный Робеспьер, а матерью – сладострастная графиня Куку-Дуду. Или просто Дуду. Эта великая женщина смогла выработать такие формы наслаждений, что Помпеи с их культом времяпровождения и разврата, пребывали в ранге мокроштанного детсадовства.

Однако скоро сами французы столкнулись с голодом и морозом в такой степени, что о продолжении зимней кампании уже не могла быть и речи, а речь шла об уцелевании. Их волновали теперь не завоевания территорий и богатств, а возможность унести ноги. К декабрю был достигнут момент истины. После чего их стройные дивизии быстренько растворились в заснеженных степях и балках моей непобедимой родины.

Свойские партизаны графа Мирова увеличивали беспорядок и смятение, как в рядах сломленных захватчиков, так в среде сирого полкового крестьянства.

Обстановка была сложна и непредсказуема. Кто с кем воевал, было неясно в наступивших мировых сумерках.

Зима пришла разом настоящая, без предупреждений, и было так холодно, что даже выдержанные в меду итальянские балалайки и курительные трубки из дворянских коллекций пошли на дрова и лучину. Партизан Дварыдов собирал шумные бригады косарей, валяльщиков и скрынотеев, пил набрудершафт с трактирными амазонками мадам Зизи, а потом всей толпой они стремительно нападали на обозы, свои и чужие. И грабили, граббили, граббббили.

Война уносила своих лучших сынов – ремесленников и лесорубов, сарданапольщиков и короедов.

Население страдало тоже неистово. Больше всего от недорода пострадал смиренный Голожоповской уезд, до того славный урожаями серых древесных бобов и желанного шелковичным червям мочального дерева – страдал просто потому, что был расположен много ближе других уездов к сожжённой столице, к дороге, и в результате – объедался армией и мародёрами в рясах в ходе битв гораздо сильнее прочих уездов. Кое-какое благополучие наблюдалось только в Маруфином подворье. Там было изобилие гнилой картофельной лузги и прикопаны до времени несколько бочонков терпкого крапивного мёда.

Но и это прошло, как проходит всё.

Четвёртый раз стирания Нежнотрахова в порошок был связан с освободительными войсками князя Боратумбрийского, обходившего город с востока вопреки здравому смыслу и советам гадалок. Когда под ногами попадалась змея, знак судьбы считался столь прозрачным, что делали крюк вёрст под семьдесят. Обходили и кротовьи норы, боясь встретиться в них с буйными полевыми разбойниками. Армии то наступали, то отступали, не смея завя-

зять битву. В конце концов, после бесплодных метаний и переговоров невесть кого невесть с кем, город был закидан китайскими петардами и «горель, – как сообщали тогда газеты, – аки зело, паки жарько, вельми мажорносто и оченно рати веселом. И толикос тройе уцылелита – велий Пижа, Моцик и слабый Жув».

Они-то и стали потом панакадильными жрецами, обвесились волынками и судили в суде по древним казуистическим законам, вычитанным в ветхом мордухайском свитке» Своде Куев Анабер». И было их три наказания: 1.ёхан амнисть, 2.ван виселитц и 3.пуля в ёкт.

Пятый раз город был засветло сожжён в ходе Седьмого соляного бунта самим восставшим местным народом, прекратившим недоимки не пожелавшим сдаваться законным властям ни под каким соусом. Им, предпочитавшим сгореть заживо в своих бамбуковых кильдимах и хижинах, чем сдать, пришлось убедиться, что власти свойственен скорее поиск порядка, чем искус гумоньизма. Что и было сделано. Все сгорели живыми, не сдавший, не сдвинувшись с первоначально намеченного места ни на миллиметр, сгорели, подтвердив верность однажды данному слову.

В шестой раз его стёрли в порошок пришлые тевтоны, не знавшие, сколь сильно им помогут дикие в этом грядущие освободители.

Кто к нам приходит с мечом, тот, как известно, отбывает от нас в гробу! Эту истину никогда не следует забывать, когда мы имеем в виду НежнотраховЪ!

На беду в то время стояла поздняя осень. Шумели серые осины. Чёрные паровые, изнемогшие от деторождения поля стонали под тяжкими нездешними облаками. Грибы лезли изпод земли, как крайняя плоть гномов. Караваны неизвестных птиц тянулись к югу, оглашая окрестности долгими криками. Ничего этого тевтоны не видели. Они шли вперёд с боем и песней, попирая всё на своём пути, шли вперёд, пока не остановились ввиду собственной малочисленности и истощения веры. В грязи полей в болотной жиже тевтоны быстро зацвели и опустились, потеряли свой молодцеватый вид. В зазеркалье, а Аду, среди острых скал и огня пробирались они к желанной победе! Никто не смог сказать им худого слова о том, как они воевали, они воевали, как никто и никогда в истории.

Как хорошо выйти из Ада и упасть на зелёную травку в саду, где цветут алые розы, вестницы красоты и счастья! И не вышли! Им оставалось в конце концов заплакать и затянуть хором «Из-за острова на стержень». Что они и сделали 7 ноября. Это было началом их конца.

После такого чуда им срочно нужно было отсюда уходить.

Освободители были не лучше захватчиков, скорее наоборот, но этот факт знали только самые смелые и ушлые к знаниям гнилоурцы и гнилоурки. Они знали, но плотно держали язык за зубами там, где положено – во рте, за рядом плотно сжатых зубов.

Освободительные войска, как всегда, голодные, грязные и злые (за что их очень хвалили в газетах), обстановку просекли сразу и в мгновение ока вспороли все перьевые перины. А потом также угнали наличных дев в северные деревни для лучшего размножения и амура. А затем, полагая граждан подпольными коллаборационистами и сводниками, перебили всех оставшихся в городе сограждан мужескагу полу (что отчасти было верно и имело подтверждение в доносах филёров-францисканцев), а по городу прошлись натуральным фальшпарадом – асфальтоукладочными катками и танками с ёхаными минными баронами.

В то время трупы ввиду их великого множества не хоронили совсем, предпочитая быстрое течение реки Моснянки, когти прожорливых зверей и клювы пернатых птиц и ворон. Таким образом, на полях и в воронках ещё долго белели ничьи кости, вызывая умиление у художников-баталистов.

Потом был великий парад, данный в честь высоких лиц – премьер-министра и президента. Президент и премьер-министр сидели сначала на турецких кошах, расстеленных на розовых индийских слонах, а потом перешли под прозрачный балдахин.

По Красной Площади чинно проходили бригады пузанов в розовых камилковых чепчиках.

Идут наши защитники, с животами до земли, с шеvronами с оскаленным бурундуком на фоне двух облачков и янычарской сабли. Это наши защитнички! Это наши!

Над ними летят самодельные самолёты с абордажными крюками и непонятными значками на крыльях.

Все пороки человечества отражались на лице главнокомандующего – Мусы Абдуллы Ахмеда Второго.

Прошмыгнула, как будто наложив в штаны, дивизия имени Микки Мауса, за ней дивизия Кота Базилио и Лисы Алисы, полк имени Святого Павликуши Пидерского следовал по пятам за ними, хлопая на ходу голубыми шёлковыми шalироварами.

Потом самолёты сбросили ветеранам мешки с макаронами, а так, как макароны лежали в сыром складе, и были как гранит, убили они немногих, но навсегда.

Одновременно с избиением на другом конце города шло и бурное размножение, которое организовать всё же много легче, чем накопление материальных ценностей и хоть какой-то мизерный порядок.

«Дабы не повадно было измене здесь более жить! Филигранно всех к нохтю! Не бары поди!», – заявил тут же присутствовавший бравый генерал Отто Орлов-Неполов, руководивший всем почётным делом при барабанном бое и веерных залпах наугад.

Хорошо били родные портерные пушки, маслянисто!

И он командовал ими, как дирижёр дирижирует оркестром.

– Жув! Жув! – пели калёные ядра.

– Бенц! Шменц! Дренц! – откликалась знатная полковая артиллерия за Тимошкиным холмом.

– Виу! Виу! – огрызались отменные соломенные мортиры.

– Цук! Цук! Цук! – дробно вторили трофейные германские зенитки.

– Патц! Патц! – подбелдыкивали ржавые отечественные мушкетоны.

Как хорошо, как ладно бьют пушки! Как хорошо жить, зная о близости смерти! Как мило рвутся снаряды в окопах врага, неся смерть и разрушение, как изумительно наступает пехота по изрытому сапогами капустному полю.

Он знал, что очень немногие дойдут до редутов врага, но те, чкто дейдут – это воистину сыны господни, ибо их помиловало Провидение.

Он был очень хорош в своих зелёных штучных штанах и голубой турецкой обливной кирасе. Как хорош! Донельзя карош!

«Молодцы – ребята! Измена не прошла! И пасть ея мы порвали на куски!» – восклицал он в сплoхе патриотического мочеиспускания, ударяя дермантиновой своей шапкой оземь.

Ответом ему было троекратное Хура.

Вечером он дал большой бал, где опился до поросычьего визга и отдал богу душу вследствие сильнейшего апоплексического удара.

О его сменщике сведений как будто бы не сохранилось, но местные жители упорно утверждали, что императора звали Ёхан Вердикт Бабай I – по кличке Аттавистос.

У него был чешуйчатый хвост, раскосые зелёные глаза и коcолапыe, заросшие густым, мягким ворсом вёсельные ноги.

В то время в области появился подлинный народный герой – ушлый казак Иван Мозжейко, разъезжавший по окрестности с финифтью на лбу и с аккуратной польской палицей в многожильной, сухой руке. Хотя ему очень шёл образ беззаветного народного заступ-

ника, одевался он исключительно у французских портных и пил старое «Мадам Клико» и «Дюшун» 1764 года, весёлых женщин для плясок выписывал почти всегда остзейских кровей – из Ганзы, Клошмерлинбурга и Вальпе, а мизинец оттопыривал почти так же богато, как король Солнце. У него была даже своя мадам помпадур. И был свой Бельведер, где мадам помпадур выгуливалась при палящем свете. Лунными ночами он играл на цитре. Он любил кроликов и устраивал шумные набеги на прибыльные соляные копильни, где только мог, жёг почту и телеграф, утомил гильдию бесштаных столпников, выслал их на хер, а награбленное субтильное добро и плотную гербовую бумагу тут же раздал чужовским беднякам, которые презент моментально пропили или проиграли в корчме «Заратустра» во фрике. Прочитав в «Земском Листке» о том, что Король-солнце каждый день пил огненный шоколад с плавленным жемчугом, не позволяя черни такого же удовольствия, смышлённый казак Иван Мозжейко воскресил древний французский обычай и, уединившись в шинке, присёрбывая, пил горячий шоколад с кирзовым самогоном. Это был поистине великий человек, совершенно чуждый заносчивости и гордыни.

Его звонкий застольный голос часто слышался из губернаторского особняка, где шли невиданные лукулловы пиры:

– Начальник отдела Размножения и Вязки товарищ Миловидов! Ко мне! Комон! Всем остальным оставаться на стрёме! Уважаемые працюки и господа! На кого мы равняемся? На матросов! На унтер-офицеров! На наших лётчиков-паромщиков!

Просим почтить наш стол вашим должным вниманием! Хо-хо-хо! Сижу я на нибе, тай думку схадаю, чего я сокил, чего ни литаю? Салатик! Раки! У! У! У! Ви вчора в садочку в тихому куточку жде девчина жде! Сё е! Вот ещё! Балычки! Свиные отбивные! Сё е! Молду шлюбу браво соколына! А им ничего не надо! Ничего им не надо! Зажрались! Сучары вы все коцанные! Балабольки квёлые! Ослы свинские! Что там ещё? О-о! Икорка! Сёмгушка! Не откажите, друзи! Игристое! Водочка! Всё есть! Что желает душа! А поворотитесь-ка вы, сучары! Мётлы дёрганные! Экие вы похабные стали, экие смешные! Друзи! Прошу не побрезговать закуской и маневром! О, как я хочу жрать!!!

И по его команде все бросались на выставленные сокровища и ели, хавали, лакали, присёрбывали, чмокали, смаковали, жрали так, что было и любо и дорого на них смотреть.

А зачинщик пиршества смотрел на всё происходящее и ликовал.

Его скоропостижная смерть была настоящим ударом для горожан и наступила 3 ноября невесть какого года.

Глава 6

Прерывающая исторические сведения и доносящая до читателя Чисто Теоретические Излияния Автора, неожиданные для него самого.

Глямур! Амур! Тужур! Бонжур!

Я не злопамятный, просто я злой и память у меня очень хорошая!

Ну что, работаем без рояля, как завещал нам великий маэстро Алим Шостаковский? Нас волнует проблема перевода? Нет, не волнует! Все великие музыканты понимали, что их судьба зависит целиком от тех, кто исполняет их музыку! Бетховен считал, что нет никого, кто может его сыграть. Бах презирал ноты и формальных исполнителей. Великий Похлёбкин всю жизнь ожидал Единственного Интерпретатора, который послан Предвечерним Господом для водворения Нирваны и Кармы. Он так и умер, не дождавшись их. А Блок с его поисками «Предвечерней Дамы»? Что это? Что за ...ня такая, не пойму? Что ж... Хм! Переносим музыку на нотный стан сразу, минуя бумагу? Свежее впечатление не должно засохнуть в мытарствах сочинительства! Живая кровь должна пульсировать там, где текут реки настоящего искусства! Все-за? Против нет? Гм! Хорошо! Не ожидал такого примерного единомыслия! Не ожидал! Да! Что ж... Не будем тянуть резину? Тогда – начали! Прошу вас, маэстро!

И выплыла из тьмы мира маленькая квулая филаргмония с её чёрноликим грифом на фасаде, кучка людей на освещённой светляками улице, напротив помпезного входа, и обшарпанные кассы с высоченным кессонированным потолком, и старый зал, шумящий, как роящееся пчелиное гнездо – сегодня полный под завязку, месье, и толстый визгливый конференсье с вкрадчивыми речами ни о чём (нос как ятаган... что-то вспомнить... что-то вспомнить), хитрые карие глаза 30-е годы 30-е годы быстрое воистину стремительное явление маэстро Фрола Клюквинского в чёрном фраке ба с розовой бабочкой в горошек фуфло полное фалдами цоп-цоп не на что посмотреть не глядя в зал гордое брезгливое худое лицо тварь настоящего аристократа кинжальный взгляд нах в суфлёрскую будку небожитель как вышел так сразу строго палочкой по пюпитру бенц-бенц-бенц прошу внимания мол господ тварь сверху вниз трудно содержать оркестр а все музыканты снизу вверх смотрят с ненавистью как зверушки в глаза питону с ненавистью и полным непонимэ потные отождияния ненавичного начала ненавистный ты смошник и чего тут ваще происходит вон хрюшка хрю-хрю вон зайчик-стребальчик пиу вон соня с полой виолой а вот мышь девочка ты что тут забыла в норку кыш и чего ты явился мучить нас насилловать нас и чего хрю-хрю квакв цып-цып и грянем лучшее что можем Бородина потому что на другое мы совершенно не способны кто тут сука вообще живёт А по... ть!

И местные голоса слитно шумят в зале.

– Товарищ! Пригласите лучше шлюх! Пусть пляшут танец Тин-А-Тун на журнальном столике! Жизнь должна быть прекрасной!

– Ну что вы, доктор, что вы? О чём вы?

– А то! Будете знать! Да! Сейчас не время книг, сейчас время революционной ломки! Мы должны быстро продвигаться вперёд в меняющемся времени, мы должны оповещать других о своём выборе! Ивестиции стоят в повестке дня! Остро стоят! Страна стала снова готовиться становиться на ноги! Эпоха маломощности, фуфлыжничества и министерской безграмотности позади! Гип-гип ура!

– Гм!

– Что он говорит? Что он говорит? Пусть он помолчит! Здесь так шумно! Так шумно! Так накурено, что ничего не слышно!

– Он говорит об оповещении!

– А надо о музыке! Здесь не ОПСОСПАС! Это филаргомния!

– Что? Что оно говорит? Кто он такой? Это что за фрукт?

– Кто?

– Да этот – слева от вас!

– Вы обо мне! Любитель музыки! Модельер, Визажист с большой буквы и имиджмейкер божьей помощью Натаниэль Елдашкин!

– А тот, белый, как церковная мышь?

– Жазист местный! Шторкерзман! Вернее, он алкоголик, но числится жазистом! Очень надменный, когда нажрётся! А нажирается он до полного умопомрачения! Но как играет, когда нажрётся, как играет! Виртуоза!

– Ах, значит так? Буржуи проклятые! Нажрались, значит, нашей крови, натрахались до умопомрачения, а теперь уж им и деньги подавай! На блюдечке с голубок каёмкой! Нет уж! Нетушки! Выкусите, господа! Не позволим! Петушков таких перевидели! Нас на фиро не возьмёшь! Всё равно, не будет по-вашему! Не будет вам денег! Обосрётесь, господа!

– Да тихо вы, невежды! Тут музыка, музыка! Горловая капелла Юэлто Фавна! В программе прочитал! «Сиракузские печали». Соло на народной анарейской дудке Пис Шпирзон! Чудо! Сейчас этот отчубарит Бородина, повинность эту сраную, и вразу же капелла начнёт ...ярить! Ну, тише же! Тише! Отключите, пожалуйста, сотовые телефоны! Дышать темно!

Дирижёр надувается воздухом. У него вырастают заячь микимаусовые уши, и бабочка на груди начинает трепетать шёлковыми крылышками. Палочка идёт вверх, на секунду замирает у потолка, а потом рушится вниз вместе с первыми кривыми звукам великого оркестра. «Венский Филаргомнический окресрт». Объявляли: призрак короля Датского и иже с ним суфразистка Анна Чехова. По девкам пойдём, или как?

Полная тишина в зале.

Ах, музыка, пилюляют печалей грешного мира! Как нам без тоби?

Грянули! Пошло!

Глава 7

Первое практическое введение читателя в реальный современный Нежнотраховъ с ознакомлением с местным языком и нравами.

Это было в то далёкое время, когда на столичных телевизионных студиях внезапно вошли в моду молодёжные реликт-шоу и надолго водворились безграмотные толстые дикторши, бочки пивные, поперёк себя шире, всякие там телефонные килеры, развязные юные парни в цветастых капроновых жилетах замелькали в жуть каких бездарных сериалах – знаете, такие чрезмерно наглые ребята. А старое поколение, не успевшее ничего сказать о своём ужасном уделе и бедности, тихо ушло в молчащую сырую землю. Обо всех мне не рассказывать, потому что вся моя земля обильно полита нашей кровью, их было столь много – этих людей, и никто никогда не сможет описать наших страданий и нашего бывшего счастья. Да и вроде бы считается, что о плохом не принято писать, мол, это нехороший тон, неприлично! Я знаю, что такое неприлично! Неприлично, это когда все славяне абы кто, с метлой ходят, а все начальники – инородцы! Вот что такое называется – неприлично! Я так думаю, и чем больше живу, тем больше так думаю. Так я думал, когда увидел этого кретина, с которым мы ещё не раз столкнёмся в нашем повествовании. Маленький помощник мамы! Этот кретин тоже был горазд речуги толкать, этого у них не отнимешь. И вот что он говорил дёргающимся ртом:

– Вот вы говорите – Пушкин, Пушкин! А что Пушкин? Что Пушкин? Пушкин-Пушкин! Взяли себе за правило Пушкиным всё затыкать! Все дырки? То же мне ещё! Мерило! Пушкин! Ну и что Пушкин! Пушкин – это вам не галион! Он, что, по воде ходит, или накормил всех рыбой? Откуда вы его взяли? Ну откуда? Пушкин... Пушкин! Что Пушкин? Что Пушкин? Это раньше был Пушкин! Это раньше было наше всё! Сто лет назад при пещерном коммунизме, о котором Пушкин слухом не слыхивал! Тогда и разговоры были и юбилеи, и гонорары за найденную туалетную бумажку с мадригалом скверному обеду или описанием только что осквернённых ножек. Этой засраной бумажке радовались, как второму пришествию никогда не радовались! А теперь бабки – наше всё! Бабки – нашъ Пушкин!

Этого вифлеемского малыша хотелось удавить сразу. Взять – и удавить на глазах у его мамы! Лучше бы сама мамуля, раскаявшись, удавила его! Чтоб потом не было ни двадцати веков мерзкой демагогии, ни этих поганных Румских Пап с треугольной землёй, клобуками, индульгенциями и чётками, ни вонючих монахов с вервиями на гульфах, ни чудовищных процессов ведём с кострами и прокажёнными страстотерпами, ни бесконечных толп этих жалких, всегда обманутых кретинов с крестами! Взять – и тихо удавить! Как Арина Родионовна удавила обидчика Сашеньки Мэтью Попкорна в 1803 году пополунди. Как Анна Каренина удавила Вронского. Как Дон Кихот заколбасил доблестного Санчу Пансо, когда тот отказался быть губернатором острова Борнео.

Он, конечно, горячился, визжал, шипел и соплями брызгал предупредительно в разные стороны, как Кампанела. Всю улицу заплевал. От рва до Главной городской башни. Бесился от своего Эго! И ушёл, как последний пароход из Крыма, увозя на пупырчатых шеях графьёв ворованные народные бриллианты.

Он любой разговор, любую тему рано или поздно сваливал к Пушкину и его героическому дэкабрийскому окружению. Я его послушал и прослезился, так он меня достал этим Пушкиным. В гробу тому вращаться дай бог без усталости и печали, как он меня достал! Но слушал его исправно, надеясь на хорезмский алмаз в потоке ньюйоркских помоев.

– А что делать с челобитчиками? – вопрошал он.

– С какими челобитчиками? А-а! С этими?!.. Челобитчиков молодецвато бить палками по ягодицам и гнать взашей! Прочь с глаз моих! Не хочу вас больше видеть пред... это... А теперь скажи, осмотрел ли ты хоромы, убедился, заперты ли все двери? Целы ли склады и запасы? Кормлены ли куры и сурки в пентхаузе? Там ведь вся чечевица и фасоль нашей республики! Не просочилась ли вода в катакомбры? Не повреждены ли пломбы на амбарах, где хранятся серые острожные валенки и едкая кубовая соль? Где враг?

– Нет! Всё будет сохранено для подомков!

– Что нет, что-то пропало?

– Нет, просто я этим не занимался! Не проверил!

– У тебя всё просто! Молодца! Борю Годунова подвёл! Ну, тогда я сам проверю! Ключи сюда! Ключница! Где ключник?

А потом он испарился. Его место сразу занял мой приятель, имени которого я не буду называть – выпивоха, плут, каких ещё поискать надо, любитель высокого искусства, анахорет, решивший сейчас развлечься, не к месту присев к компьютеру и делясь излюбленными мыслями со своей любимой женщиной – довольно высокой блондинкой. Она иногда любила его тело, но душу не любила. Не находила её человеческой.

Они иногда встречались в его разваленной квартире, которая столь же походила на человеческое общежитие, как и на пещеру святого Маэля.

Там они оттягивались лососиной, развлекались тимпанами, слушали музыку, сауремную, фа-соль-си, дьявол её задери, исчадие ада ваша музыка, и вообще делали всё, что вздумалось. Ни у кого не хватало смелости упрекнуть их в бахвальстве и самоуправстве, кои признаются везде самыми смертельными грехами, исключая, разумеется, прелюбодеяние и неискоренимый старческий маразм.

В момент его самой высокой грёзы она, как обычно по пятницам, подкралась к нему сзади и, напевая древний мотив «Хероусак уехал в Ватикан», томно вылила томатный сок на его лысую античную голову. Она вылила полный стакан томатного сока на его античную, слегка ассиметричную голову! Вылила! Даже не отпила прежде! Вот сучка! Вылила сок и тем прервала высокий полёт его мыслей о родине. Падла!

Когда мысль улетает слишком высоко, её лучше всего охлаждать томатным соком. Вылила и тем показала, как она на самом деле уважает его. Унавозила его иссушенный, истощённый ум! Показала, как она любит его неистово и серьёзно! Как Пока любит Чачу, как Машенька любит медведя!

Дико каркая, над ними, в высоком небе пронеслась стая прип...днутых архангелов. Их удивлённые лики вытягивались на тонких шеях, и крылья резко рвали воздух над зелёными холмами. Они долго кружились над землёй, как вороны, что-то высматривая в круглом ландшафте, а потом спикировали, как «Штуки» на Салоники и разом сбросили зверские портерные бомбы.

О бог Люфт! Верим в тебя! Знаем всё о тебе! О бог Люфт! Как хороши твои авионы! Как ладно пикируют «Штуки» на врага! Боже, защити их, благослови их в деяниях их!

– Да вы – Ромео! Настоящий мужлан! Витиеватка! – сказала она, пока он поворачивал голову в сторону пикирующих, ещё не успев предать себя неистовому гневу.

И медленно поворачивал он выю, ещё не осознавая свершёного в мире.

Он вскочил, вытирая проплешь, и согретая архангелами, уже нёсшимися в обратном направлении, стая клинических мыслей закопошилась в его мокрой голове.

Я хотел сказать – «кинических», да не мог...

А в мокрых ушах звучал мистический, сырой голос, призывавший его к гармонии и братству, говоривший такие современные, острые, правильные слова:

«Мы – славяне! Мы тысячи лет живём на своей собственной земле, которую у нас отняли, живём, словно гости какие, без места в жизни, без неба и надежды. Уже вытеснили

нас всех потихоньку на обочину жизни, на помойку; обманули, разорили, поморили, в трёх соснах поводили в охотку, поубивали в войнах кучами, поколениями, пластами, не считая, не уважая. Как скот нас гнали, сволочи, на эти мерзкие войны, перебили всех, а теперь ещё и смеяться стали над немногими уцелевшими в потраве, над их обедневшими детьми, потешаться стали – мол, какие мы глупые, какие смешные, какие уродливые, неловкие, как выродился наш род, как измельчал! Смейтесь-смейтесь! Я тоже смешной перед вами! Глупый, перед вами – умниками свинскими, стою один! Я слушаю ваши подлые речи, я внимаю вашим гнусным словам! Говорите! Ведь шоу продолжается, не так ли? Не так ли, господа?

Что ж... Мы, немногие, лучшие люди, рассеянные по землям, будем надеяться на крах этого мерзкого, маргинального Харистианского мира, будем молиться своим незапятнанным Богам, чтобы это произошло, ибо только на обломках старого мира возможно появление Нового Языческого Мира. Это будет другая история, наша Новая История.

Кто виноват, государство ли это ничтожное, пятая колонна, глупость и доброта наша – какая разница, в конце концов! Есть результат, и он таков. попросту говоря, он плачевен! Теперь начальство, правда, уже почувствовало, что кругом палёным всё сильнее воняет, фу, фу, что-то не так в королевстве Обломском, что-то изменилось в мире, нах, трансформировалось прежде всего – в нас самих, поняло, что тихой сапой в рай теперь по нашим трупам не пролезть, и этой шушере, какая нами сейчас руководит, не дано будет на пенсии цветочки на грядке разводить, слава те господи, а скорей всего ей предстоит убиенной в земле гнить, как раньше прихордилось нашим предкам. Или слинять за границу, где их килеры будут одного за другим патронить из цейсовских оптических прицелов! Шпок! Шпок! Скоро вашей конституции здесь не будет, господа! Другая будет! Новая! Не такая хреновая! Скоро здесь сообще будет национальная революция! Ура! Мы, славяне, её ждём, как ману небесную! Молимся ей! Вот мне никто не верит, что будет, а я знаю это! Я знаю! Она Будет! Я никогда ещё не ошибался! И у нас будут паспорта, где никаких двуглавых не будет, а будет написана наша великая национальность в первой графе, и стоять древний арийский знак, от которого все жрецы шарахаются в разные стороны с перекошенными мордами и ртами, как оглашенные чмыри! Всё – будет! Чай-какава «Зимний» будет вам! И в телевизоре я больше никогда не увижу эти мерзопакостные чужие рожи с их гнилыми, пустыми речами! Не хочу их больше слушать! Не хочу их видеть! Прочь!

Да здравствует национальная Революция и освобождение моего народа от векового гнёта! Да сбудутся наши вековые мечты! Ура!»

Ничего себе – речуги!

Да вы, сюдарь – кар-бо-наррррррр!!!

Глава 8

Довольно длинная, в коей впервые появляется белокурый, героический герой Алесь Хидляр и произносит некоторые зажигательные речи, сочиняет великолепный гимн И-И-Исмусу Харисту, бичует кривду, а также видит странные пророческие сны.

«Ну, вот, это я – Алесь Хидляр! Теперь все расскажу по порядку! Хотя не знаю, есть ли у меня сейчас то, о чём я могу рассказать? Начинать можно и со вчерашнего дня и с дней юности! Ты ведь давно петляешь по её просторам, парень! Не правда ли?

Жизнь так изменилась, и надо признать, не в лучшую сторону! И люди тоже! Только я не меняюсь!

Только Провидению доступно спасти мой народ и страну!

Сегодня я лёг спать довольно поздно и уже стал потихоньку кемарить, воображая зрелых женщин-брюнеток в минуту абсолютного любовного исступления, томления и восторга, как услышал со двора голос моего милого, ненаглядного соседа. Я не знаю и никогда не узнаю, как зовут этого доброго человека, принадлежащего, по словам знатоков, к НежнотраховЪской мафии. Его все боятся! В своё время он сколотил капитал на рулетке, рэжете и взятках! Молодца! Тут не бывает других соседей! Все такие! Всегда у нас так, вот только начнёт человек мечтать и думать о чём-нибудь хорошем, как какой-нибудь козёл всё испоганит и «День Победы» петь начнёт! Всегда так! Только я успел подумать, что не дай бог какой козёл начнёт петь «День победы», как он запел «День победы, как он был от нас далёк»... И всё такое прочее... Наверное, мысли мои на расстояние передаются. Всегда так, только я успею подумать о чём-нибудь, как вот оно что – уже тут! Пел он, как Алябьев трахнутый, таким премерзким, бабьим, сырым голосом, и так громко, что я был готов прослезиться от умиления. Но когда я включил свет и взглянул на часы, моё детское умиление сильно поубавилось – было уже три часа ночи. Недецкое времечко! Они что тут, совсем ох..., эти негоцианты с рекитерским прошлым? Сон испарялся, сменившись раздражением. Три часа ночи! Это не то время, когда хочется любить родину и петь ей боевые песни! Совсем не то! Это время спать и видеть сны про блондинок и брюнеток, сны про шатенок с глазами газелей наконец! А не это фуфло в майке слушать! Я ведь всегда умудрялся довести своё видение этих женщин до визгов и сучьей поволоки в глазах.

Иногда останавливаясь, чтобы передохнуть, мой сосед благополучно довёл до конца свою ночную серенаду и, разогнав своих верных девок, для которых, как оказалось, он и старался, удалился, грохоча деревянными башмаками и часто падая в тёмном лестничном пролёте.

Я долго ворочался, а потом всё же уснул.

И снился мне сон.

«Красное солнце вставало на закате, темня глухой лес. Честный Заяц по имени Фрол Красноглазка пугливо пробежал по кровавой стрехе, оглядывая собственные уши всевидящими, прозорливыми, воистину божественными глазами. То ли то? Кругом дюди, самодвижущиеся механизмы, охотники. Заяц обалдел от беготни по кустам и мечтал теперь только о тихом покое. Его натренированное в Лужниках серое тело подрагивало в прекрасных, ритмических движениях, не описанных в человеческих словах. Прыг-скок! Заяц-заяц! Ему

никогда не осознать свою абстрактную жизнь, не запечатлеть её в твёрдой памяти. Его цели ясны, а намеренья расплывчаты.

Заяц есть Заяц,
А Крот есть Крот,
Им суждено быть в м...,
Пока Господь их не уе...т
На страшном Господнем Суде!

Что есть заяц? Заяц – это не Пушкин! Это не Гоголь! Не Толстой и не Тургенев! Это малое дитя Матушки Природы! Всего лишь! Индивидуум истинный! Не мне вам объяснять такие банальности! Он не понимает и на понюх Пиплии и не переносит человеческой речи. Не знает слова «консенсус» и не пишет мимо унитаза. Его счастье в том, что у него нет унитаза, и если из зайца посреди дремучего леса ударила струя, это ещё не означает, что он пишет. Ему чужда толерантность и отвратительна релевантность! Ему не нужны коммунизм и Христианство! Он может позволить себе открыто не любить анареев! И ещё всех тех, кто ел его капусту. И даже скача по лужку в Европе, заяц может не признавать халокост, ничуть не рискуя сесть в тюрьму!!! Он не хочет знать ни Моисея, ни Авраама, ни Адоная, ни Адама и даже Юдифь для него тьфу!!!! На... нужна зайцу эта мутная Юдифь? Такой уж это типок, такой! Заяц – Большие Уши!!!!!! Но как многого он достиг!!!!!!

Пока мы тут рассуждаем о пуповинной, неразрывной связи анарейских пророков с зайцем-стрибальцем, в мире уже многое произошло.

В Ираке взорвали несколько грузовиков со взрывчаткой, в Сомали умерло от голода несколько тысяч человек, слесарь Толя Бабаев напился вдупель в подвале дома на Малой Рыночной, потом поехал в трамвае по Малой Арбейтской улице, неся на коленях своих огромный арбуз. Там же, в трамвае его накрыл приступ белуги, и он стал неистово кричать: «Что это за срана? Что это за срана, я говорю?..»

Никому и в голову не пришло объяснить ему, как называется наша незыблемая родина. А он продолжил инсинуации и выкрики с мест. Пассажиры заметили, что у него белуга только тогда, когда он стал по отечески нежно разговаривать с арбузом и даже просить у него за что-то прощения. Потом он резко, как корнет, откинулся головой назад и впал в прострацию. А может, и умер...

А под бронзовым Сашей Пушкиным в несколько рядов уже строились добролицы, широкоплечие негры – адвентисты Седьмого Дня Страшного Суда Втуницы, строились, чтобы провить песню о добром посланце небес Исмусе Харисте.

Их пастор евангелист Пётр Каракатин-Гиря сказал сегодня такие слова, такие слова! Что же им чтожеим сказал евангелист Пётр Каракатин?

Сегодня он говорил долго, но когда совсем распалился, понёс истинные откровения:

«...Вот уже вторую неделю идёт на телевидении наша передача «Час Христианского Слова». Вторую неделю наши лучшие специалисты нашей Проточной церкви посвящают своё время и силы духовному совершенствованию уверовавших в Исмуса и познавших тайну Харистовых благ. Лозунг нашей программы – «Подари свою квартиру Господу!..»

...Неважно то, что мы думаем о Боге! Важно то, что Бог думает о нас! И те, кто уже навсегда полюбил слово Исмуса и сделал его своей плотью и кровью, и те, кто бродят во тьме безверия и греха и под давлением дьявола до сих пор сомневаются в несомненном, Боге – сомневаются, присоединится ли им к братьям по вере – в конце концов все они ждут милости Божьей и готовы сами оказать милость своему ближнему и Богу! Наша церковь своей программой «Подари квартиру Господу» указывает путь милости и сострадания, пройдя который каждый человек обретёт свет мира и радость великую!..»

Как дальше обрабатывались пастором сыны Харистовы, мы не знаем. Не знаем мы, последовал ли за зажигательной речью пастора приказ идти на площадь к Пушкину распевать песни, или не был? Прислали ли их церковные иерархи, дабы посланцы своим примером вдохновляли неверующих страдальцев, пришли ли они сами собой в порыве фанатизма, кто знает! Мы не будем допрашивать и пытаться их, не будем узнавать, как они завтра распорядятся своей квартирой, ибо дело безнадёжное, и послушаем то, что они исполняют...

Они были серьёзны, как никто никогда, и Харистос, будь он их слушателем и зрителем, точно усмехнулся бы в свои шоколадные усы. Точняк!

В один присест они запели свою немудрёную песню, да так ладно и стройно, как только однажды пели солдаты Седьмого драгунского гвардейского полка, расквартированные двести лет назад в Алапуевских казармах по случаю осады Кимр и Белого Городка.

Они покачивались, как волны чёрного моря, но если бы песню пели китайцы, море было бы Жёлтым:

«Он был хорошенький такой,
Всё время шёл вперёд,
Пока не пострадал герой,
Отправившись в поход.

Его прибили к палке
Античные весталки.

Это был Исмус Харистос
В белом венчике из роз.

Наш Харистос – рыбак в Генисарете.
У него большие невода.
Любят его взрослые и дети,
Проходя небесные Врата!

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

Он идёт к нам с милыми дарами,
С веточкой оливковой в руке.
Мы его все встретим в божьем храме,
С ласковой улыбкой на лице.

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

У Хариста за пазухой тепло нам,
Будто вечный огонь во тьме горит.
Он расскажет правду этим клонам,
Он вампиров мигом просветит.

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

Наш Харистос – рыбак в Генисарете.
У него большие невода.
Любят его взрослые и дети,
Проходя небесные Врата!

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

Наш Харистос – рыбак в Генисарете...
Наш Харистос – рыбак в Генисарете...
Наш Харистос – рыбак в Генисарете...»

Вот чего они пели, думая, что лучше их песни на свете ничего лучше и сыскать невозможно. Я чуть на..пу не упал при этой простой мысли! Пушкин, бронзовый Пушкин, вышивавшийся над ними, как член над плоскогорьем, хоть и был бронзовым буратиновидным истуканом, но чуть не захлопал глазами от их рулад. Кажется, он даже покачивался в такт их куплетам. Не ожидал!

Бедный Пушкин поневоле как бы дирижировал этой камарильей, и было видно, как ему это занятие нравится. Талант! Талантище! Супер-чилаэк!

Осматривая причудливую картину выкликания Исмуса из Назарета, Алесь Хидляр задумался и мигом улетел мыслями так далеко, как не улетал никогда.

Он очутился на неизвестной планете, XIV-A-IVS, до отказа кишашей коммунистами-бомбометателями и попами, как труп прокажённого червями. Планета была экспериментальной, и на неё только недавно запустили людей – революционеров и попов.

– Это вы, Ярокимчук? – спросил меж тем слепой, раненый комиссар Гафно, полулежавший в бинтах на лавочке у крыльца дома абсолютно глухого жреца Лада Свиярцева, в миру Мирона Тихохмиркова, – Давайте подзорвём этот мир! Этот подлый мир! А? Кто это там поёт? Это что за жизус такой? Это о ком так? Как больно! Дайте воды!

Как будто не знал таких важных вещей, какие знают даже дети.

Комиссару Гафно выкололи глаза подлые беляки ещё аж в девятнадцатом годе, и он смотрел на мир теперь пятой точкой. Гуру! Он умирал уже не первый день, ныл, требовал уважения, и всем до смерти надоела как его уходящая жизнь, так и предстоящая смерть.

– Это что, опять ты, злой..здун? – ответствовали яму прямо в пятак в крайнем раздражении, как будто волк проорал из норы.

А министр безопасности верный Нил Сवेशников, кравшийся вдоль забора, тайно слышал их разговор, несказанно удивился, невменяемо пьяный дошёл вдруг до дома и при том совершенно ничего не сказал супруге. Такова была планета XIV-A-IVS, находившаяся в созвездии Альдебарана, левее Больших Медвежьих протуберанцев, в Седьмом квадратиусе. Что бы это значило?

И всё. Планета удалилась мгновенно, померкла и исчезла среди мириадом других звёзд, заполонивших ночное небо. Молчала вселенная! Только Альдебаран и Земля оглашались

в это время пьяными криками матросов. А Алесь Хидляр в это время тихо ёрничал в восточной полушарии планеты Земля, ёрничал, ибо у него был повод:

«Вопреки всему этому бедламу я встал рано утром и первым делом зарядил в розетку мой розовый революсионный бумбокс. Было пол – седьмого утра. Утро прекрасного летнего воскресного дня. Время подводить итоги прошедшего дня и строить грандиозные планы на будущее. Время работать не по децки! Время осмысления своего места в извечном мироздании. Время дерзаний. Время поисков своего сакрального Я. Это не шутки какие-нибудь! Не фуфло майское! Солнце вставало над дровяными домами во всей своей первозданной красе. Сосед давно утомился и спал в кровати, свесив волосистую ногу в восточном направлении. Я на секунду задумался о своей печальной судьбе на этой как бы, нах, родине и врубил «Дойче зольдатен унде официрен» – мою любимую песню. Святую песню. Крру-тую! Сильную! Незабываемую! Я посвящал это эксклюзивное исполнение моему соседу, негоцианту и сутенёру! Спишь, мудлон? Проснись! Не время спать! Не время! Время петушиных боёв! А раз не время спать, то получи, приятель, фашизтскую гранатку в тёплую буржуйскую постельку! На, брат, держи!!

Короче, я врубил музон на полную катушку! Классный немецкий хор проревел песню так сильно и слаженно, как никогда. Эти Тевтолийцы хорошо потренировались для этого исполнения, да и оркестр не подвёл! Грянули, ахнули не за страх, а за совесть! Руку даю на отсечение, я не лгу, я знаю эту песнь до мельчайших деталей – точно, это было новое исполнение! Я отпал! Если вы тоже любите brutальные немецкие хоры, вы меня поймёте! Поняли, ну молодцы! Это чудо, а не песни!

«Вот идут солдаты, а им девушки машут из окон платочками!» – пелось в песне. Слова обычные, мирные! А звучало это так: «Не подходи, враг, яйца оторву!»

Многие считают эту песню чуть ли не гимном нацизма, а она родилась ещё в дни наполеоновских войн! И слова в ней довольно мирные, как вы уже угадали. Мол, «вот идут солдаты и девушки машут им платочками и кричат из окон». Да-а! Что и говорить, я был расстроган таким невиданным исполнением, что неожиданно для себя прослезился. Уже через две минуты внезапно пробудившийся сосед, осознав происходящее, начал как божья птица-дрозд биться в мою дверь, жалобно голося, что «надо остановить музыку», а не то он «покалечит и убьёт всех». О да, он понял мой мессидж, и уже не заботясь о своём имидже, полыхал, оскорблённый в самых сильных, самых интимных своих чувствах!

Сквозь глазок я заметил, что он в одних трусах ко мне заявился, бедолага! А для чего же он ко мне заявился? А заявился он ко мне для того, чтобы не согласиться ни с текстом моей лучшей песни, ни со словами, и что всего хуже – не согласиться с её исполнением! Солдаты ему, видите ли идущие не по нутру! Ха! Деушки, оказыватца, ему не нужны! Платочки их крахмальные ему не пондравились! Ах, ты гад! Предатель! Вражина!

– Прекратить диверсию! Иначе я за себя не отвечаю! – орал он, как резаный гренландский бегемот, а потом выдал писклявым голоском уж такую педерастически интеллигентскую фразу, что я заржал: «Мне не нравится, – пискнул он, что в моём микрорайоне (вы слышали, что он сказал: в микрорайоне!) звучит такая музыка, вызывающая такие эмоции у ветеранов чего-то такого!»

Ему не понравилось! О как! О как страшно стало жить! Человек мирным жителям кровь хочет пустить только за то, что они слушают песню про девушек и платочек! А мне его полночная музыка понравилась? Все эти «вставай да поднимайся» мне понравились, я спрашиваю? Этот подонок не просто ничего не понимал в хорошей музыке, так он ещё был неисправимый эгоист! Великан-эгоист! О как! Нет! Музыку остановить нельзя, товарищ! Мы же взрослые люди! Музыку можно останавливать только в случае, если его девушка танцует с другим! С немилым! Когда я прокручу эту прекрасную песню в тысячный раз, он признает свою ошибку! Я знаю это! И примет эту прекрасную песню, как родную! Убьёт!? Ха!

А теперь он хочет убить нас! Даже не на выбор, а сразу всех и гуртом! Злодей! Убийца! Киллер! Вор! Маньяк! Преступник! Гламурный партизан Печкин! Славное Солнце Поднебесной! Фундамент наших Вечных Побед! Хищный Глаз, Смотрящий Вдаль Истории! Сокол Непоколебимой Правды! Армавил Кривой Коготь!

Нет! Так нельзя жить! Нельзя! Я не люблю тебя, малыш! Не люблю! Тебя не любит никто! Разбей своё холодное, злое сердце о мою дверь! Испорти себе печень и селезёнку завистью и поношением! Бди! Убейся головой о притолоку! Вывернись наизнаку! Напейся, как свинья!! Ходи вниз головой! Делай что хочешь! Я не заплачу! Я прощу! Иссыдь! А Музыка ты будешь слушать! Финифть коцаная! Пионер!!

Я ему сказал нежно: «Иди на ...!», – и отошёл от двери.

По истошным крикам я понял, что его ещё больше проняло. Он уже бился лысиной по паркету, показывая всё своё недовольство. Завершив благодарственную молитву словами: «Гусары в дерьме не тонут!», я снова пошёл спать.

Сон мой был благ. Он был таков.

Мне приснилась победа Империи в Великой войне и растущее и крепнущее величие Европы под руководством Единой Гурмании. На вновь отстроенной площади Империи в Борлене, перед своими войсками и соединениями союзников Вождь Гурманского Государства Торф Зиглинг произносит парадную речь по случаю великой победы. И все люди по всей Европе прильнули к динамикам, ловя каждое слово величайшего оратора, философа и пророка. Всем ясно значение этой минуты. Европа входит в эру Порядка, Свободы и Справедливости. Явно волнуясь и долго подбирая слова, сначала медленно и серьёзно, а потом всё более эмоционально и раскованно великий Гурманский Вождь говорит о том, что благодаря Провидению и Богу героическим вермахом одержана величайшая победа из всех, какие начиная с античных времён знал мир, таким образом, страшная война, затеянная большевиками и заправилками с Уолл-Стрит, война, продолжавшаяся пять долгих лет, теперь позади, позади страдания и жертвы мецкого народа, других союзных с Тевтолией народов, и теперь Единая Европа воссияет в мире и двинется вперёд по правильному, единственно верному пути – пути национального возрождения. В Европе ход истории изменён. В Фиглелэнда положен конец анарейско – большевильскому бреду. Счёт преступлениям этого мерзкого режима неисчислим. Ещё предстоит осмыслить масштаб этих неопишуемых преступлений! Векам Харистового бреда в течение считанных месяцев будет положен конец, и лично он, Зиглинг, клянётся, что этот вопрос для него – дело чести. Он не будет арестовывать святош и взрывать церковные строения, он лишь отдаст давно ожидаемое всем народом распоряжение привести налоги с церковных владений и латифундий к законному уровню. Это давно следовало сделать, но у государства ввиду экстренных обстоятельств военного времени просто не доходили до этого руки. Церковники должны жить по общим законам, и если они занимаются хозяйственной деятельностью и торговлей, получают прибыль со свечей, а иногда и сверхприбыль, то должны платить все положенные налоги. Сами люди, уверен он, наконец-то стали понимать, в каком бреду воспитывала их харистовая церковь! Теперь дело за малым – за консолидацией этих настроений среди повзрослевшего и ставшего в годы войны зрелым нашего европейского сообщества. Вне всяких сомнений, скоро сами люди попросят церковных мышей убираться из домов! Мы должны очиститься от предрассудков и ханжества, убивавших нас веками! Новое Время сулит нам новые возможности и перспективы! Навсегда будут сметены межгосударственные и таможенные барьеры. Больше не будет позволено преступным сообществам разворовывать национальное достояние под видом демократии и плюрализма! Рационализация наших трудовых усилий ставится теперь во главу угла! И новые времена, последовавшие вслед за столетиями разбоя и несправедливости, теперь уже на тысячу лет, на тысячелетия будут временами мира, справедливости, правды и процветания. Кровь неисчислимых жертв, павших в борьбе за правое дело

национального возрождения и антибольшевиизма прорастёт будущим долгим и крепким миром на всей планете Земля. Правильное устройство мира – это не абстракция, не фантом профессорских мозгов, но единственный способ дать всем жителям земли спокойную, человеческую жизнь. Далее он говорит о том, что Жук и Сталл – всемирные военно-политические преступники, давно разыскиваемые на оккупированных территориях, изверги рода человеческого, на чьих руках кровь тысяч емцев и десятков миллионов славян, были наконец выслежены, изолированы и дегустировали крысиные деликатесы в подземной норе под городом Чмошск, что на Хотче. Возможно, их умертвили их ретивые слуги, вышедшие из повиновения хозяев. Пауки в большевильской банке пережрали друг друга, предварительно высосав и обескровив свой бедный, наивный жертвенный народ! Такой конец подлости и лжи! Они использовали славян в своих гнусных, преступных целях, использовали, как презерватив; методом обмана и жестокого, невиданного в истории принуждения заставили сопротивляться освободительной миссии нашей армии. Итак, злодеи мертвы! Это хорошо, ибо расчищен путь новым людям вести свои народы к нормальному европейскому правлению. Это прискорбный факт, ибо, загнувшись в бозе, признанные всеми злодеи ушли от Международного Суда Справедливости и скрылись в аду! Был найден мёртвым в штольнях Оклахомы и последний президент САШ деланый Рузен Фульд, попытавшийся скрыться от возмездия в безлюдных и диких местах Оклахомы. Не получилось! Даже у индейцев с их умением маскироваться не удалось этим пентюхам научиться искусству скрываться от возмездия Провидения! Наверно до нашего появления он ел там акриды, питался диким мёдом и маной и читал святые книги своего великого народа?? Этим дряным людишкам уже нечего делать на земле, бог им не помогает, и они сами убираются с неё в ад! Там, где есть мы, там им нет места! (шквал аплодисментов) Хороших котлов им и горячей смолы, счастья в аду, друзья!

Специальной комиссии, в задачу которой входит сбор материалов о преступлениях большевиков на Востоке и саксонов на Западе для Международного Трибунала Справедливости, который будет обязательно проведён в прекрасном Норнберге, предъявлены трупы этих отпетых политических преступников...

Всё было хорошо! Это была великая речь, сказанная великим человеком. И сама речь была хороша и все слова, которые были в ней. Всё было так, как должно быть! Новый мир, бескрайнее поле счастливого времени расстилалось перед усталыми людьми. А ещё я увидел соседа – его, заплаканного, в мокрых штанах провели по площади среди других пленных.

«Сам уканаю тебя, сука! попрошусь канать таких, как ты! Попрошусь!» – сказал я ему...

И показал ему средний палец!

Он отвернулся.

И я тоже, как малыш, заплакал во сне от радости. Мой Фюр, неужели мы могли жить без тебя?

Глава 9

посвящённая видному Нежнотраховскому проходимцу Лёпе Дурновскому и его изумительным похождениях в науке и жизни.

- Скажи мне, Билл, ты знаешь что-нибудь о Сарданапале?
- Почти ничего! Только то, что он был очень музыкален и талантлив!
- Как Эльза Бо?
- Как Эльза!
- Как Маргин Чик?
- Как Маргин!
- А ну их всех на...

...А потом я проснулся, загрустил, ибо вспомнилось мне история, которую я долго гнал из головы...

Это была история человека, чьи способности были направлены на лёгкое уцеление в мире. Такие истории очень часто встречаются в мире, несть им числа. В общем, история банальная – Я доверился человеку, и он меня подвёл и нагло обманул – что может быть обыкновеннее такой истории. Я был обманут так подло и несправедливо, что даже теперь при воспоминании о моём позоре мне становится дурно за себя-дурака и за этих бессовестных людей. Я уверен, что провидение позаботится о возмездии этим подлюкам. У... их всех с чадами и домочадцами!

Глава 10

Продолжающая повествование о местечковом Проходимце Дурновском и его прикольным похождениям по Срединной Фиглелэнда в мокрых штанах.

В некоем году нового тысячелетия на рынке довольно жлобовского города Нежнотрахова произошла весьма знаменательная встреча. Произошла она прямо при выходе из рынка на довольно большую площадь, примыкавшую к рынку. Первым, который только заходил на рынок с довольно объёмистой сумкой, был Алесь Хитляр, как мы уже хорошо знаем, среднего роста человек с начинающей сесть шевелюрой. Второй, который на некоторое время задержался у газетного лотка, был старый анурей с белокурой, потрёпанной временем копной на голове, одетый надо сказать с иголочки – в светлую очень приличную кукртку и такие же брюки. Вид его говорил о довольстве жизнью и о годах, прожитых без малейших угрызений совести. Это был плут Лёпа ибн Мокей Дурновский, долгое время промышлявший преподаванием какой-то херни в одном из вузов родного города.

Есть бедные люди! Но есть здесь и весьма состоятельное отребье, вот хотя бы наш кучерявенький Леопольд Кмокшеевич Дурновский. Нет-нет! Вы не туда смотрите! Он здесь на предметном столике! Понаблюдаем за ним сквозь наш отменный чешской микроскоп! Да-с! Картина, достойная внимания, хочу заметить!

Сразу скажу вам, дорогой читатель, что он большой оригинал. Когда видишь его, то кажется, что он дышит не воздухом, а дерьмом!

Сегодня под утро Дурновскому приснился сон: будто он с молоденькой клеветкой Соней барахтается в своей королевской кровати, пытаясь изобразить невозможную эрекцию, и некто, как ангел всё происходящее освещает фонариком. И как будто бы нет неумолимой чугунной плиты семидесяти с лишним лет, давящей на его героические плечи, как будто бы крылья юности снова расцвели за его кошерной спинкой, и как будто бы вчера была пятница, а сегодня – не суббота, и он таким образом, как правоверный ворей, обманул опять-таки мировую историю. Надо сказать, клеветка оказалась очень миленькой и страсть аж какой живенькой. Он её и так, и этак, и ах и ох, и фонариком в такт туда-сюда подмахивает, и с великим удовольствием минут через десять арию и приключение как бы закончил. Тут, ба, разом врубается свет, прожектора прямо на них, толпа скандирует, ревёт и хлопает: «Бис!» Бис! Браво!», а голос через трубу бойко объявляет: «Господа! Вы на сцене! поприветствуем наших номинантов! Номер семь представлял престарелый юнга Леопольд Дурновский и студентка Наташа Вовкина с сексуальной композицией «Морской бриз»! Его хватило на семь минут прелюдии и две минуты довольно-таки квёлых фрикций! Судей прошу ставить оценки!!! Госпожа Буратинская! Ваше слово! Поаплодируем нашему юному конкурсанту и его юной напарнице!»

И Дурновский проснулся в поту.

Итак, читаель уже получил первое впечатление о нашем новом персонаже и готов дальше глотать информацию.

Старость у мерзопакостного старикана не была ни бедной, ни голодной, ни наполненной заслуженными угрызениями совести, и автор просто вынужден обратиться к Богу: «Господи! Если Ты есть, и если Ты уважаешь себя, то когда же ты уберёшь с лица земли эту грязную мразь?»

Вот сейчас наш Леопольд ползёт вдоль своей Технокосмополитической Академии, где когда-то друшлял не по-хилому! Вы не знаете Леопольда Дурновского? Ба! Большая потеря! Честное слово – великая потеря! Я не шучу! Нет, это не король Польши и не герцог Франции! Нет! Уж куда дальше! Отребье из отребьев! А вежливый, вкрадчивый какой! Манеры мягкие, речь не без приятности, знакомства завязывает на месте! Белая баранья шевелюра на голове! Красота невероятная, готовая спасать мир! Настоящий интернационалист! Старый сучок! Он и сынка своего назвал не то Мариком, не то ещё мерзее в честь ресторана во Франции, о котором всю жизнь небось мечтал и в который путь ему, старому гниде, был полностью заказан. Фигу вам, суки! Фигу! Если такие сволочи будут в этом ресторане жрать, значит Бога на свете точно нет!

Ну, это я так, из себя вышел, потому что мне вспоминать это отродье – всё равно что перед зрителями сколопендр целый день есть! Я сначала не хотел об этом типе рассказывать, а потом подумал: «Если такие типы существуют, прекрасно устраиваются в жизни, рушат жизни других, то либо мы слишком добры, либо...? Но долг исполнить надо и – запечатлеть этот незабываемый тип нерусских людей на скользких скрижалях истории, дабы другим неповадно было.

Итак...

29 июня 200 какого-то года в купе пассажирского поезда Нежнотрахов – Нусеква, отправлявшегося каждый божий день по назначению, совершенно произошла встреча бывших одноклассников. Они не виделись тридцать два года, поэтому прежде чем обрадоваться, несказанно удивились и только потом, когда их беседа зашла далеко за полночь, почувствовали, что по-настоящему рады друг другу. Один ехал в Москву по делам своей строительной конторы, не то подписывать договора о поставке партии резиновых шпунтцеров для вновь вводимого объекта «Центр Досуга и Отдыха Проститутток», «ЦДИОП» кратко, другой ехал развлечься одним днём, ибо на службу не ходил. Когда они учились в школе, давление школьных казематов, железные указки учителей, весь этот дух казённого подчинения ужасал их, пригибал головы и того, и другого, теперь же, по мере того, как стук колёс становился привычным, они по-новому и более глубоко переживали произошедшее с ними и вспоминали свою жизнь. Им было что сказать друг другу, Сначала их вопросы, их ответы были почти сумбурными, первая доза алкоголя фейерверком пронеслась в их головах, и только потом их рассказы стали довольно плавными. Мы застали их за второй частью разговора, и совершенно не жалко, что первая часть его канет в лету, не найдя своего Светония. Зато вторая не пропадёт даром! А она стоит того! И вот о чём поведали нам разговоры этих двух достойнейших из смертных:

Некогда, в тусклые и очень тяжёлые времена, последовавшие за чудовищной и крайне прискорбной революцией, в Одессе жил маленький курчавый мальчик. Звали мальчика Лёпа Дурновский. Его предком был знаменитый польский проходимец и вор Арапиздонт Дурновский, который не только отличился шкурничеством во времена правления Ольбрыхских и Маневичей, но и сам попал в тюрьму. На его самоуважении и понимании роли в мировом анарействе пребывание в тюрьме никакого влияния не оказало, и он гордо носил Имя и Отчество Абрахам Мойкевич. В детстве, как многие представители его семейства, он был толст, неприятен на вид, неряшлив, что в дальнейшем прослеживалось неоднократно в развитии особей этой семейки, имел довольно уродливое лицо, широкий таз и короткие ноги, но в юности неожиданно похорошел, приобрёл выправку и стройность, позволившую ему нравиться с определённого времени разным девушкам. Его родители были из самого низкого местечкового сословия, и поэтому революция, свернувшая столько русских судеб в сугроб, им пошла только на пользу, открыв невиданные ранее возможности. Мать его была толстой глупой домохозяйкой, а отец по понятной причине, связанной с его причудливой национальностью был не то комиссаром в армии, не то пропагандистом в тылу, не то ещё невесть

чем. Подлинно известно то, что в итоге этих протрубадий, в начале Континентальной войны он уже неистово сокрушал измену в СМЕРШе, а попросту гнобил бедных славян, уставших от войны и начинавших вякать о своих печалях. У Лёпы была сестра, младшенькая Лифа. Мальчик он был резвый, с раннего возраста себе на уме и, надо отдать ему должное, не без некоторых талантов, или вернее, сноровки, нередких в небогатых анарейских местечковых семействах. Тяжкие годы войны, при вспоможествовании нехилых отцовских пайков, он проскочил согласно возрасту, почти не заметив чудачеств истории, и по окончании великой бойни в армии из-за слабости зрения не побывал, о чём совершенно не жалел, а потом и вовсе нигде не служил из-за того же плохого зрения и не ахти какой наследственности.

Пропустим годы обучения в одесском Незнамокаковском училище, куда он поступил довольно легко и где выковывался его характер и особая очень приятная манера общения с людьми, так помогавшая плутоватому Лёпе уцелевать на спутанных жизненных полустаках.

Тут наш рассказ накрывает лёгкое облачко неизвестности, и когда оно рассеивается, мы наконец видим нашего потрясающего героя уже в Нежнотрахове, в Технической Академии, где он, успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Механические свойства натяжных лифчиков», вот уже третий год доцентствует на кафедре «Понятийного Программирования и Общей Технической Селекции». Здесь он уважаемый кадр и с видимым удовольствием предаётся научной работе, сочетая общественно полезное с осторожным блудом со студентками. Одновременно молодой специалист и живёт с молодой женой Бертой, работающей в больнице номер семь штатным гинекологом. В общем он катается как сыр в советском масле, не зная ещё о перепитиях будущего сильнейшего скандала и появившегося на горизонте расставания с семьёй и избранницей.

Тут надо сказать, что любовь приходила и уходила, а кушать противному Лёпе хотелось всегда.

Карьера Дурновского в замшелом вузе была бы необычным делом для представителя той воистину богоизбранной нации, к которой он всецело и осознанно принадлежал, если не учитывать время, в которое он жил. Живи он до Праховой революции, так был и торговал в своём куцем Бердичеве по следам набожного дедушки Ахрама жалким скобяным товаром или широкополыми крашеными соломенными шляпами типа аля-уфри, но революция распорядилась по иному. В революцию его героико-прош... вский народец вдруг, совершенно неожиданно захватил всю власть в Гнилоурии и ещё долго тютюшкал её, баюкал и нежил, не зная доподлинно, что с ней можно делать после полного разворовывания народных активов, пока грузинский крокодил почти не положил этому конец. Крокодил тоже умел воровать, и как рачительный вор не мог позволить, чтобы воровали другие! Торговать в Бердичеве, когда его соплеменники жадными кучками устремились в столичную элиту, не хотелось. Пришлось в духе времени срочно становиться интеллигентом. К тому располагало всё – и приятные манеры, и почти умное, продолговатое лицо с правильными чертами и голубыми глазками, и сладкая, вкрадчивая речь, просто опрокидывавшая своей приятностью женщин, и сутенёрские манеры и шапка совершенно белых, как у альбиноса курчавых волос, и неменные профессорские роговые очки – всё было один к одному. Перед нами был как бы передовой, как бы умный, где-то начитанный и донельзя свойский человек – не человек, а кладёзь мирской, как тогда это понимали. Всё было в нём к месту! Всё говорило о надёжной карьере средней величины!

Короче, мало находилось людей, которые в присутствии этого человека могли не терять здравый рассудок и не злоупотребляли горячими уверениями, что Леопольд Мойкевич просто прекрасный человек, удивительный человек. Автор тоже вынужден признаться, что долгие года, пока поступки Лёпы не поколебали такую невесту на чём основанную высокую репутацию, он фанатично верил в порядочность Дурновского, и скажи ему кто-либо: «Да

ты что, не видишь, что это всего лишь ушлый подонок, приученный уцелевать любыми методами?», автор дал бы такому человеку по роже. Что ж, все мы заблуждаемся. Иногда жестоко. Впрочем, это тот случай, когда нас специально заставляли заблуждаться, ибо и мягкие манеры, и вежливость, и благородный вид в данном случае были хорошо осознанными и тщательно отрепетированными способами уцелевания. И ничем больше. Они были обычной мимикрией!

Когда спустя годы этот отпетый проходимец рассказывал своему внуку сказки о своей непогрешимой службе в технической Академии, внук и не подозревал, какие высокие тайны были пропущены в рассказе престарелого дедушки. Дедушка так очаровал внука своими плутовскими рассказами, что тот был без ума от него и потом, когда его отец стал рассказывать правду, долго не мог поверить в случившееся. Дедушка помимо своего преподавания в вузе, был еще столь равнодушен к девичьим прелестям, что всячески старался не упустить ни одной юбки, в том числе юбки несовершеннолетние. Он приглашал девиц студенток в подвальное помещение, где стояли многочисленные компьютеры и древний дачный диван, приглашал под видом консультаций или ещё чего подобного, и там сначала угощал конфетками и шоколадками, а потом обольщал и трахал их в своем вящем удовольствии на этом же самом научном диване. Подонки были это настоящие! Подонкам надо бы поучиться у этого сверхподонка! Короче, этот высокий, стройный типок, уже обзаведшийся пышной, абсолютно седой шевелюрой, заставлявший подозревать, не альбинос ли перед нами, был глубоко равнодушен к женской красоте и готов был приносить на её алтарь высокие жертвы...

Это был настоящий рыцарь женской красоты и её производной – животного спаривания, к которому столь тянулись его любвеобильные бараньеголовые единокровцы. Но, как известно, шила в мешке не утаишь! Это райское существование так бы продолжалось во всей красе, если бы почти одновременно о подвигах этого милого ловеласа не узнали родители двух наполненных новой мудростью, но одновременно лишённых целомудрия студенток. Родителей этих студенток так поразило поведение уважаемого доцента Дурновского, что они бросились в деканат с пеной у рта и даже написали на имя декана бумагу с жалобой и деталями произошедшего. Дело приняло довольно плохой оборот, и баранья шевелюра проходимца на время пообвисла. Как только бумаге дали известный ход, все заметили, что у Дурновского ещё больше побелели не только волосы, но и лицо, а сам он стал суетливым жалким человечком с низким наморщенным лобиком.

Декан Дувинов, хоть и желал только собственного спокойствия, ещё больше пёкся о спокойствии на кафедре.

– Лёпка, сюксин, со ты творишь! – крикнул он, едва войдя на кафедру и заведя мятущуюся баранью чалму Лео Дурновского, – У нас сё з било тихо, всё з было щито-крито, а ты своими амуфными погожденияри бгосаешь тень на нашу камхфендгу, мать твою, Лёпа, Лёпочка, ...ты ..., что ты тлаещь? Ты в своёпуме! Как я маху самять эту? Как? Это? По бли-тям пошёл, доцн? Мью старысь не жалеитшь! Арш? От што мне тепирь?

И побагровел.

Дурновский, толь поняв прегрешение свое, толь осознав чем всё это ему грозит, сморщился, как лимонная корка, тревожно завращал глазками и тут же пал в ноги престарелому Дувинову, спаси, мол, не отверзай, защити помалу! Бросился, дабы с земли в пароксизме грядущей благодарности отлобызать клетчатые, спасительные брюки шефа.

– Сто же делафь? Сто же делафь? – вопрошал он, поневоле перевирая фирменный выговор шепелявого профессора и обратив свои полу-прекрасные восточные глаза мимо Друвирова к невидимому небу.

Итак он невольно пародировал потрясающую дикцию декана.

– Лафно-лафно! Не нафа! Не нафа! Что дефать... Что дефать... – сказал смягчившийся декан, славный своими лекциями, в которых произношение было таким, что никому из студизусов никогда не было понятно ни одного слова, – Эх, Ляпа-Лёпа! Всегда типя, Лёп, дуряка шпашал и тепехъ в обису не там!

Друвидров, когда произносил эти слова, словно светился от гордости за свою силу, и Леопольдик понял, что плата за такое величайшее благородство шефа будет нечеловеческая. Может даже потребует отдаться!

Декан был неплохой человек, коммунист, и если бы не частые дефекты речи, делавшей её сплошной шарадой для слушателей, его облик можно было бы назвать идеальным. Полная гармония внутреннего содержания и внешнего облика. Лекции декана славились в институте и вызывали у студентов повышенный интерес, но чисто как что-то очень специфическое, потешное, как некое незабываемое зрелище, а не как метод приобретения знаний. Недавно Автор, лишённый в те времена счастья присутствовать на подобной лекции, всё-таки почувствовал её, когда по телевизору услышал речь нынешнего генерал-губернатора Нежно-трахова Сиды Карачумазова- в ней тоже, как в словоизвержениях Друвидова, ничего нельзя было понять, кроме того, что говорящий очень пыжится выразить свои мысли. Автор вообще в результате своих контактов с выдающимися чиновниками Фиглелэнда сделал вывод в полном отрыве этой группы особей человеческой породы от основного корпуса кроманьонских людей.

– Эй! Лафно, Люпа, иси, сё будет оке! – сказал на прощание выдающийся лектор и декан, – Не перди!

Дурновский отпрянул от него, вдохновенный, как конь Буцефал, и даже заржал от радости. Домой он нёсся почти окрылённый, но там ему погасили пыл очередным скандалом.

На внутреннем, семейном фронте дела у сладострастного Леопольдика Дурновского меж тем тоже шли всё хуже. Жена его, давно подозревавшая шашни подлюки, в слова не верила и смотрела в глаза мужа с недоверием.

К тому времени Дурновский обзавёлся из рядов облюбованного им комсомольского студенчества новой, самой любимой пассивей, без которой теперь уже никак не мог обходиться. Пассива, как и все остальные пассивы, была совсем юной студенткой Механического факультета Таней Крошкиной-Цыплюк, и поначалу вожжи в руки не брала. Однако Дурновский был женатым, чёрт подери, человеком, уже, что говорить, при детях, и жена его была нрава истерического. Когда милые проказы Дурновского на женском фронте стали через разные каналы известны не только его несчастной обманутой супруге, но и всей публике, начался новый, приключенческий этап его жизни, связанный со слежкой, засадами на местности, быстрыми переменающимися погонями, прятками в платяных шкафах, бурными словесными перепалками, частой ложью по телефону и в лицо, мутными выяснениями отношений около туалета, скользкими ночными уходами из семьи и такими же странными, труднообъяснимыми утренними возвращениями в её крепкое, но трудовое лоно. Короче, это была мука житейская, а не жизнь! Но ведь этот человек заслужил всё это, не так ли? Теперь, спустя годы, когда охладел пепел тех суровых событий, Автору совершенно ясен смысл повеления пройдохи Дурновского – ничего в том таинственного нет... и не было: просто он, как обыкновенный хитрый, дошлый анарейский проходимец, располагался между двух стульев и придирчиво выбирал наиболее выгодный для себя вариант – бабостул, который выдержит всё его подлючество и на котором ему сидеть будет более всего удобнее. Более выгодный стул! Только и всего! Читатель знает, сколь тяжёл квартирный вопрос в нашей незабвенной Фиглелэнда. И Дурновский тоже знал, ибо и газеты читал и в окно жизнь видел. Незадолго до расставания в супругой, он, после разных мучительных перепитий, какие претерпевали все претендовавшие на квартиру, получил от своей Технической шараги непристижную хрущовскую квартиру на рабочей окраине города, хотя рассчитывал на центр. Это

было сильное продвижение, ибо начиналось у Лёпки в Нежнотрахове всё с вузовского общежития около аэропорта с общей кухней и общими тараканами в длинных коридорах, где всегда пахло чем-то неискоренимо противным. Хотя квартира была тёплой, устраивать Леопольда она не могла – слишком далеко она располагалась от центра цивилизации. Он заслуживал лучшей судьбы, а следовательно, и лучшей жизни! Нужна была другая квартира в центре и желательно с женщиной получше, чем старая жена. Нет, не так! Нужна была женщина обязательно с квартирой в центре.

Как раз в это время Алесь учился в одной школе с дочерью Лёпы Дурновского. В этой же школе учился и сын Лифы, по обычаю этой семейки, тогда пухлый, нескладный мальчик с большим носом, крупными жирными ушами и движениями увальня. Довольно омерзительно он выглядел, на самом деле, это уж без брехни! Вид у него был такой, что одним хотелось его пожалеть и гладить по головке со слезами жалости на глазах, а другим хотелось наблевать ему в рожу. В общем, понятно, что это был за типок!

Потом он вырос, как-то сбросил жирок и потихоньку-полегоньку сложился в Жана, как его называл Дурновский, парня неглупого, себе на уме, очень ушлого в делишках. После окончания гуманитарного института, совпавшего с началом прискорбных событий в государстве, приведших к его скорому распаду, перед юным созданием возникла дилемма, кем быть. И путь определился почти сразу – Жан стал торговать под прикрытием Панславянско-Канадской Компании, «Патентованными Средствами для Холи Лица и Срочного Омоложения Души и Тела» и прочим «сопутствующим делу патентованным медицинским товаром».

Сейчас, спустя годы, хорошо известно, что за продукцией по всей стране торговали пейсатые жаны – и единственно правильное слово, которым её можно охарактеризовать, это слово – «отрава». Но тогда в тумане экономической революции многое было непонятно и неизвестно. Люди бесились от бессилия пред событиями, покупали абы что, занимались абы чем и вообще были порядочно дезориентированы. И их обманывали. Деньги, однако, не пахнут, и мутная среда тех лет давала приличные возможности для таких людей, как Жан заниматься впариванием славянским «дуракам» «патентованных» китайских пилюль и прочей отравленной нечисти, что делал с жаром и размахом необычайным для скромных масштабов Нежнотрахова.

На досуге Жан любил туризм. Вернее экстремальный туризм – в разных частях Нежнотрахова, которому вряд ли грозила слава города-красавца, он любил, ощущая себя горнолазом-романтиком, в полном альпинистском снаряжении часами ползать по стенам церковных руин, которые в то время ещё не были отремонтированы, и по большей в части – вообще бесхозны. Ублюдочные развалины в то время торчали в разных местах великого города, как последствия войны или землетрясения. Они часто представляли собой вообще почти бесформенные груды камней и удивительно, что их вообще не снесли. Автор, с какой-то оказией общавшийся тогда в какой-то компании с юным, таким же блудливым, как его альбиносистый дядюшка, полным остапобедеровских прежекторов Жаном, спросил его, не кажется ли Жану весьма всё-таки предосудительным лазить с верёвкой по церковным стенам, не так давно ещё намоленным верующими, да ещё и корябать эти стены шипами грязных горных ботинок? Как-никак это религиозные постройки?! Нехорошо ведь! На что находчивый Жан тут же не задумываясь ответил, что «не находит такое лазанье хоть в какой-то мере предосудительным, ибо церкви эти не работают уже сто лет, по назначению давным-давно не используются, а следовательно культовыми сооружениями эти руины не являются».

О, как! Говорил он это гордо, уверенно, не так как говорит внутренне сомневающийся интеллигентный человек. Автор проявил тогда настойчивость и спросил, а не хочет ли Жан, как настоящий романтик, излазив всё мыслимое здесь, поехать потом в Исруль и полазить в альпинистских бутах с верёвкой, к примеру, по Стене Плача? На какую-нибудь сина-

гогу залезть? Или меня послать для того же? Условия там для этого вполне подходящие! Обломки кирпичей, дырки. Верёвка есть, за бутсами дело не станет! Полазим? После чего Жан сразу же выпучил на меня глаза, почему-то надулся и резко прекратил разговор.

К неоспоримым достоинствам этого неопишуемого семейства можно отнести крайнюю, поистине поэтическую тягу к траханью.

В общем, с какой стороны ни посмотри, та ещё это была семейка!

Не могу сказать, что я общался с Леопольдиком много, могу сказать только, что некоторые сведения о жизни этого изумительного человека получил от посторонних, но очень уважаемых людей.

Такова была эта семейка, счотль ловкая в своих проявлениях, сколь подлая, столь...

Так 17 июня... года записал в своём дневнике великолепный Алесь Хидляр, наш новый друг и товарищ...

И что же стало со всеми остальными участниками этой в некотором роде драмы – спросит дотошный читатель?

Да, собственно говоря, отвечу я дотошному читателю – почти ничего! Вернее – ничего не стало. После смерти Дурновского прошло лет пять, его чрезвычайно разбогатевший на всяких гнусных штуках, сынок, обозванный ресторанным именем, как и его мать, заболел раком, наследственность знаете ли – не счёт в банке, её не обманешь, и в корчах сдох в роскошной больнице. За ним последовала его малолетняя дочка, она была уже подростком, рыдали они чрезвычайно, через год мать девочки, потерявшая дочь, сошла с ума и если не умерла к этому моменту, сидит в какой-то психушке! Такова поучительная история этой потрясающе гнусной и вместе с тем, прямо скажу, в некотором смысле вовсе небесталанной семейки, прямо скажу!

Когда мы заканчиваем наш рассказ, Алекс уже блаженно спит, и лёгкая улыбка иногда проносится по его губам. Мы улыбнулись вместе с ним и тоже уснули.

Глава 11

**В коей Автор коленопреклонённо просит
прощения у своего читателя и запанибратски
откровенничает с ним о своей жизни, чего
явно никоим образом не следовало бы делать.**

Мой прекрасный читатель!

Мне пришлось начинать своё повествование, и я начинал его тем, чем начинал обычно – глупостью. Это я о трёх ежах, появившихся из-за острова Буяна.

В моей стране ум никому не нужен, а глупость всегда побеждала и победит всё. Даже зло. Так уже не раз было в моей великой стране. Врагов здесь побеждали только Мороз и Голод. И дороги, или их отсутствие. И так здесь будет всегда. Кто виноват в этом, климат ли, огромные ли расстояния, которые трудно не то, что обиходить, но и просто пройти, излучение ли земли, я не знаю, но думаю, что здесь играет всё вместе плюс характер обитающего здесь народца. Я-то знаю это последнее – самое главное и самое печальное обстоятельство, но никогда никому о своих мыслях не расскажу, потому что все здесь из себя патриотов корчат, а тех, кто им правду в глаза говорит, они не любят и всячески им палки в колёса вставляют. Кто здесь выжил, в этом зазеркальном государстве?

Дети худших и случайно неубитые лучшие. Никому здесь неуютно, потому, что всё их блядство на могилах праведников построено, и все это знают.

Ладно, ладно, вы знаете, как после пахнет чайник, забытый на плите? Ха! А я знаю! Каждый день я так увлекаюсь работой, что забываю о чайнике на плите. Он там сопит, свистит, и вообще чёрт знает что делает, пока я тружусь за своим столом, а когда выкипает, я вспоминаю о своём горячем друге, о детстве и ещё бог знает о чём. Это как в кино получается! Я пишу книгу о нашем городе, который я когда-то любил, а теперь не могу видеть. В Голливуде её читать наверняка не будут, им там не нужны книги о моей загадочной стране. Она и в самом деле уже никого в мире не интересуется. Один знаменитый голливудский актёршко просто назвал её «Империей Зла». Что уж тут говорить об остальном?

Я здесь живу вдали от людей и уже почти не общаюсь с ними. Сейчас у людей в глазах такое, что сразу отпадает охота общаться! Мне нечего им сказать и я надеюсь, они не станут требовать, чтобы я слушал их разглагольствования. Ко мне иногда заходит художник Илья Парафинов, и мы беседуем на высокие философские темы. Он начисто, по крайней мере, внешне, лишён самомнения, и довольно приятен в обращении.

Глава 12

При написании которой Автор увидел на окне маленького паучка, захватившего муху, и очень этим заинтересовался, а потом раскрыл некоторые тайны своего поэтического замысла.

Теперь и Автор решил вмешаться и сказать несколько слов по существу.

Это повествование, совершенно лишённое действия, без внятных персонажей, на которых хочется равняться и вместе с которыми так хочется жить и умереть. Оно населено в основном всяким отребьем, как это принято называть в приличном обществе. То есть не тех, кто когда-то был приличным человеком, а потом в новых условиях стал другим, опустился, потерял веру в себя и будущее. И не тех, кто ходит по жизни, не зная куда и зачем. Сейчас это, в основном, бедные, а часто очень бедные люди. Многие из них и не подозревают о существовании так называемой «благородной бедности», и ведут себя соответственно. Разбойники и воры, клубящиеся на моей родине, привлекают моё благосклонное внимание. Их я называю отребьем.

Нет!

Марсюшка, или Марсик, ненаглядный сынок Дурновского, с детства был заикат, застенчив до омерзения и при этом хитёр отменно. Ещё не окончив свою техническую шарагу, куда его всунул заботливый папочка, и где Максик учился без должного усердия, он уже подвизался на ниве анарейской фотографии и снимал на Кодаке школьные выпускки. Потом в более поздние времена увлёкся интернетом и прославился там созданием как первого порносайта Фиглелэнда «Надежда», так и первым интернет-казино «Любовь к Риску». Скольких он там обобрал, никого не интересовало. По примеру своего отца и народа, к которому он принадлежал, был он абсолютно бессовестен и этим фактом совершенно не смущался.

А вот и сам Дурновский чешет по улице в сторону рынка. Как постарел и облез! Вау! Чуть слеза умиления меня не пробила. Жив, еб... ный курила!

«Чтоб ты поскорее сдох, безответственный проходимец и вор! Я обжёгся в своё время на доверии тебе, вам всем, козлы, и теперь желаю вам всем, суки и твоей заикатой семейке — бед и горя! Так что не спеши! В ад ты всегда успеешь! Сколько тебе осталось, блудила старый? Иди в ад! В ад!»

А вот другой персонаж — Николай Фритюрин, по кличке Рыжий Фуфел! Этот направляется сейчас в другую сторону от направления Пройдохи Дурновского, но с намерениями не лучше. Он идёт в свою секту с новым трудом «Бенефис Шляпы апостола Павликова». Там он описал свои переживания и озарения, испытанные при посещении лучезарного заведения мадам Фро, ниспосланной Гринписом и Соросом в рамках лучезарных образовательных программ. В своих трудах он не решается братья сразу за Хариста и пока репетирует на Павлике Ассизском.

Если его послушать в здравом уме, то понять, где у него мать, а где перемать, совершенно невозможно. А я с ним вместе рос. Когда мне было шесть лет, он меня впервые угостил кубинским ромом и научил курить дешёвые сигареты, изготавливавшиеся из дровяного табака и выдержанной туалетной бумаги.

Автор, то есть я, к тому же, скажем прямо, не очень любит многих из тех, кого будет описывать, а некоторых просто ненавидит. Была бы воля, убил бы на месте! Он не любит город, в котором родился и едва вспомнит название страны и режима, в коем принуждён

пребывать. От этого его просто тошнит. Ему осталось любить себя и немногих достойных любви, что он и делает.

Впрочем, наверно, Автора можно извинить, ибо он не мечтает увидеть свою книгу напечатанной, а потому прогибаться перед общественным мнением не намерен. А Автор я, чёрт подери! Я! Тьфу – на мнения такие и сякие! Любознательный читатель встрянет тут с вопросом: «Позвольте, ну если Автор так не любит своих героев, и даже ненавидит большинство из них, то зачем же тогда писать о них? Может быть, лучше было пройти мимо и не затрагивать того, что может так вонять? Зачем будировать мировой космос и марать белые листы чистой бумаги? Зачем нарушать традицию поисков добра, которая так импонировала корифеям литературного цеха в прошлом и позапрошлом века? Мир ведь должен быть движим любовью и всепрощением, а не неприязнью и гордыней, не так ли? Вот Фёдор Михайлович, к примеру, он... Не правда ли?

У меня нет ответа на этот вопрос. Просто так, для исторической канвы, что ли. По привычке, что ль... Ведь была же, чёрт подери, эта странная жизнь! А если была, значит, угодна была она Провидению и планетам. А анарейские просветители пускай напишут об обратном. Мы им мешать не будем. Харуга Анашим с описаной торбой нас не призовет!

А вообще обойдёмся мы без «добра», а без справедливости не обойдёмся! Многие понимают добро так: кому-то дали, и это есть добро. А у кого отняли чтобы кому-то дать? Что это для него? Зло? Когда дают это на виду, у другого отнимают во мгле. Нам не хватает не добра, а здравого смысла и справедливости. Всё остальное есть ханжество и ложь!

Ведь есть же во всём какой-то смысл!? Есть? Или нет? Вот в моём дворе сумасшедшие женщины разводят кошек. Они делают добро (по их мнению) тем, что спасают живую тварь. Когда эти люди женского пола сервируют блюдечки с икрой для кошек, им приятно осознавать себя «добрыми» Людьми... Но являются ли блохи, прыгающие с кошачьих спин на мою одежду, добром для меня? А микробы, сыпавшиеся с блох? И не будет ли сохранение и размножение их неконтролируемой жизни в случае эпидемии угрозой для меня? Ответ ясен – не являются. Таким образом «добром» является то, что либо удовлетворяет большинство или кажется ему удовлетворительным по тем или иным причинам. К примеру, под воздействием пропаганды. Анарейская пропаганда на протяжении десятилетий долбила славянам, которые и знать того не хотели, множество всяких диковинных фраз о «хилокости» и даже намекала, что в так называемых западных странах сомнение в хилокости является уголовным преступлением!!! Вроде у нас тоже наказание за сомнение должно быть обязательно введено!

Удивительно, что в этих странах ещё не введено наказание за сомнение в истинности Библии!!! Джордано Бруно снова на костёр, только теперь на законных основаниях!

Они совсем с ума посходили! Ваш покорный слуга отлично помнит эти промывания мозгов, и даже он, будучи человеком неглупым и склонным верить только фактам, бывал неоднократно введён в заблуждение с тем, чтобы, забыв нескончаемые беды своего многострадального народа, с какого-то... плакать над чуждыми хитрецами. Мы и над своими трупами уже устали плакать, плевать нам на этих инородцев и на их мелкие неприятности! Надоело всё это! Прочь! Больше этого бреда не будет никогда! Не нужны нам чужие дела! Обойдёмся своими!

Глава 13

В которой Автор приноравливается к должности экскурсовода, и впервые описывает удивительные и неповторимые достопримечательности города Нежнотрахова.

Вы видите то здание, с выбитыми кое-где окнами и серым мезонином, в котором вряд ли кто-либо живёт? Это очень древнее, оваянное крыльями истории здание.

В смутные времена в нём были знаменитые винные Пипкины склады, многожды разграбленные народом. Иван Пипкин был замечательный купец второй гильдии. Он и отстроил Пипкины склады, как собственно склады, а одновременно как дом для себя и своего семейства. Прожив в доме около двенадцати лет, и провернув немало фантастических сделок, он наконец на свою голову начисто перешёл от торговли горячительными напитками к торговле скобяным товаром, вляпался в закупку твёрдого хорькового мыла и на прклятом мыле прогорел начисто, после чего сел в долговую тюрьму, оставив дом надолго без присмотра.

Потом дом был куплен городской управой для нужд просвещения и в нём долго процветали «Вызшие Экономические Курсы мадам Кидю», стяжавшие славу настоящего гнезда марксистов и бомбометателей. В прихожей, там, где при Иване Пипкине стоял мраморный бюст Сократа, теперь клеилась конторка с лежащей на ней «Капиталом» в толстом свином переплёте.

Потом всвязи с очередным неудачным покушением на императора, курсы закрыли, а дом был продан с торгов. Всё вернулось на круги своя – винные склады с триумфом возродились на радость нежнотраховцам.

Первое сокрушение винной твердыни было достигнуто в годы шведского нападения, когда воины эсмеральды сняли со складов всякую охрану. Тогда упилося до смерти в округе до трёх тысяч человек, учуявших запах высокоградусной халявы! Народ крушил бочки, кто чем мог – ломами, лопатами, отвёртками, топорами, протазанами и зубами, и черпал вино, кто чем горазд – лаптями, клешнями, фуражками, тазами, горшками, решётами, некоторые отчаянные головы с разбега ныряли в бочки, и многие же утонули в них, в общем – дым стоял коромыслом, а веселье не убывало! Потом склады как всегда подожгли, и они трое суток горели, как бешеные, не переставая ни на минуту разбрасывать искры; огонь бушевал всё сильнее, поглощая бескрайние запасы горячительных напитков и спирта- самое ценное в жизни нашего чумазого государства и бедного простого народа.

В этой мутной истории отличилась бедовая стрелецкая голова – граф Милован Фертыш, единственный из всех властимущих пытавшийся с криком «Ура!» приструнить народ уговорами и протазаном, но отринутый буйно бухавшим народом «с великим воем и поношением».

Тогда обозлённые толпы пытались прибить агитатора к монастырскому забору вверх ногами и только вмешательство митрополита, запевшего пред толпой романс «На водах тёмных», ошарашило и отвлекло толпу, что дало возможность неосторожному Фертышу бежать в Фариново болото, где он впоследствии основал скит.

В дальнейшем только величайшее самомнение не позволяло ему говорить, что он описался от страха, как и было на самом деле, и он утверждал, что «только чуть-чуть струхнул».

Если мы взглянем наискосок, то увидим на другой стороне улицы двенадцатизэтажное здание – квартирный дом. Ничего примечательного ни в его архитектуре, ни в его расположении нет, одно лишь выдвигает это здание в ранг претендентов быть описанным в дан-

ном литературном творении – это то, что на первом этаже здания истари находится юдоль и чертог здешнего шахматного движения – всемирно известный шахматный клуб»

Зелёная Ладья»

Шахматный клуп «Зелёная Лошадь», располагавшийся с изнанки времён на улице, носившей имя одного из классиков марксизма-ленинизма и переименованный в позапрошлом году из «Артемон-Плюс», влачил сейчас полужалкое существование на бюджетные средства. Какое существование может влачить шахматный клуб на бюджетные деньги провинциального города – общеизвестно и в пояснениях не нуждается!.

По вечерам, особенно зимним, когда голубые фонари возжигаются по всей Большой Дворянской, чёрные тени прочерчивают тёмную улицу классика, спеша в чёрный зев шахматного клуба. Обычно в такие дни здесь собирается человек двадцать-тридцать. Две небольшие комнатухи, разделённые тонкой шиферной перегородкой, пошарпанные столы с разносортными, тоже выдавшими виды досками и такими же комплектами шахматных фигур, баба при входе, обычно злая как собака ввиду никогда не платящих взносы шахматистов, норовящих сыграть теперь на халяву, закрытые наглухо ставни – вот и всё, на чём останавливается взор при входе в клуб. Если всё то тепло, запахи и отделения помножить на непроветриваемое помещение и нехороший моральный климат, царящий здесь, мы получим шахматный клуб «Зелёная Лошадь на пике существования – во всём его величии и красоте.

С давних времён не переставая ни на минуту шла в мире борьба за шахматный клуб «Зелёная Лошадь». Так же как на шахматной доске фигуры, фигуранты борьбы были покрашены в разные цвета. Одни были хорошие или такими себя полагали, принимая позу защитников древней и прекрасной игры.

Революционер Иполит Керамундов, стоявший у истоков нежнотраховского шахматного клуба, был личностью интересной, хотя в годы гражданской войны и расстреливал много и охотно.

Итак, с самого начала существования этого заведения за него шла неистовая борьба. Начальство завода, которому на всех основаниях принадлежало помещение, удивлялось, как могла произойти утечка собственности и всё время пыталось вернуть квадратные метры в своё лоно. Шахматисты пытались не дать произойти такой несправедливости и под лозунгами «Не дадим утратить шахматные традиции древнего города!», пикетировало, закрывалось на запоры, ходило с плакатами по газонам около сооружения, подавало в разные суды, даже зная о своей правовой несостоятельности. Самое главное, что в этой борьбе время шло, враг уставал, истощался в бдениях и бессмысленных диспутах, а клуб меж тем пребывал в руках шахматных карбонариев. Это была обычная картина Фиглелэнда времён революций, причём неважно, была ли то революция народная, демократическая, или же то была обычная буржуазная революция. Несколько раз менялось начальство клуба, что напоминало времена Террора в революционной Франции – Робеспьериты сменяли жерондитов и наоборот.

Во все революции контингент революционеров строго пополам делился на отпетых фанатиков и активных карьеристов, греющих руки, как сказал бы знаменитый здешний философ Фима Обноскин, в мутной воде. Шахматистов можно было бы поделить точно так же на стойких фанатиков и ищущих карьеристов-первопроходцев. Что касается шахматного клуба «Зелёная Ладья», то тут ситуация была сложнее. Несомненные фанатики потихоньку стали понимать, какие выгоды может сулить им обладание несколькими сотнями метров площади на первом этаже многоэтажного жилого дома, и что там греха таить, лелеяли надежду в конце концов, тихой сапой приватизировав помещение, потом тихо продать его за клёвые зелёные деньги. Не такое уж плохое намерение, учитывая нравы нынешнего Фиглелэнда. Но затеянные ими же нравы, теперь не давали свершится Нежнотраховской справедливости – ввиду постоянных скандалов, дрызг и разборок власть пристально следила за перипетиями битв своих неразумных меньших братьев.

Кое-как клуб функционировал. Иногда устраивались турниры, и тогда в замкнутом, как патрон, помещении, где никогда не было места ни одному атому кислорода, собирались разновозрастные шахматисты.

Личности, с которыми мы можем здесь ознакомиться, прикольны и в некоторой степени оригинальны. Здесь крутится довольно много бывших тайных агентов неких спецслужб, сменивших из-за пенсионного возраста основную деятельность по присмотру за непредсказуемыми шахматистами на искреннее увлечение вечной игрой, несколько сумасшедших разного рода, юнцы, будирующие своё нарождающееся тщеславие, идеалисты игры, для которых она стала единственной отдушиной в жизни.

Мы покидаем гостеприимную улицу и отправляемся дальше по лестнице истории нашего златорунного края!

Глава 14

Во многом являющаяся философическим продолжение предыдущей главы и раскрывающая нам некоторые тайны.

Человек о многом может только мечтать, зная, что многого он никогда не достигнет.

Если бы я снял фильм о Матери Терезе и её другане Францискe Ассизском, его всё равно никто не стал бы смотреть. Такие сюжеты – это просто полный отстой! Полное фуфло! Эти святые уже так оскомину набили у людей за тысячи лет, что никто на них никакго внимания уже не обращает. Людей скорее интересует безусловный порок, чем сомнительная святость... Пираты, разбойники, грабители, вампиры, зловещие мертвяки гораздо более интересны для людей, чем какой-нибудь благочестивый Исмус Харистос, которого римляне наипаче прибили к палке. То бишь, к кресту. То бишь, к перекладине, если уж быть точным. Радетели истины сразу постараются подправить мою невинную описку, но я им не дам такой возможности! Ахой! Харистос когда-то по молодости меня интересовал, скорее, как политический тип, часто встечавшийся в древности, но потом мой интерес к таким типам улетучился. Скажу вам по чести – его шайка была более интересна, чем он сам. Целая фирма была – охранники, сам святой, кассир... Ну и зомби в толпе, разумеется. Хотя тема эта и интересна для многих граждан, не умеющих жить, а потому ищущих спасения в мире иллюзий, мне она совершенно не интересна. Какой тут Харистос? О чём речь ваще? Я вот о чём думаю... Лучше снять фильм о крысах!

«Крыса была несчастным человеком, ибо жила в доме, где кроме хлеба и маргарина, да и то запертых на сто замков, ничего не было». Так будет говорить голос в начале фильма. Голос мягкий, уверенный, бархатистый. Не следует педалировать монтажные трюки, в сущности, главное – показать крысу такой, какая она есть, умной, вёрткой, прагматичной и чуточку сентиментальной. В кадре должно быть множество изумительных деталей – крупные яйца – основная еда крыс, ключ под буфетом, запыленная Пиплия в сарае, полковой сундук с фотографиями и иконами на чердаке. А завершить фильм крысой на фоне Кремля – во френче, пилотке с оранжевой кокардой...

Охмуряжск. Зверовидов, Нежнотрахов, Ворожлобин... НежнотраховЪ... Города моей отчизны... Этапы большого пути, так сказать... Кхе! Мы здесь живём поневоле тысячу лет... И вот это всё я хочу описать. А сейчас в нашем представлении первая реприза, должная несколько разбавить мрачные рассуждения клоуна:

Глава 15

Посвящённая психоделическим снам Автора, невесть зачем сюда попавшая.

...Ему приснился сладкий сон, и героиней его была неведомая женщина в красном терракотовом платье. Она приблизилась к нему. Уже издалека он почувствовал, что это – Его женщина, та, о которой он только мог мечтать, та, о которой он уже и не мечтал в этом мире. Она была лояльна к нему от пят до головы, и очень хороша, удивительно хороша. Они стали тихо целоваться, как брат и сестра, и ему было так хорошо, как никогда. Не было в ней ничего, что претило ему. Сон был долг – первый хороший сон в его жизни! А потом в нём наступило какое-то смещение, как будто зыбь пробежала по зеркалу, чуть-чуть вроде бы переменялся акцент, и вроде бы невесть откуда появился крупный мужчина, и хотя они с дамой продолжали свои телячьи нежности, и мужчина словно бы даже поощрял их к этому, но всё было уже не то, так, комедия какая-то плёвая. Гадость полная! Он вроде бы был законным мужем женщины в красном. Она отодвинулась с похолодевшим лицом, будто камера отъехала, а придвинулся огромный, гигантский, серый грузовой самолёт с зияющей рваной дырой в хвосте. Суетились люди, самолёт летел в Липецк, и куча пассажиров, как куча муравьёв стояла глубоко внизу, словно в ущелье, наблюдая за погрузкой в чёрный, бездонный зев бесконечной череды ящиков, узлов, баулов. Но какой же это был огромный самолёт! Таких и в природе не бывает! Самолёт довольно быстро заполнился до потолка всякой белибердой. Это был не обустроенный гигантский сарай. Только круглого сечения. Ни о каких креслах речи не было, иллюминаторы отсутствовали, алюминиевые стены были закопчены копотью тысяч свечей. А у того места, где вроде бы должны были быть пилоты, посверкивал какой-то сатанинский иконостас с ящерицами, змеями и ощеренными ликами. И он с ужасом смотрел в этот грязный, не обустроенный зев, спрашивая себя: «Неужели я полечу на этой куче ящиков? Эта колымага же просто не поднимет такую тяжесть! Ничего не закреплено! Самолёт странный! Грязь кругом! Надо сказать всем, предупредить! Что я стою, надо бежать, сказать всем! Это невозможно – лететь на такой развалюхе невесть куда! Это шпионы и диверсанты устроили! Неужели не понимают? Остановить погрузку!»

– Граф Алмавило! Какого..я Вы здесь делаете?

– Я пришёл за скрижалями!

– Не поздно ли

– Это вы главный, я знаю, вы – товарищ Кальсонов! – выкрикнул из ниоткуда Некто Кожаный, хлопая выразительным глазом, – Мы ждали вас, но из-за вьюги вы не смогли приехать, и мы ждали вас! О, как мы вас ждали! А где товарищ Вохричев? Он с вами? Он должен был передать мне офицерские валенки! Погодите! Погодите-ка! Где валенки?

Но ничего, ни звука не вырвалось изо рта его, как будто кто-то повелел ему молчать. Потом какой-то хрен повелительно послал его посмотреть груз наверху.

«Туды ить! Ить туды!» – сказал человек.

И, что странно, он послушался беспрекословно. Он полез по зелёным военного вида ящикам, которые шатались, как пьяные, оползали, скользили в лужах рыбьего жира, выскакивали из-под ног и с грохотом летели вниз. Внизу, повинаясь команде, несколько невидных во тьме человек с рулетками замеряли общий размер загруженного.

«Зачем им рулетка, когда всё надо взвешивать!»

Сверху эти люди были уже не больше спичечной коробки. Их журчащие, неясные голоса вроде бы успокаивали – раз они измеряют вес, значит не всё здесь пущено на само-

тёк, не всё так страшно. Не пустят же они перегруженную машину в полёт, не дураки же они в самом деле?

И словно подтверждая это, снизу прозвучал молодой мальчишеский голос: «Капитан Вирамайнен! Брутто-тара погружена! Вес нормальный! Трасса свободна! Можно лететь! Счастливого пути, камерад! От винта!»

Отчаянно карабкаясь, он полез дальше. Но когда он оказался на самом верху, на самом Монблане ящиков, то вдруг снова с ужасом осознал, что этот самолёт никогда никуда не долетит, потому что уже при взлёте эта ужасная гора баулов неминуемо стронется с места, поедет в сторону ветхой переборки, этого грё... ного иконостаса, рухнет в направлении левого крыла; проломит шаткую оборку, и чудовищный самолёт, только начавший с невероятным напряжением набирать высоту, медленно нагнёт огромное, латаное-перелатаное крыло, чиркнет с искрой по бетонной плоскости, дико дрогнет, вззоет и ахнется на землю плашмя так страшно, как падают только прогнившие царства и деланные империи. И все эти баулы и ящики смерчем пронесутся по земле вместе с искорёженным металлом, пока не вспыхнут, как порох и не взорвутся. А потом картину довершит жирный огонь и чёрный мазутный дым! Господи! На всё воля твоя! Как им сказать, Если никто из них не хочет слушать! Он истошно побежал за верёвкой, оказавшейся липкой, в дёгте, схватил её вместе с привязанным колоколом, отвязал чёртов колокол, бросил его вниз во тьму и потом судорожными движениями стал связывать ящики, склеивать скотчем, обнимать какие-то мешки, шепча дикую, несусветную молитву. И молитва была на нечеловеческом языке!

– И это натворила такая маленькая девчонка? – спросил он потом у кого-то, показывая на разрушенный город.

– Рыженькая! – сказал тот, – Игрунья!

«Мало быть великим умом – сказал усатый австрийский голос, – и знать, как преобразовать мир. Надо умудриться воплотить свои великие мысли в великие дела и обойти козни миллионов непонимающих и врагов. Но тебе всё удастся, и страна твоя будет чудесным образом спасена! Помни об этом, малыш!»

Он спешил.

«Я не хочу лететь в Липецк! Не хочу! – шептал он, – Что мне делать в этом Липецке, если и в Нежнотрахове мне скучно нестерпимо!?»

И думал о своей судьбе, своей печальной судьбе и думал. И проснулся в полдесятого утра от давно звящего телефона...

А в это время оглашенный равин Гиви Бедман проследовал по тёмной галерее лепрозория, где семьсот лет назад лежали чумные больные, полный смущённых мыслей о своём неудавшемся призвании плотника и кракелюрщика 2 разряда.

Трукодар дуоматр! Гив ми мо! Длья когьо тьи остявиль меня?

Глава 16

В которой страдающий речевым эгоизмом Автор доносит до читателя совершенно необязательные для него сведения и тем пытается завлечь читателей в дебри откровенной демагогии.

«Амен! Амен амен амен аменам аменам енамена мена мена мена менааме-
наменаменамен амен амен! Амен! Мена!

«Сегодня 24 августа сего года.

Две вещи милы Человеку: Деньги и Блуд! Впрочем, Человеку мил также и Блуд за Деньги! Но Блуд сейчас стоит немного, ибо как только оказалось, что за него платят деньги, так великое множество честных женщин поспешило себя продавать, и тем сразу обвалило Цену...

Стало доподлинно известно, что колхоз «Имени Первого Поцелуя Сталина» обанкротился. По миру пошли двадцать тысяч голос разного скота и несчитанные никем курицы. Куроводы и механизаторы поползли вслед за ними сладкой вереницей. Когда некоторое время назад обанкротили фабрику, где выращивались чёрнобурые куницы, соболя и тушканы, соболя в тревоге разбежались по округе и довольно скоро заселили водохранилище, поедая рыбу и плавая в узких каньонах. Потом их били браконьеры. Браконьеров никто не перебил, а жаль! Презренная стряна, где плёхо животным и людям!

Но последний съезд Теократической Партии был хорош, и все познали, что он хорош. Ибо хорошее – хорошо, а плохое – плохо!

Горшок, который сделал к юбилею страны гончар Иван Будый, был велик и всеобъемлющ. В нём мог бы жить Диоген, кабы ему дали снова родиться и куралесить. Краснофигурный тетрепентакль гносера.

Огромный герб страны в центре горшка, колосья и слесарные инструменты по краям в качестве орнамента очень украшали произведение современного гончарного искусства.

Его купил американский мультимиллифарер Джон Маргинальны, в подарок Уолту Диснею, соблазнившись курсовым ростом стоимости объекта.

Я услышал также из достоверных источников, что этот самый Уолт Дисней к тому времени заморозил себя и теперь лежит где-то в инкубаторе, дожидаясь новой удивительной жизни в 22 веке. Если это так, то он явно погорячился, и второго пришествия Микки может и не быть! Тут много чудаков, которые абы во что верят, и не только сами верят, но и норовят других в свои мерзкие афёры втянуть. Нет, честно! Вообще Дисней был странный человек, на самом деле странный, я когда узнал о его заморозке, понял, что он чокнутый, а как увидел старую хронику с его участием, то стал к нему присматриваться. Смотрю, смотрю и понимаю всё яснее...

Тэк-с... Мультики-пультики... Пятьдесят миллионов долларов состояние. Станный он был тип! Нет, точно – странный! С одной стороны чудесные вещи делал, Белоснежку создал, а с другой всё время обмишуливал своих художников и памороки им забивал своим фирменным патриотизмом, мол, не за деньги тут работаем, а во имя высокого искусства! Только к нему в кабинет залетает делегация мультипликационного профсоюза кланчить прибавку к зарплате, как Уолт Дисней начинает ногами топать и пальцем в потолок колушматить, мол, горько мне, горько, чёрная неблагодарность кругом, трусость и предательство, эти козлы пришли для того, чтобы обчистить мои карманы! О мои седые волосы! Дожил до такого позора! Представляю, как эти профсоюзные художники чертыхались после его

накачек! Немудрено, что он заморозился! Ему просто ничего не оставалось, как встать, ночью покинуть свой кабинет и заморозиться на заре. У меня в стране тоже кое-кого заморозить бы не мешало! Без некоторых тут лучше бы было! Несколько миллионов моральных уродов заморозить бы не помешало! Может, и страна снова на ноги бы встала!»

Так ещё раз написал в своём дневнике Алесь Хидляр, склонившись над одинокой страницей ближе к прекрасному вечеру 24 августа 200. года.

Глава 17

Второй и неглавный выход белокурого Алеся Хидляра, с весёлыми потешными разговорами и довольно плохой погодой.

– Вы клоун? – спросила его маленькая девушка, прочитав его лучшие сочинения на досуге.

Он посмотрел на неё, не то, чтобы неприязненно, но явно не сочувствующе. Они начинали хамить с места в карьер, молодцевато, оптимистично, бравурно. Это не радовало его, но развлекало девушку.

Господа! Прошу внимания! Лот N 186 «Вульва Прозерпины» Бронза. Второй век до новой эры. Работа неизвестного мастера школы Праксителя. Начальная цена шестьсот двадцать тысяч долларов! Кто больше?

С этой девушкой, а вернее с двумя оскорблённому Алесю пришлось расстаться и он не жалел об этом. Личная жизнь, что говорить, получается не у всех, а у тех, у кого получается, она получается часто нелепо, однобоко.

Как хочется человеку верить, что есть в мире то, что никогда не умирает, не стареет и не подвержено тлению и скверне! Как хочется надеяться, что самые фантастические мечты могут быть реализованы! Тот, кто прошёл большие беды, верит больше, не изведавшего их. И когда человек находит Это, ему хочется верить, что Это и есть самое главное на свете – Великая Бессмертная Любовь, которая движет звёзды и светила...

Вечером он вышел из дома и прошёл к киоску, чтобы купить сигарету. Около магазина «Бенефар», в витринах которого одетые в кожаные лапсердачки стояли пластмассовые угольные негры, похожие на сейфы, в отрепьях полуспала нищенка. Платок закрывал её лицо полностью, и его не было видно. Она сидела на свету, лившемся на неё сзади из витрины, и просыпалась только тогда, когда её тело сползало набок. А чуть поодаль на роскошном мраморе нотариуса Кляпинского лежал измождённый человек в рваной камуфле и тоже безутешно спал, в то время, как двое неизвестных вели шёпотом разговор, смысл которого едва ли был внятен им самим:

– Да, это был выдающийся человек! За какой-то пустяшный миллион долларов он купил редчайшую коллекцию алюминиевых тюремных кружек – уникальнейшее, по мнению знатоков, собрание. Теперь у него были тюремные кружки всех анарейских пророков, включая дырявую кружку заики Моисея, плетёная кружка Саула Манихейского и крученая донельзя бадейка Поцера Рипербанского, большая амандрилья Грегори Распутина, пилёный пиратскими зубами стакан пирата Кидда, люстриновый кружавчик Марии Антуанетты, кружки Чмо Расина, а также ночные горшки Евы Мо и Фредди Люфта. Вот какие подвиги во имя культуры совершал он на глазах общества. А ты смеёшься над святым человеком! Неужели ты не понимаешь ценности тюремных кружек Жиботинского, пейсов Эйнштейна, подвязки Голды Мейер, кружек всех богоизбранных президентов республики САШ? Они бесценны! А сколько стоят номерные кружки всех маргинальных президентов Фиглелэнда? О-о! Они не имеют цены!

– Ладно, ты лучше скажи, где ты собираешь такую прекрасную чернику?

– Я? На Пикадилли Сёркус! В бассейне, около Стеллы, на которой дрожит адмирал Нельсон, друг леди Гамильтон. Вы знавали такую?

– Ха! Разумеется! Мы вместе учились в чушке! Она всегда, всегда была разбитной девчонкой!

– Шикарно! Шикарная голубика! Я сегодня же куплю плетёную корзину с дистанционным управлением...

– Для сбора голубики?

– Да, для голубики! Все вещи с дистанционным управлением шикарны! И все предназначены для сбора голубики! И мой муж тоже! Для сбо-ра го-лу-би-ки! Голубики по имени Стелла!

– Замётано!

Страшный, пронизывающий ветер дул под опорами моста.

Декан Промазюкин, как кондор, посмотрел во мглу, где раздавались неясные голоса и заспешил прочь от рычащего его зева...

«Фу! Ну и город! – сказал он про себя, – А я здесь живу!»

Глава 18

В которой Автор незаметно возвращает читателя к историческому основанию города и попутно, как Шахразада, рассказывает занимательные истории, не зная, для чего он это делает, и когда это кончится.

Дорогой читатель! Дорогой мой! Пре до мной одни вопросы, одни вопросы! И так, где же мы всё-таки находимся, дорогой читатель? Дай-ка я водружу на нос очки-зебродавы, дабы походить на тех великих писателей, от которых прямо таки веет атмосферой выдумки и неземного совершенства, они ведь всегда, показываясь людям, водружали на нос очки, даже когда прекрасно всё видели! И какие очки! Круглые, огромных размеров, с толстыми венецианскими стёклами и обрамлением из слоновой кости.

Итак, ха, где мы? Ха! Ответ не замедлил себя ждать! Три раза ха-ха-ха! Ответ на этот вопрос прост как Ленин, как правда, или на худой конец – как огурец.

Итак, мы находимся в Ёканном Фиглелэнде, и уже довольно давно находимся. А что такое Фиглелэнд – спросит какая-нибудь худая английская аристократка, терзая зонтик или на худой конец, веер, что это такое? Читатель, если у него не дырявая память, уже уяснил некоторые ключевые страницы здешней истории, и наверняка захочет ей помочь. Не надо, дорогой друг, твои труды останутся втуне, не поймёт скучная английская душа того богатства и разнообразия, что творится здесь, не ущучит.

Вот из из соседней улицы несётся неясный рёв, там вдали за рекой пытаются разойтись по домам фанаты местного футбольного клуба, ёрш им в задницу! После каждого матча, если не были разбиты магазины, не сожжены школы, не разграблены банки – считайте день прошёл зря! Пепелища и развалины украшают окрестности нашего стадиона имени товарища Кагановича, как прокажённого струпья!

Футбольный матч «Спартак» – «Факел» уже окончился, иностранцы, удивлённые и обрадованные несущимися со стадиона криками «Фак! Фак! Фак!» разошлись по гостиницам, слегка недоумевая, что происходит на гнилоурских стадионах, а сильный дождь разогнал всех остальных фраеров-факеров по домам.

Фиглелэнд. Милая моя родина! Отдушина мировой цивилизации!

Когда-то в годы великой Мечты это было довольно мощное государство, ужасавшее всех своей непредсказуемостью, величию замыслов и жертв, а также целыми горами ядерного оружия и простиравшееся на офигенные расстояния во все стороны. В таком положении оно держалось довольно долго, но затем в силу неких форсмажорных обстоятельств впавшее в запустение и катакомбный маразм. Это была фантастическая, жестокая, великая империя, чьё величие, правда, не превосходило её жестокость, но усмирялось единообразием и постоянными попытками справедливости. Теперь это государство, или, вернее, его остатки спасают от окончательного экономического банкротства лишь изрядно подорожавшие в последнее время нефть, газ и твёрдое конопляное лыко, поставляемые за границу в нефасованном, буювом виде.

Каждый раз, когда я прогуливаюсь у железной дороги, мне видны за покосившимися пакгаузами эти бесконечные составы цистерн, которые проносятся мимо меня с богатством, которое таким, как я, почему-то здесь никогда не принадлежит. Наверно оно никому не принадлежит, и уже давно хозяевом всего является Рокфеллер или Вандербилд. Но пока что государство Фиглелэнд щательно скрывает это, создавая видимость национального государства.

Обрушения скрижалей было неожиданным и сопровождалось возгонкой преступных поползновений, увеличением количества запоров и замков, а что самое главное – прямым и дерзким участием нашей милиции в преступной деятельности. Порядок и преемственность были потеряны, как казалось, навсегда.

Когда я родился и рос, это была интересная страна, в сущности вот уже много лет захваченная чужими.

Анареи теперь открыто называли улицы именами своих «талантливых» пейсатых собратьев, ничуть не обращая внимания на кислое по этому поводу мнение основного населения, всё более озлобленного. Мол, «мы все свободны, и не надо обращать внимание на рабов». Кто это мы? Улица новоявленного Джазиста Пипмана соседствовала с переулком Зоси Занд, той ещё прошмантовки. Проспект Изи Шпокмана мирно уживался с тупиком Моисея. Кто были этот Моисей, чем славна Зося Занд и чем прославился Джазист Пипман, об этом никто уже не узнает. Об этом знали только выдающиеся деятели Новой Прозелитической синагоги Обломский, Обносский и Сучарский – провинциальная троица.

Ещё здесь ловят больших ящериц и стрекоз, дабы удовлетворить гурманов-извращенцев в элитных Парижских ресторанах. В «Максиме», например. Или в «Балтиморе». Я так и вижу – сидит в «Максиме» эдакий Пабло Пикассо в жилете, измазанном вдоль и поперёк красной масляной краской, с ящичком пастели в руках, лягушек, ящериц и стрекоз пожирает. Чморан! Жадно жрёт, званозисто так, поливая их соевым соусом и уксусной эссенцией. Губы все в сметане, мама, я не могу! Прямо болеет нутром от вожделения! Червяки в майоране! Сто лет не ел такого! Я видел по телевизору, как аборигены ели оранжевых майорановых гусениц, и обмер от вожделения. Так они аппетитно ели. А тот вообще сто лет ничего не ел! А кто же тогда горох ел? А болеро Нуриев всё на мальчиков поглядывает, всё на мальчиков, настрекоз икабанчиков, а бабочек и тараканов не ест, прин-ци-пиаль-но, карбонар эдакий, беглец из Янтарного. А я смотрю на них и думаю, жалкие людишки, и зачем я тут появился, зачем невидимый, бесплотный и смешной летаю над этими шпионами и богомазами? Зачем мне этот Париж, такой эфемерный и подлый? Зачем мне площадь Пигаль и Пикадилли Сёркус? Зачем?

И в то время, когда они обжираются стрекозами и жуками, в моём городе на Большой Дворянской улице по случаю этого самого Дня Города везде выступает жидкая народная самодеятельность и раскошегариваются заядливые старушечьи хоры, и они тут же выплывают, как челны из моего воображения. И среди них поэт, фамилию которого мы, само собой разумеется, называть не будем, ибо её и так здесь все наизусть знают, настолько он всех достал своим народным творчеством. Поэт, конечно дело, всё с большим восторгом рубил руками воздух и нёс свою, понятную ему одному околесицу. Такой маленький плотный старик с нечёсанными седыми бровями и седой бородищей до пят. Обличитель неправды и водворитель истины. Зевс какой-то! Громосборник! Фу-у! Менее ужасный вариант этого старца я видел в каком-то фильме, кажется, он назывался «Снегурочка». А ведь когда-то был человек маленький и грудь у кого-то сосал!

Я вообще не люблю это бабское сюсюканье по поводу маленьких детей, и не считаю их уж больно хорошими и красивыми, дети – часто довольно таки уродливые создания. И иногда бессовестные и злые. Женщины любят их в силу как абсолютных инстинктов, так и небольшого ума. Не понимаю причин такого частого сюсюканья! А то, как они по звериному уничтожают в своей среде слабого малыша, вообще внушает мне отвращение. Я видел, как дети забивают слабых! Видели? Ха! Потом из них вырастает всякая сволочь, к тому же! Потом в университетах учатся! На одни пятёрки и шестёрки! А как быстро они все усваивают навыки жизни, приёмы кидалова всякого, глазом моргнуть не успеешь, как он уже понял твой намёк и побежал за угол, чтобы опередить тебя и маржу сорвать раньше. Зверьё! Никакого благородства! Но я не о том!

Надо было слушать, что скажет громopodobный Зевес. Он не заставил себя ждать и сразу же понёс какую-то чудную ахинею. Громко так, напористо! Отчаянно, я бы сказал. Эмоционально. Как будто пулемёт в степи забил.

Раздалась грязь, и хлынуло ...но.

Он был одет, как кажется, вполне прилично, но всем смотревшим в его лицо почему-то казалось, что на нём медвежья шкура, а в руках он держит огромную дубину.

Глаза поэта горели под бровями, как маленькие злые угольки, видно было, что, несмотря на древний возраст, старик ещё очень крепок и кряжист, как Розенбом. Счас схватит гитару и начнёт наяривать Высоцкого. Необразованный, тёмный, дикий, но убеждённый в своей гениальности – такие люди есть самое страшное явление природы после вулканов и крокодилов. Само собой, он там всё родину воспевал и бичевал её врагов – дерьмокрадов и их подлых подлипал и адептов. Таких корявых, мутных и безграмотных стихов никто из присутствовавших до того никогда и нигде не слышал, и некоторые открыто посмеивались над ним. Там у него были просто бешеные рифмы – «абстиненция» у него легко рифмовалось со словом «огромная». А старик всё расходился, расходился, как самовар, пуще, пуще, стал руками в гнев трясти, потом ещё пуще стал гневаться и плевать на всех власть придержащих. Первым рядам тоже досталось. Он их сходу в коллаборционизме обвинил, потому, что они его беззвучно слушали и в разговор не влезали. Кривду он хорошо порушил, я вам скажу, неплохо даже! Народу стояло там человек под сорок, разного пола и возраста, довольно много для такого жалкого, затрапезного зрелища. Ему жидко аплодировали, потому что все понимали, что время околесицы кончилось и надо что-то делать, а не базарить на всю ивановскую невесть о чём. Особенно насиловали ладони две длинные девицы с мольбертами. Прикалывались они вовсю. Художницы от слова «худо». Так им нравился шумный дедок и его несусветное чтиво, так нравился. Кому ж такое не понравится! Все только и мечтают о том, чтобы им сумасшедшие дедки свои разоблачительные стишки читали! Больше ни о чём не мечтают!

В общем, смотрю, этот пиит сползает с трибуны, а на неё уже народ потёк, автографы кланчить, и как-то непринуждённо разговор перешёл на другие темы, а потом вообще на коммунальную реформу переключился, то да сё, которой тут всё начальство-канальство бредило. Дедок, наверно, у них на разогреве был. Я заметил, что рядом со мной несколько типов из моего дома стоят, и видно, что не очень-то они согласны в своих взглядах. Совсем рядом с ним стоял высокий седовласый генерал, и явно прислушивался к разговору мужика и бабы, которые прямо перед ним кривлялись и потешали друг друга ужимками и прыжками. А обсуждали они, как оказалось, вот что: в доме они организовали свою банду, и им не терпелось в доме власть захватить, а потом землю делить под гаражи. Это называлось официально «Созданием ТСЖ» – Товарищества Собственников Жилья. Красивое название. ТСЖ «Земляничная Поляна», к примеру. Счастливые обладатели недвижимости решили наконец отстаивать свои незыблемые права коллективно, и наше замечательное государство их в беде теперь ни за что не бросит. Ха-ха-ха! Ждите!

Они между собой стали обсуждать, как будут мстить всем, кто не пошёл в их ...скую коммуну. Одна баба другому мужику тут и говорит на ухо: «Если эти черти сраные не захотят к нам в коллектив вступать, надо дерьмом их двери вымазать, чтоб они знали науку!» А мужик смеётся и ей поддакивает всячески, мол, да, ха-хаха, надо обязательно вымазать этим гадюкам дерьмом дверьки, если не будут присоединяться к нашим демократическим процедурам в ТСЖ! Хи-хи-хи-хи! А рядом генерал стоял и всю эту несусветную ахинею слышал в подлиннике.

Генерал как услышал про коллектив, науку и дерьмецо, ушам своим сначала не поверил, так его поразило всё сказанное! В самое сердце попали ему слова этих товарищей! Потому что это довольно странно, согласитесь, чтобы в наше довольно просвещённое как бы

время, когда межгалактические корабли бороздят, прямо скажем, просторы мирового космуса, когда с помощью компьютера всё стало доступно в понимании, какие-то прямо скажем мерзкие пидоры мазали дерьмом его важные генеральские двери! С кем, как оказывается, мы тут проживаем? Кого согрели на своей груди? Змей? Сидоров? Кого? Да- с, это не шутки, чтоб его генеральские двери какие-то мерзкие пидоры стали красить дерьмом!!! Не шутки! Не бывать такому злоупотреблению! Не бывать! Генерал стал тут рот раскрывать и из него полилась довольно складная речь.

Он чего-то там стал довольно вежливо вякать о здравом смысле, римской законности, презумпции и прочих важных политических предметах и элементах гражданского общества, а потом зажёгся, раскошегарился, в полемическом задоре стал поносить и клеймить всех этих мутных клонов, готовых ради бабла на всё, буквально на всё, стал метать в них громы и молнии, как Зевс Громосборник. Я обмочился от смеха! А потом и кошачью ферму, какую они тут устроили, зацепил словом своим аховым. Мол, не дело во дворе, где люди развлекаются и живут, кошкам командовать! Это был тезис! Все сначала ничего не поняли, а потом уразумели. Дошло до них, въехали мудилы! Вскоре поднялся гвалт, в котором уже ничего разобрать было совершенно невозможно, кроме всякой социальной чуши и диких выкриков без смысла. Бабки загалдели так, что на деревьях все перелётные птицы навсегда замолкли.

Один какой-то хрен, который долго понуро стоял поодаль, вдруг встрепенулся, как боевой жеребец, расправил плечи и стал верещать:

– Казнить! Казнить! Казнить! Казнить! Распять! Колесовать! Кастрировать! Предатели! Всех к стене плача!

Кого он хотел так стремительно без суда и следствия казнить, этот мосадовец, так я и не выяснил, может быть всех окружающих сразу! Скорее всего! Я бы, честно говоря, ему бы помог!

Тут каждого второго можно без всякого суда – в воронку и – за город – к стенке! А потом Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой!

В общем, этот тихоня раскошегарился не на шутку. Тут полным-полно таких тихонь, которые на поверку просто тихие сумасшедшие и ходят как сомнамбулы в океане, пока их что-то не затронет за живое! Но уж если затронет, то может быть настоящая трагедия! Родную мать не пожалеют!

Я тоже вслед за ним не выдержал и стал речь толкать, всё больше распаляясь. Он меня заразил своей космической энергией и энтузиазмом. Это что ж такое получается? Говорят-говорят о дерьмократии, как Плеваки, а на деле – колхоз, на самом деле опять силком всех опять загоняют в эту коммунальную реформу! Чпок! Чпок! Тут надо решать и быть начеку, а народ наш к этому не привык, и предпочитает лежать на печи – ждать удачи...

И меня вслед за генералом хотят загнать в колхоз, а потом двери дерьмом измазать! А они и без этого столько всего испытали, не приведи боже!

Не получится княжну Мэри отыметь, господа, не получится! Волобуев, вот вам член!

Я мог бы приобщиться к этим дням,
От коих вдоль хребта бежит искрина.
Любой из нас готов сказать ням-ням,
Но уж не каждый встреченный – мужчина!

Эти разговоры, конечно, натолкнули меня на мысли о нашей страшной судьбе в ненаглядном отечестве. Мы-то ведь, приличные люди, здесь в меньшинстве, мы и этому безмозглому и дикому стаду никогда ничего не могли доказать, и никогда ничего не докажем! Вон они как всегда снова толпой побежали туда, куда их гонят.

А они вымажут! Я знаю! Они тут двести лет бандитствовали, эти понтийские жлобы, они и местность как свои пять пальцев знают, партизанили тут, небось, при всех режимах, в бандитах не одно десятилетие служат, то с батькой Мухортим, то – под красным знаменем, то – под зелёным, то под чёрт знает каким; ордена поголовно имеют, досконально изучили ландшафт территории, основы фортификации поняли, Тевтолийцам во время оккупации как эти чмошники гадили – не описать, им можно верить, дверь вымазать дерьмом они могут, не солгут, не обманут! Оу! Не фиг делать – смогут! Чегонибудь хорошего они сделать не смогут, ума не хватит, а вот у соседа дверь дерьмом вымазать – смогут! За милую душу! Тут нет никаких сомнений! Страна жлобов и идиотов! Ничего тут не будет!

– Надо капкан купить! С зубами и страшной концевой пружиной! Поймаю – убью! – сказал про себя Алесь и страшно улыбнулся.

Нет, Алесь, не ты первый, не ты последний!

Древний философ Спирмофоклюс задолго до него обратил внимание на особенности этой стороны человеческой натуры – наблюдательности.

А через месяц в очередной раз реформу коммунальных лавочек отодвинули года на два.

«Страшное время настало на моей родине. По телевизору метались чернявые таланты с неопишным зловонным юморком. В подвалах домов повсеместно гнездились и множились анарейские катакомбы, в которых зачиналось пост-индустриальное суперновоХаристованство наряду с древними, как мир торгашескими проделками. То они торговали музыкальными инструментами, то разнокалиберными товарами, то отмывали криминальные деньги. Трещали телефоны и „Рога и Копыты“ осуществляли свою как бы законную деятельность. И среди этой шло... честным людям великое государство Зиглинга вспоминалось теперь райским чудом для белой расы Европы, а не жупелом насилия, как о том науськивали в школе толстые женщины-педагоги. Не случилось! Но дай бог будет! Будет! Невозможно, чтобы ЭТО долго продолжалось! Невозможно! Нетерпимо!» – думал он, пока новое изменение диспозиции не отвлекло от размышлений.

Тут все на секунду расступились, и бешеный поэт снова вознамерился на трибуну залезть, потому что вспомнил свои староновые вирши и решил поделиться с миром, кривду клюнуть клювиком острым.

В то самое время, когда только начал раскрываться клюв, прямо над нами начался фейерверк, и в небо из сквера полетели петарды. Они стали рваться в холодном небе, и надо сказать, грохотали не хило. Гром победы, хоть и раздался, но удовольствие доставил не всем.

Я спрашиваю у киоскёрши, у которой каждый день штучные сигареты покупаю: «Что это за праздник? Вы не знаете? Чего-й то они засуетились? А? Может, вы знаете? Скажите по секрету!»

А она в своей будке пожала плечами, как будто ей всё до фонаря, а потом видит, что невежливо почти знакомому человеку вообще ничего не отвечать, говорит лениво так, безразлично: «День призывника наверно! Или бизнесмены празднуют линчевание негра! Только музыки нет! Жаль!»

Вот такие тут развлечения, я вам скажу, происходят на просторах нашей родины! Почисте корриды! Я аж присвистнул. Вау! Ну и празднички у моих лживых землячков! Ха! Это день траура, а они тут петарды выпускают в небо! Сначала сумасшедший поэт колбасился перед нами со своими корявыми стишками, потом неизвестные герои погрозили двери у честных людей дерьмом измазать снизу доверху, а кончилось всё дело сумасшедшим фейерверком по поводу того, что кого-то в армию загребают. Каждый год подводники вместе с десанниками в городе шухер наводят, моряки в грязных фонтанах плавают пьяными, а десантники с крыш прыгают – страна в надёжных руках! Во, дела! Даже никто не знал, что тут какой-то праздник намечается!

Карнавал! Боливия, мать её за ногу!

Ха! Но вообще ничего удивительного! Тут всегда радуются, когда у кого-нибудь горе, это я точно знаю!

Но мы, кажется, отвлеклись от основного предмета нашего разговора – от нашей родины! Итак... Внимание! Что я могу сказать о своей стране? Одни дифирамбы! Одни дифирамбы на моих устах! Начнём!

Глава 19

В коей Автора заклинивает и он продолжает воспевать уже всем изрядно поднадоевший Нежнотраховъ, что не вызывает у Автора никаких эмоций.

М-да! Фиглелэнд – это срединная республика, занимающая огромные пространства на диком азиатском континенте, и в цивилизованном мире о ней ходят страшные легенды, которые я не буду пересказывать. Морозы и медведи функционируют в большинстве из них. Лет пятнадцать назад здесь была так называемая «Тихая Буржуазно-Демократическая» революция, в результате которой потихоньку умерло или было потихому перебито около пяти миллионов моих земляков. В основном это были честные, не очень вороватые, наивные граждане, верные присяге и долгу. Очень терпеливые! Впрочем, их смерти никто не заметил. С тех пор в Фиглелэнде правит всякая сволочь в двубортных пиджаках.

Впрочем, сволочь здесь правила всегда, сначала в шкурах, потом в аксамите, потом в шинелях. А теперь в Джипах.

М-да... Последние годы страна упорно шла вперёд, успешновато преодолевая семимильными прыжками отдельные препятствия и препоны, возникшие на её пути.

Так держать, родина! Мы идём вслед в ногу с тобой! Тру-ту-ту-ру-ту-ру! Гони гусей!

Нефтянники истощно добывали ценный полусферический газ из бездонных кладовых земли и гигантских куч пустынного кизяка и лозы, обильно орошённых теперь благодатным летним дождём. Кизяк остался в поле после паломничеств инопланетян и блужданий голых динозавров и был в завидном изобилии. Но не везде царила такая отменная гармония, не везде. Африка – нация, страдающая от немыслимого заболевания, в это же самое время подпревала вдалеке в бедности и безверии под основными галимыми лучами солнечного светила. Она ещё не пресытилась едой, а потому и не мечтала о компьютерах и сказочных чипсах. Её дети не смеялись при виде зебр, слонов, бегемотов и жирафов, но мечтали о снеге и радуге.

Будущее заглядывало в окна горожан загадочными, мерцающими глазами, не говоря ни слова оправдания.

«Анусинское месторождение газа» возрождается» – в голос кричали газеты. – Стройка продвигается невиданными темпами».

И снились пророческие сны, какие снятся от долгой скуки жизни и вялого прозябания чувств.

Сны, какими бы они ни были, означают всё же уход из реального мира.

Глава 20

В которой снова появляется уже хорошо знакомая нам Белокурая Бестия, походя произносящая весьма насмешливые энциклики родному город Нежнотрахову.

Доброе утро, страна! Это я, Алесь Хидляр, твой неведомый герой, верный сын твоего народа и всё такое прочее, и тд. и тп. иду к тебе с честным римским приветствием и замечательными намерениями, приветствуя твоё бессмертие и радуясь новой встрече с тобой! Доброе утро, моя любимая, моя родина! Новая Фиглелэнд, встающая ото сна и тяжело продирающая очи после вчерашней попойки и тысячелетнего, тяжкого ратного труда! Приветствую тебя! Пробуждающаяся от векового сна страна! Выздоровливающая от долгой болезни! Устремлённая к свету и радости! Здравствуй! Ура тебе! Слава! Слава! Слава! Тысяча поцелуев в диафрагму! Впрочем, героям мы воздали дани, теперь поговорим о дряни!

Сегодня, в день летнего Солнцестояния я начинаю свой седьмой крестовый поход против хамства, жлобства и мерзости! Война будет вестись без правил и жалости к поверженным жлобам! Окружённых не жалеть! Сдавшихся добивать боем курантов! Победа или смерть! Смирно! Хенде хох! Не подходи, враг! Нихт шиссн! Как раньше не будет! Новые Времена на пороге! И свет новых времён будет озарять всегда только нас! Вовеки веков! Аминь! Зиг Хайль!»

Это говорит наш герой – стойкий спартанец Алесь Хидляр. Он не успеет надоесть читателю, потому что как все герои этой повести появится перед нами в своём обычном виде только тысячу и один раз – сейчас и позже.

И любимые его будут всегда рядом с ним, как и вечная песня о стойком немецком солдате, теперь уже сквозь века рвущимся в вечный бой с мировым злом. Она вертится в его голове уже неделю.

Патриотов он внутренне просил ни о чём более не беспокоиться.

Кажется, его речь не окончена? Вау!

«Давайте сначала сделаем зарядочку! Раз! Раз! Раз! Раз!

У меня приятель – игрок на фондовом рынке. Его зовут Антошка Финтифлеев. Раз! Раз! Он выбрался за счёт своей удачи в этой ужасной игре из такой постперестроечной нищеты, что описывать его прошлую жизнь совершенно не стоит. Раз! Раз! Он развёлся с женой и переехал из города Флякина в вечный город Нежнотрахов, где мы имеем возможность познакомиться с ним поближе. Фу-у-у-у!»

Внешне он довольно приятен, но беспокойная жизнь уже наложила на него свой отпечаток. Он всё время потирает руки и смотрит на собеседника очень пристально. У него затаённые, обращённые внутрь глаза. Когда-то он не говорил ничего.

«Жизнь – это тренд! – говорит он теперь всегда поучительным голоском, – Тренд бывает падающий или поднимающийся! У Вселенной есть свой тренд. У нашей галактики – тоже! У нашей страны тоже есть тренд. Она то поднимается, то падает в пропасть! Иногда случаются фондовые катастрофы. И ещё! Фондовый рынок всегда хочет обмануть большинство участников! Жизнь обманывает всех, потому что всегда кончается смертью! Любая жизнь и любой успех строятся в конечном итоге на борьбе и несправедливости, поэтому мы сами, как сообщество, вольны определить рамки нашей справедливости для себя и остальных! Никто не должен удивляться, что для врагов мерилом нашей справедливости будет петля!»

В юности он писал нравоучительные поэмы. Драма «Чацкий и Коровяков», продолжение блокбастера Грибоедова, могла бы на многое претендовать, но из скромности её утаили Графья Приречные – Сигизмунд и Иммануил. Два в одном!

Я его понял только спустя время жизни в Нежнотрахове Нежнотраховском.

Он попытался бежать, да не смог зацепиться вблизи забугорье. И я на писал ответ на его истощное, раздражённое письмо:

«Антоша

Уж не кори меня без нужды,

Хоть за бугром тебе видней!

Разочарованному чужды

Всеобольщенья прежних дней!

Привет! Чего на меня мальчонку набросилси? Поприкалываться уж нельзя! Я и не хочу сейчас ничего хорошего писать! Против бога не скажи, против Пушкина-тож, против начальников тож уже как бы низя, Чебурашку писать и Гену рисовать! Либо то, либо то. Да не хочу я быть хорошим! Премудрый пескарь вон как у Салтыкова отличился, я всё равно не буду! Смотрю вот на нашу жизнь глазами тех Тевтолийцев, да ненавидели они эту страну без дорог, еды, справедливости и т. д. Где крестьяне, как животные, а крестьянки на людей не похожи! Где солдаты без всего и никому не нужные на самом деле! И слова о том, что де в чужой монастырь не нада – да монастыря-то не было! Никакого!!! Стрижка баранов тысячу лет под псалмы! Потёмкинская видимость одна наглая глаза порошить! Я бы сам такое громил бы. Эта форма жизни своей сущностью страшна тем, что она отвергает Законы Природы – Иерархию, Порядок, хотя бы позыв к справедливости. И слова тут ничего не означают, под ними пустота. Наша вина, что мы меж молотом и наковальней. И громить всё это должны были не они, а мы сами! А мы только тряслись, трясёмся и иного тогда не дано! И в таких условиях ни я, ни ты не знаем и не можем знать, что делать, куда идти! И не надо думать, что будучи ниже травы, чего-то получишь! Наоборот! Анарейского Чебурашку этот тип всё равно лучше нас сляпает, не конкуренты мы с ним в этом! Это игра по их правилам для них! Я над ними смеюсь на самом деле. Это как в пустыне идти – иди куда хошь – никуда не придёшь! Я сейчас сталкиваюсь с людьми и чувствую их мировоззрение! Смута в голове, там и минин и пожарский с рожей Михалкова и как бы спереть бублик во время похода за русь. И никому не дать высунуться! Упаси бог! И все хотят понимания, и даже начали патриотично требовать у мира уважать такую жизнь! Типа – оригинальная, ни на чего не похожая! После бомбёжек воронеж лучше был, чем сейчас. МЫ в аду!

У тебя не получилось вот уехать! Плохо! Оказалось невыносимо тяжело в чужой мир въехать! А всё-таки как-то отсель бечь надо, Андрюша! Чует моё! Кисель тут прокисает потихоньку! Холостой ход, этот слабак, игры под ковром уж совсем мутные! Сговоры. Ещё нефть подприкрыть – и будет полная картина Репкина – «Кирдык пропагандиста» И даже не в этом дело! Везде напряжение! Это первые признаки войны. Печаль только в том, что мы не оливковое дерево – это дерево чем старше, тем на новом месте лучше приживается. А мы уже не приживаемся даже на родине!

Я хожу на источник купаюсь в холодной воде! Класс! Видел К.! Он снова в трансе! Похож на персонажа из американских фильмов ужасов. Он начинает пить всегда, когда фортуна валит, вот и сейчас судьба надавала ему вполне приличных заказов на очень хорошие деньги, вот он и запил страшно, классика. Он – модель этой жизни в чём-то.

С тяжким сердцем ездил на дачу. Мрак! А в лесу хорошо! Не забыть бы, что скоро сморчки.

Когда тебя встречать оркестром? Напиши!

Успехов и нормального настроения! Держись!

Глава 21

В которой Автор впервые сводится с Алесем Хидляром и между ними проскакивает яркая философская искра.

И всё же... Автор не раз задумывался, почему же Алесь Хидляр так любил вечный город Нежнотраховъ, и к однозначным выводам по этому поводу не пришёл. Он ведь был совсем не глуп, всё понимал, знал цену тому, что происходило на его родине, земле предков, манином футерлянде. Не Адриатика здесь! Без омаров живем! Не до того здесь! Уцелеть бы! Покусинькать бы! А народ какой! Ёханный Баболт! Какой народ! Карман всё время нужно рукой сжимать! Акул кругом столько, что пукнуть нельзя! Как премудрому пескарю забраться бы в лунку и пересидеть основные угрозы бандитского времени, от которого нет никакого спасения. Да ещё, спасибо тебе, Господи, увидеть смерть врагов! Об этом только можно мечтать в этом шизофреническом бедламе!

Идея альтернативного исторического пути не давала ему покоя.

Нет здесь озарённых солнцем бухт и барахт, где реют паруса на закате! Не повезло нам! Не повезло! Врагу бы такую родину, как моя! Зато уж есть рынок, на котором можно торговать, кто чего склепал, и может быть, радость его наличия и не позволила Алесю сойти с ума. Можно, к примеру, земляка продать.

Он прожил долгую и тяжёлую жизнь...

Сейчас они, эти бумаги в очень плохом состоянии, и если не попадут в народную библиотеку, рано или поздно поглотятся ненасытным временем и его духом полного исчезновения.

Автор думал над этим и решил предать вышеозначенные бумаги гласности, которой они несомненно заслуживают.

Глава 22

Алесь Хидляр освещает свой город, себя и попутно предаётся невинным воспоминаниям о былом и думах.

«Я живу в вечном городе с названием Нежнотрахов, (это его самое последнее, самое клёвое название) что на западном юге Восточно-Европейской цокольной платформы, при вдохе северного ветра, – начинается повествование, – Здесь моё ВСЁ! И самое главное заключается в том, что здесь даже Пушкин родился! Здесь моя милая родина, здесь жили мои родители до смерти.

Они любили свою родину и как дети, всегда искренне удивлялись, почему она мучает их и всегда предаёт. И так и ушли, ничего не поняв, горячо и благодарно, с рукой у исполнительного козырька и жаждой недостижимой правды в сердце.

Я их ни за что не виню! Великое, преданное тысячи раз поколение, прощай навсегда! Но самое главное заключается в том, что здесь Пушкин родился. Вон в тех кустах. Его мать была в нашем городе проездом, приезжала по делам отца, связанным с закупкой больших коровьих кнутов. Вон под тем кустом ей дурно и стало, так она не долго думая родила Пушкина. Сочинять он стал почти сразу же, не вылезая из кустов. А я за ним следом немного погодя.

Мне 36 полных лет, из них тридцать пять с половиной я безвылазно пребывал здесь, в Нежнотрахове, безвылазно занимаясь подробным взросланием на лоне, быстрым взрослением и неизбежным подростковым онанизмом, в чём мне стыдно в некотором роде признаваться. Здесь я учился и страдал, здесь я первый раз влюбился в дуру. К тому же она была анарейка! Что тут сказать без пол-литры? Посмотреть, как Монтень, осуждающими глазами?

Мне было всегда интересно узнать, историю родного до слёз города, и хоть мои родители были здесь столь приезжими, что так и не укоренились ответственно в здешнем коцаном народец, я никогда не оставлял отчаянных, безуспешных попыток это сделать.

Но народ чувствовал чужака и ходу не давал. Я научился обходиться без него, и корм зарабатывать сам по своей воле и благодаря милости Провидения и Судьбы. Мне это почти всегда удавалось, несмотря на козни всяких крученных патриотов.

Я белобрыс. Роста слегка выше среднего, не хром и не бос вопреки ожиданиям большинства из моего нынешнего окружения, которое столь же уважает мою семью, как и не любит. Телосложение имею худое, лицо приятное, по крайней мере, я сам так думаю. Очки я по праву тайного вождя народа ношу только дома, дабы скрыть природную близорукость и благоприобретённый в трудах астигматизм. Вот, пожалуй, и всё, что следует знать читателю. А то я часто замечал, как начнёшь много о себе рассказывать и душу свою абы кому раскрывать, как матрос Железняк, так люди быстро теряют к тебе уважение и начинают считать дураком – они уважают только страшное и загадочное, а честное и простое – не уважают.

Итак, в былые времена я не терял надежды слиться в едином порыве с моим странноватым народом. Тогда я считал «Своим» народом всё население – и братьев по разуму и инородцев. Счастливые времена юного неведенья! Мы были так воспитаны, что, стыдно сказать, свои и чужаки были для нас ровня! Стыдно сказать!

Сделать это было крайне непросто, практически невозможно. Отчасти из-за секретности общей жизни, не имевшей серьёзных оснований, отчасти из-за полной безалаберности древних архиллов, львиная доля которых прогорела ещё задолго до мига моего рождения, а также детства, юности и отрочества.

Но я дерзал, и поиски не прекращал ни на йоту. Пока империя не развалилась, и я не потерял окончательные координаты в поисках истины.

Я теперь с сожалением многое вспоминаю, и всё по-другому оцениваю, да уж поздно по снятым волосам плакать, всё равно уже ничего не изменить. Ничего не вернуть. Ни людей, которых я уважал, ни духа времени, ничего. Тогда и мать моя жива была, и отец, и кругом много всего нормального было. Это теперь я езжу за едой в другой район, потому что в моём районе теперь нет ни одного продуктового магазина, а есть заведения, в которые я не зайду ни разу в жизни. Хотя на любителя стало до одури много церквей, и когда в воскресенье я дремлю, меня пробуждает колокольный звон. Вероятно, эта новая жизнь не для нас построена, не для людей, и люди здесь жить не должны, а будут жить счастливые пришельцы с Марса или с Венеры!

А тогда всё было рядом, и в парке клумбы с цветами были, а не будки с вином. Я не ценил этого всего, мне казалось само собой разумеющейся наша скромная жизнь. А оказалось, что это и было чудо, которого нет, и никогда не будет. А архивов кругом теперь полно! Вся наша жизнь теперь в архиве! Вон они, кстати, на помойке вблизи городской библиотеки лежат, архивы. Может, почитаем?

И вот чего я разузнал.

Не взывайте.

Глава 23

В которой Алесь Хидляр и Автор дуплетом рассказывают нечто очень полезное любознательному читателю.

За века мутного существования в городе до последних времён не было канализации, но всегда обреталось по несколько дюжин спелых, как вишни, градоведов-историков. Это надо учитывать! Специалист по каменному веку и неандертальскому расселению Фрол Матвеевич Сыпняков. Знаток улиц и архитектуры степняков Глеб Петрович Татиков. Беллетрист, знаток древней экономической деятельности Огюст Ванбол Виндерман. И творивший за тридцать земель слепой картограф Джон Болл Вински.

«Вы, Фрол Матвеевич, честный и талантливый кинорежиссёр, но если вы будете снимать фильм об английской королеве, солгите! Хоть раз солгите! Сделайте её красивой!» – тайно советовал одному из корифеев мэр града Мал Пихтоньев.

Они оставили бесценные сведения не только о топографии изучаемых мест, наличествующей флоре и фауне, но и о быте здешних жителей – «податных гнилоуржан», как их назвал знаменитый местный писатель, наш местный Брет Гарт – Сандро Черняк. Это гордось Нежнотраховщины – величественный Эполлет Маракуйский, прозванный Красным Зиждителем, гунявый басноплёт Пётр Микикикин-Зоро и некто фамилией Маленько-Педов, бывший Кацман, имя которого осталось неведомо летописцам. Они-то и восстановили в наиболее полной мере сведения о древнейшем состоянии города, включая его названия на протяжении многих веков существования.

В последние, тревожные годы в местном университете в рамках областной почвоведческой программы «Болоты Нашей Родины» заседали так называемые «Исторические Плеяды» – сплочённая группа анарейских исследователей-новоторов. Они занялись раскопками жарких исторических пластов, касаемых поддатых гнилоуржан, в основном из прежде запрещённых архивов. Им мы обязаны знанием многих изумительных исторических сведений о характере жизни в Древней Фиглелэнда. Дело дошло до того, что мэр Сиськин давал остробюджетные деньги на книжонки «Плеяд», а потом прочитывал написанное. Ему тоже хотелось остаться в основной истории не Никитой Сиськиным, но Человеком С Большой Буки.

Если бы вы знали, как «Плеяды» бросились подносить справки из архивов для знаменитого музыканта Поперовича, когда он стал наезжать на родину предков в целях общей радости жизни и строгой музыкальной инспекции. Где-то откопали дарственную на дом в Скорняжном переулке, где распоряжался его дед Микита, потом отыскались и другие родственники-музруки, потом там сделали мемориальную доску, мол, вот тут и родилась музыкальная знаменитость, такой-то и такой-то. А потом книжонки стали писать про их здешнюю жизнь. Боюсь, будут, несмотря на возраст старца, предложения отсосать! Не поступали ли? Любят мои земляки небожителей! Не хватает им звёздной пыли на родимых полях Нежнотраховщины! Поперович от этих льстецов прямо сиял и цвёл, алая роза, так ему нравилось происходящее. Ему концерт в училище устроили, а он видел в кресле и не знал, что под левой ножкой стула лежит найденная с незапамятных времён копейка. Это даже по телевизору было видно. А эти историки сидели такие серьёзные, солидные, степенные, не подойди, моя черешня! Ох! Цвет нации! В общем-то, как оказалось, до сию пору есть у нас здесь трое настоящих, испытанных историков – Есуся Мамлунский, Ёся Кодловский и Изя Прицерковленский. Три богатыря. А где же сестрица Алёнушка? Из лужицы попивает? Они-то, все устроенные в здешнем университете, похожем на филиал ближневосточной синагоги,

конкурируя под ковром и нанося друг другу под столом изящные интеллектуальные удары несгораемыми перьями и весомыми пресс-папьями, на сегодняшний день и определяют путь мутной Нежнотраховской истории и прогресса. Без них история бы точно закисло. Неопределённость тренда их не останавливает. Конечно, престарелый Поперович со своей виолончелью для них был просто находка!

Ими была также открыта миру Шоколадная улица, дом 16. О-о-оо! Мама миа! Опять мемориальная доска с чёрным сабельным носом! Вау! Наша слава! Наши герои и здесь! Оказывается... Тут в тридцатые годы без году неделю жил великий поэт Поцек Акулович Маркинстоль (большой любитель и вольный интерпретатор Данте), которого сослали в Нежнотрахов за грубость по отношению к тогдашнему железному диктатору, невнятность убеждений, мутность поведения и общую превратность рифм. Тут он был арестован, препровождён в Соловки и вскорости отдал там концы при крайней загадочности тюремных обстоятельств. Он был первый, на ком «Плеяда» оттачивала свою методику и мастерство исследователей. «Плеяды» всячески поддерживали в обывателях память о многочисленных анарейских гениях, когда-либо наследивших в Нежнотрахове за время его прозябания.

О анарейские гении! Сколь много вас вокруг нас! Как чудесно вы разбавляете своим присутствием скудную провинциальную почву, как ловко интерпретируете факты любимой истории! Я в восхищении, господа! Я в восхищении! Браво!

За счёт налогоплательщиков и бюджета тучами издавались сырые окололитературные книжонки, в коих обретались славные персонажи с выпученными глазёнками – то в виде паперных рецензентов, то в виде сугубых писателей длинных, сурьёзных предисловий, то как заезжие текстовики, а то и вовсе без всяких видимых причин. Потом в два нужных года, пометя мётлами архивы, собрали долгожданную «Энциклопедию Гениев и Планов Нежнотрахова». Спонсором труда выступили местные власти, по крохам набравшие необходимую на типографию и гонорары сумму. Том получился солидный, пудовый по весу, с застёжками и чудным рисованным шмуцтитлом. Больше всего был удивителен аппарат фолианта. Там были почти все персонажи – анареи, и их было так много, так много, что даже слезу пробивало от концентрации у нежного, не приспособленного к неожиданным презентам читателя. Можно было бы не перечислять, но уж уважу читателя: Авдотьян Испанский, Сом Бредленко, Шара Волькрафт, мама, Гаруся Фыркин, Додо Френкель, Ежи Мац-Августейший, Репс Житнинский-Аперус, просто Кранцельбром, Никита Ламо, Хавер Маркиш-Жрецов, Рэм Надсоевич, Святополк Руглик, Мельник, Кулчинский, Арт Дохлецкий, Курт Ставицкий, Ион Тухлис-Мамо, Андрю Уфо-Манаев, а в заключении Савва Якперсон (по кличке Одесса-Мама) – мы впервые с изумлением глазами первооткрывателя Америго Веспуччи обозревали для себя новый, неведомый, прекрасный континент Гондвана, радуясь и искренне волхвуя за наших друзей. Вместе с составителями мы смотрели с высокого холма знания на долину, раскинувшуюся пред нами в ясных солнечных лучах! Заметки налезали тематически одна на другую, завязывались тугим пуповинным узлом с тайными намерениями господ составителей, вертелись под лупой, отблёскивали гранями, переливались соцветьями. Герои книги оживали ожтвали на наших глазах и уходили в мировой туман непонятыми. При этом в них всегда подчёркивалась плачевная гонимость сумрачного, величественного и не всегда, как оказалось, оцененного контингента. О какие испытания выпали на долю анареев в горнем Нежнотрахове, да и по всей Фиглелэнда, какие испытания, просто уму непостижимо! Ужасные, неопишемые испытания! О, как много они сделали для нашего народа, в годы мира и особенно в трудные революционные и постреволюционные годы! А в годы войны как постарались для победы в тылу и агитбригадах, избороздивших восток и запад вдоль и поперёк. А в трофейных бригадах разве не принесли они настоящей пользы родине, разве не принесли? Впрочем... Внутренняя рационалистическая направленность статей Авторов никогда не смущала, а учитывая удивительно покорный и непредска-

зуюмо добродушный характер вверенного судьбе остального населения, научила их совершенно ничего не бояться. Они сразу поняли, что наше население просто мычит-нетелится и ничего не соображает, сидя за телевизором и глуша водку в количествах, соизмеримых с собственным весом.

Вообще, интересно, даже обладая деньгами, смог ли я, находясь, к примеру, в Обетованной, установить мемориальную доску генералу Корнилову или Колчаку? Хе! А мог бы я сам увековечить, без возможности сложить голову, бессмертное, оболганное имя генерала Власова? Интересно? Нет, не мог бы! А тут всё можно! Ну, буквально всё! Все пути открыты для кучерявой молодёжи! Заходи и располагайся, кто как хочет, никаких препятствий нет! И Фыркина безнаказанно воспеть можно!

Неподалёку прилепилась ещё одна доска, воспевающая анарейского героя-мученика, мужественного Рувима ибн Оглы Товима Обложского, в годы последней войны бросившегося на фашиста и укусившего его в ганзейскую пятку. Вероятно, речь шла о тех трагических для военной машины Великой Гурмании временах, когда фанатичные солдаты вермахта воевали уже без обуви и оружия. И не ели месяцами. А то дали бы они анарею себя за пятку лизать! Ха! Ждите!

Вот какие герои, оказывается, жили иногда на наших улицах! Самое смешное заключается в том, что вместо того, чтобы помочь Вермахту, мои, к примеру, родственники сражались с ним и даже подумать в порыве безоглядного патриотизма не могли, а правильно ли они делают, выгодно ли это будет всем нам потом?! Это же не наша победа была, а этого государства! Наша победа должна быть в нашем кармане! А если в кармане у нас после такой победы ничего нет и никогда не будет, кроме красноармейских дырок и подарочных юбилейных кукишей, то наша ли это победа? Я понятно излагаю? Улавливаете, господа? Мы, славяне вообще часто ни о чём не думаем вовремя, и в результате оказываемся внутренне слабы в том, в чём нужно честно и прямо, а главное вовремя сделать выбор. Правильный выбор, а не тот, который нам приказали сделать, какие-то хрены с бугра! А потом бледный вид имеем! Йа-йа!

Вообще же мемориальные доски – подлинная беда моего вечного города. Это ведь совсем недавно началось, приблизительно в то же время, как молодежьёны стади кокать бутылки с шампанским о парапет Каменного мостика, доведя его до совершенно ужасного состояния в считанные недели. Рядом с мостиком всегда после их свадеб оставалась огромная куча битых бутылок и всякого мусора. Кто им это подсказал? Они десять лет в школе не могли запомнить, как Пушкина зовут, называли его всё Иваном Петровичем, а тут смекнули сразу, как приобщиться к мировой культурке. Кстати, Пушкина зовут Александром Сергеевичем, я проверил! Не очень звонкое, тоже, имя, да на первый раз сойдёт! У нас ещё не все гении кончились, будут и похлеще! Наверно, Пушкин тоже любил колбасить бутылки о парапет. У него всегда в глазах чертенята резвились! Затейник был, кстати! А теперь уже бутылочная традиция набрала обороты, и никто не смеет не кокать бутылки о парапет. Присягнул – кокни бутлю! Кто не кокнул – тот сразу развёлся! А ещё они закрывали на решётках амбарные замки и бросали ключи в реку, как символ нерушимости их брака. Тогда же подзаснувшие ветераны, лишившиеся своей страны и её развесистой кроны, стали увековечивать себя сами – крепить мемориальные доски со своими именами на свои дома. Ввиду утраты законов и здравого смысла, повлёкшие утрату уважения к себе и другим, оказалось, что кто угодно может повесить мемориальную дощечку кому угодно. Кто даёт разрешения на эти доски – бог знает! Думаю, долларов сто это удовольствие стоит, не больше. Плати сто долларов – и вешай мраморное объявление, какой ты замечательный и героический, никому дела нет. Вывешивание мемориальных дощечек приняло сейчас повсеместно характер. Это эпидемия! Детки делали досочки недавно почившим генералам от инфантерии, полковникам медицинской службы, сержантам-сверхсрочникам, вьнуки увековечивали матерей-геро-

инь и тётушек-поэтесс. Я удивился, оказалось, что в стране столько генералов, сколько солдат в строю, верно, никогда не было! Миллион одних генералов – и побед с гулькин нос! В Нежнотрахове дощечное поветрие продолжается до сих пор, удивляя иногородних путников своим размахом. Генералы-бедняки вешают доски из фанеры, побогаче – из песчаника, а уж важные космические генералы – из привозного каррарского мрамора, с портретом в полоборота. Самая смешная доска висит на особняке графов Силиных: «Генерал Электрон Алябьев. 1912—1983». Думаю, что только жестокий диктатор может остановить это безобразие. Ну, в самом деле, не всякий мой земляк хочет видеть Рувима Товима у себя под носом, да ещё взирающего с чёрной глянцевої доски. Не нужны нам и дощечки генералов, полковников и прочих. Вынесите их отсюда на кладбще, пжлста!

Да-с, господа! Когда я рассматриваю в свой сверхмощный мелкоскоп «Хабал», вслед за историками «Плеяд», мириады временных хозяев моей страны, когда-либо правивших здесь (и уже поэтому в значительной степени давших абрис местной истории), будь то жрецы, рыцари, цари, секретари или президенты, я вижу в их лице лишь неумелых, недоученных естествоиспытателей, в известном смысле, неких провинциальных гумбольтов, настолько удивлённых в итоге делами своих рук, что недалеко до потери дара речи. Удивлённых, но при этом никогда не забывающих о своём профите. Эти политические дарвины очень наследили здесь, очень. Их теории и практика полностью соответствовали их муравьиному мировоззрению, если это так можно назвать. Жанр, в котором осуществлялась их многотрудная деятельность, может быть с полным основанием назван «Великим Народным Кидаловом». Их отношение к справедливости и правде, хотя и было смехотворно свирепым, однако вызывает уважение, сколь упорно и сколь долго они сражались с добродетелью и здравым смыслом немногих избранных. Микроскоп позволяет увидеть не только их усики и множественные сочленения, но даже ордена на грудках и бриллианты, зашитые в дочерние корсеты. Пред нами результат их вековой подвижнической деятельности в развитии – город Нежнотрахов в излучине реки Вознянки.

Сейчас мы находимся здесь, в древнем городе Нежнотрахове, на Большой Дворянской улице, куда ещё не раз забредём с разными okazиями. Больше нам идти некуда. Это тот самый город, о котором бытует столько различных легенд. Славная монахиня Иза Взбалмошная в течениетридцати лет собирала легенды и предания по окрестностям Нежнотрахова, пока не сбила собранные тексты в огромный том-полуфолио «Серебряная подкова». Она донесла до нас многое, не расплескав.

Пришлые кидалы моего бедного народа! Сколько вас вокруг!

Как ни странно, но Автору пришлось самому деятельно поучаствовать в исторических разысканиях на тему названий. В пору написания мной диплома на тему: «Бархатный Бугор, как древнейшее поселение Нежнотраховщины эпохи Неолитического Заселения Нежнотрахова» в архивных бумагах, посвящённых кармическим недоимкам крестьян-ратобоев, славившимся своей жуликоватостью и низким ростом, мне на глаза попался обгрызанный мышами и засиженный клопами документ, из коего следовало, что в начале девятого века место, ставшее впоследствии Нежнотраховым, называлось Град Охмуражск. Через некоторое время, как полагают, с первой четверти десятого века мы уже наталкиваемся на другое название – Велиград Охмуражский. Но и оно не бытует долго.

В истории Охмуражска было ещё четыре переименования, связанные как с прискорбными событиями страшного Вялозельцерского бунта, возглавленного беглым рабом Тишкой Обношенным и подавленного только при помощи польских интервентов, так и с кошмарной эпидемией сибирской язвы, перекосившей в 13 веке всё мало-мальски соображавшее население, всвязи с чем было полностью утрачены как население, так и бывшее название. После народного падежа, однако, по настоянию митрополита Ефногия Плоского город стали называть Зверовидовым. В годы татарского нашествия город вроде бы назывался просто

Степной Крепостью. Тогда-то и были сделаны первые робкие попытки фортификационного обустройства территории города, выразившиеся в возведении пожарной каланчи. Город был четырежды сожжён как монголами, никогда не видевшими доставленных из города и жёстко требуемых недоимок, так и самим населением, склонным к извечному алкоголизму и ночным факельным шествиям. Огонь и вино, как мы знаем, трудносовместимы. В тёмные годы безвременья они были просто убийственны для древнего города. Он то горел, то был затоплен, то разграблен до положения риз борзыми казаческими отрядами атамана Елдакова. Впрочем, эти сведения ввиду трудности проверки их на истинность ещё долго будут пребывать в статусе гипотез.

Название Степная Крепость продержалось около ста лет, пока очередной губернатор, чуткий к женской красоте и радостному плотскому соитию, не назвал скопление поселений Сестроецком. Вероятно, было какое-то не дошедшее до нас событие, которое позволило назвать город именно так. Мы не знаем этого. От Сестроецка до Нежнотрахова, как говорится, один шаг, и шаг этот совершил губернатор Иван Матвеев, который таким переименованием как убирал сомнительные стороны былого названия, так и осуществлял острую историческую преемственность.

В шестнадцатом веке в Беканой чащобе жил славный богутур Кривол Нантский – поедатель младенцев и мучитель вульв. Грозный, как Терминатор, соскакивал он с огромных дубов, пролетал невиданные расстояния, приткий как каучуковый мяч, быстрый как сперматозоид, обрушивался на шатры, и под шумок общей свары похищал из сераля прекрасных сабинянских дев, нёс по воздушным грядам, и в заключение волок их в свой лесной шалаш, охранявшийся чёрными эбонитовыми совами, первыми на бору охотницами, а потом согласно легенде овладевал ими в необычной и пикантной форме.

(Алесьи Автор так спешили записать свои напиравшие друг на друга мысли, что допустили здесь смысловую ошибку, в результате которой читателю может быть непонятно, кем же в натуре овладевал в шатре богатур Кривол – совами или девами?)

Сохранилась также древняя охотничья притча о говорящем слепом мамонте, который ходил по большим дорогам с шарманкой и пел грустные народные песни про судьбину-злодейку.

Знаете... В средние века тут был такой разрыв в уровне жизни между богатеями и бедняками, что становится смешно, как узнаешь! Хе-хе! Солдат в условиях боя получал в год две копейки жалованья, иностранный полковник – две тысячи рублей в год. Подъёмных шоль? Ха-ха! В сто тысяч раз больше, чем солдафон! И ни у кого это не вызывало никаких эмоций. Вернее, конечно, зависть это вызывало, но эмоций – нини! Всё по заслугам! Ха-ха-ха! Здесь просто заповедник социальной справедливости! Arumagus Falus!

Но не будем отвлекаться на мелочи!

Здесь же в реке Воснянке браконьеры выловили китайской сетью огромного человека-рыбу, зелёного Ихтиандра! Забыли уже!.. Шуму тут было тогда! Вау! В нашем водоёме можно всякого говна навалом выловить! Я ничуть не удивлюсь, если там на дне сокрыты небенные залежи нефти или урана! Монахиня Иза и тут поспела вперди паровозного дымка, подтвердив сведения о непредсказуемой женской природе. Это было что-то! Все газеты протрубили во всю ивановскую: «Сенсация! Научный Триумф Исследователей!! Гипотеза профессора Бэзила Косточкина полномасштабно подтверждена! В реке выловлен живой Олиоптер Магус! Вестник из Плиоцена! Гигантские ящеры-людоеды не вымерли во Второй Ледниковый Период вместе с панцирными вьюрками! Они с нами! Среди нас! В нас!»

Ха! Нет, вы слышали эту историю? Странно! Все на ушах стояли, когда это случилось! Наша Вознянка, хоть и маленькая речка, и почти заросла совсем камышом, в минуту стала знаменитой на весь мир. Говорили, этот человеко-ящур заплыл через многие реки из южных морей! Нам, жителям города всё равно приятно было, что о нас по телевизору сказали в бла-

гожелательном тоне. Сколько ж ему пробираться пришлось? И как? Там в реках одни коряги, потопленные баржи, целые деревья во весь рост! Морёные дубы под водой безлистными кронами шумят! В иных местах колючая проволока и камыши! Рыбаки и старатели с серпами! Народные хоры! Хищные женщины и жестокие дети! Почему он шёл задом наперёд? Почему не остался в цивилизованной Европе? Заблудился, наверно, бедолага мореход! Синдбад! Что ему делать было в нашей Фиглелэнда? Лапти шить? Щи хлебать лаптем? Шить щи хлебом? Как его поймали, из Англии сразу приехали разные специалисты с лупами его рассматривать. Из того же института, который сто лет назад Левшу изучал. Целую конференция устроили, когда решали, куда определить такую диковинку! К какому виду отнести чудюдо гнилоурское? Думали, рыба ли это, или млекопитающее. Они были все восхищены, так он их ошарашил своим видом. Сначала его связали, и им долго КГБ занималось, пока не поняли, что ихтиандр в самом деле говорить по-человечьи не мастак! На детекторе лжи он только верещал и сопли пускал. А потом стал плакать. Тут они и их ордена обломились по-чёрному! Просто ни бум-бум! Думали, что долгожданного шпиона поймали! Генералы уже на лацканах дырки просверлили, чуя себе надёжную поживу, а маршалу славу. А пойманный водяной чуть коньки не отдал и не задохнулся в затхлом воздухе ихней конторы. Потом таки додумались этого интиандра сначала в тазик выпустить, потом в ванну, а потом уже, когда до властей дошло, с кем они имеют дело – в бассейн. Там он чуток отошёл, отдышался, стал есть клёчки из ламинарий, и скоро все заметили, что морской чудик с интересом поглядывает из воды на девок. Выглянет – и занырнёт. Занырнёт и сидит на дне, закрыв глаза, как буд размышляя. А потом выглядывает. Выглянет – и обратно на дно. Потом он из камней сделал пещеру и камин. Ни хрена он по-нашему не говорил, свистел только, цокал языком зелёным, как дрозд, кожа тоже зелёная, в пупырях каких-то мерзких, на ногах грубые когтистые ласты с коричневыми перепонками и когтями. Пиписка маленькая, но мясистая. Лицо удлинённое, зеленоватое. Глаза выпученные, красные, круглые, как линзы, взгляд осмысленный и вроде бы даже дерзкий. Сначала он чурался сала и другой человеческой еды, но потом стал и это есть за милую душу. В компоте ковырялся пальцем и распаренные сливы выбрасывал на пол. Может, и шпион на самом деле! Или наш земляк так перепился, и деградировал, что в белую горячку впал и чешуёй покрылся в реке? Такие случаи здесь тоже не единичны! Бывает!

А на следующий год случилась вообще беда! В Антарктиде было зимой так холодно, так дико, так страшно, что стада летающих королевских пингвинов покинули давно обжитые территории, на быстрых крыльях преодолели бескрайние пространства Маитти, и таким образом скоро появились над ничего не подозревавшим Нежнотраховым в разрезе чёрных грозовых гряд. Все ждали бурю, а дождались пингвинов!

Пингвины! Пингвины! Пингвины!

Вы помните ль радость мою!

Пингвины появились с тем, чтобы обрушиться миллионами тушек на кошерную метеорологическую станцию и ГУМ, нашу товарную Мекку. Неделью не было никакого движения в городе из-за них, всё было покрыто толстым слоем драгоценного панцирного гуано, ниспосланного с небес, а человеческую речь заменял милый птичий клёкот. Город впервые стал бел, как Иеруссалим. Белее Иеруссалима! Над городом носился бездомный цепеллин, отслеживая диспозицию. На Большой Дворянской на крепких ногах долго стояла только одна большая печальная курица, не зная куда податься. А потом подожжённые со всех сторон запылали Бадаевские склады. Все опупели и впали в ступор! Наверно, это преодетая курица, засланная ЦРУ подожгла склады.

Пингвинов сгубила медлительность и высокие вкусовые свойства их чресел, раскушанные впервые бомжем Микишей Чаловым, жившим брахотными дарениями горожан у Петропавловского коллектора и в нём.

Первыми жертвой бездомных чревоугодников, правда, пали не королевские пингвины, а домашние голуби, за ними последовали вкусные корейские собаки. Потом опустели от кабанов заповедники и заказники. Перелётные пингвины продержались дольше всех.

В дальнейшем пингвины были все переловлены и съедены бомжами, пухлыми жрецами и членами партии «Единая Фиглелэнд», которым был не чужд известный гедонизм. Один морж остался. Он сейчас президент страховой компании «Адверп». Всё понятно? Ну, я пошёл! Господа! Где мой клёвый кепель?

Глава 24

Попавшая в регистр благодаря безалаберности Автора.

Когда любишь своего героя просто так, а не за что-то, добрые люди про тебя могут сказать, что ты уже стар и сентиментален. Примирение с миром и принятие его таким, каков он есть, свидетельствует о старости, печали и смирении. В новых водах, с тяжёлым чемоданом воспоминаний трудно плыть против течения! Почти невозможно! Но это пока не о нас! Мы плывём!

Стихотворение написано в мартовские календулы и претенциозно названо мной «Печаль». Слушайте! Зачитываю!

Печаль.
Лесная тропа уводит нас вдаль,
Под полог мрачного леса.
Как много, как много пройдено!
Ванесса, моя Ванесса!
О, если бы знали твои небеса,
Как велика в моём сердце печаль,
И как люблю я тебя,
Моя милая родина!

Как вам моё новое стихотворение? Ничего? У меня есть и лучше! Саша Пушкин может просто отдыхать! В духе шестидесятников, мать их! Называется «Бессонница». Могу почитать! Как не надо? Надо! Надо, Федя, надо!

«Бессонница».
Страшная бессонница
У меня была.
Налетела конница,
Голову снесла.
Голова повесила
Брови на колу,
А живёте если вы,
То и я живу...

Или такое, называется «Кино»... А? Простите, тут я хозяин, читаю:

Как детская попка – большое лицо
С блаженной и доброй улыбкой...
Джек Николсон робко стащил палец
И замер над детскою зыбкой.
Снимается фильм об арабском ткаче
И пражской княгине Ядвиге. Ваще!

Ещё? Как не надо!? Да! Тогда я историю вам расскажу!
Это всё шутки-прибаутки!

Глава 25

Без названия

Мне бы не надо рассказывать о той тяжёлой поре моей жизни, надо бы молчать в трубочку, как многие умники у нас делают, да я думаю, нет, не буду молчать, не дождётесь! Я расскажу всю правду! Пусть меня за неё сварят в котле, как Жанну дэ Арк или Робин Гуда, лучше повесят, как Кейтеля, (мировой вояка был, я вам скажу) чем Великая Правда в подвале моей памяти сгниёт и уйдёт в небытие! Мой приятель мне часто говорил, мол, всё кончается на свете, всё уходит... Я слушал эти разговоры хоть и без всякого энтузиазма, но с вниманием. Ну просто Пигмалион какой-то был, тьфу, этот, как его, Эрехтейон..., нет, Парфенон... В общем... а, вспомнил, этот, Экклезиастр, точно, Экклезиастр! Мировой был парень! Две тысячи лет его до дырок зачитывали схоласты и столпники по всему миру! Киники сраные! Хорошо, что вы мне напомнили, как его звать, а то ведь есть такое непроизносимые фамилии, которые запомнить совершенно невозможно! Мкртчан к примеру! У великого человека должна быть красивая фамилия и имя, например Данте Алигьери, или Роберт Бернс, или Вильям Шекспир или Филиппо Брунеллески. А чем плох Диего Веласкес? Рембрандт ван Рейн? Мигель Сервантес? Фред Гомер? Если у них есть звонкая фамилия, тогда их всех помнят веками, хотя не знаю, есть ли какой толк в такой памяти. Всё равно никто ничего в них не понимал и тогда, когда они ещё жили, и после смерти не понимал, а уж теперь точно ничего никогда не поймёт. Так уж жизнь устроена, что другого человека понять почти невозможно. Это как бы другая планета, со своей жизнью. А они были крепко-накрепко связаны со средой, временем, поколением, как описать мотивы их жизни? Их надежды, мечты? Что мы знаем о Древнем Риме, кроме баек и недостоверных заказных историй, которые римские писаки переписывали по дюжине на дню? Ничего! Так вот, я об Экклезиастре! Он всё о бренности сущего зудел, мол, и всё он испытал, и там был, и здесь, и всех-то он женщин переимел, и то было, и это уже было, ничего в этом нового! Он какими-то афёрами разбогател, как Крез, и радовался этому до чёртиков, а потом оказалось, что и тут он не в первых рядах, кругом одни Морганы и Рокфеллеры, он на фоне их – чмо болотное! Какой позор, оказывается, есть ещё хрены богаче его в мильон раз! Итак, всё пройдя, и огонь и воду, и золотые трубы с медными заклёпками, наконец, до него, как до жирафа, дошло, что не у одного его это было, а и удругих людей точно такое же! И хоть у всех всё когда-то было, все они всё равно умерли, и их давно нет! А их достояние поделили какие-то проходимцы. Дети, тёщи, девери, снохи. Не-ту-ти! Открытие поколебало все устои! Ну, он и огорчился страшно. На уши всех в юрте поднял, беситься стал, неделями ничего ни ел, ни пил из-за этого, и всех заколебал своими придирками.

– Где же правда? – говорит, – Где же правда? Я ношу этот свитер уже двадцать пять лет! Он из Гурмании! Видите узор? Видите?

– Да, свитер изумителен! Узор его хорош! Но вам он не идёт! – сказала свита.

– Как не идёт! Как не идёт! Он должен идти! Он из Гурмании! Это моя мечта! Свитер из Гурмании!

– Не идёт, и всё! Вон та майка из Кологривова идёт! Неплохо на тебе эта майка смотрится, а свитер – нет! Что-то не смотрится!

– Удите от меня все! Вы не милы мне и нелюбезны! И это было! Нет ни в ком уважения!

Все от его правдолюбия тоже колбаситься перестали и только молились своему неведомому богу. Да, уважения, решпекта ему захотелось от граждан собутыльников, так он из-за этого целыми днями оголтело бегал за всеми и афоризмы да умные мыслишки им диктовал. Вау! Короче этот тип хвастался напропалую своим интеллектом, а потом его ударил старческий маразм и климакс, голова пошла набекрень! А прислуга и его родственнички

слушали-слушали его высказывания, головой кивали, да мол, как хорошо, как мило, слушали-слушали, только само собой разумеется потом им всем это порядочно поднадоело. Да и кому такое занудство не надоеет? Одно и то же, одно и то же! Тут жить надо, колбасу покупать, а тебя старый дуралей целыми днями напрягает, колбасит да колбасит, такое трудно вынести, честное слово! Хотя не спорю, он, может быть, и в самом деле гений был. Такое тоже случается. Но что было – то было! Он, конечное дело, в пессимизм ударился и стал причитать, как баба, мол, всему ...ец, раз его мысли не в грош никто не ставит, и хорошо, если всё в своё время! Сегодня камни собираем в кучу, завтра разбрасываем! И вся недолга! Новость! В общем, я его почитал, как родного, и подумал, должно быть мутный был тип, этот Экклезиастр! Очень мутный, непростой и непрозрачный тип! Тут у нас в городе каждый второй такой философ. Однако, философия философией, но как есть возможность у соседа деньги или жену спереть, тут философия кончается и начинается элементарное воровство. И без его срани ясно, что от пресыщенности нет ничего хорошего! Всё полезно в меру! И трахаться – тоже в меру хорошо! Вон, я читал, великий художник Рафаэль Санти так это дело любил, и так на бабах оттягивался, что его в тридцать лет его настиг удар и скоропалительный конец в папской поликлинике. Вы думаете, его бабы спасали, когда он кони нарезал? Фигу! Кинули его на койке и исчезли с его денюжками! А Экклезиастр тоже непрост! Непрост, бродяга! Палец ему в рот не клади! Точно, мутный тип был! Не советую вам читать! И вообще, я думаю, любой нормальный человек вряд ли себе что-либо хорошее сделает, если будет не в меру Библию читать! Вредная это книжка! Особенно для детей это ближневосточное чтиво опасно! Некоторые утверждают, что это святая книга, и такая мудрая, и сякая, в общем, слов нет, какая отменная... Да уж, верю! Но я так не думаю! Я знаю всему цену в базарный день! Так себе книжонка! Это не Джо Фокер и его знаменитый «Пикирующий «Мессер»! Вот то книжка! Там асс Ганс Нейман полякам по самые помидоры на своём маленьком «Мессере» вставляет, а они от него по пампасам разбегаются с воплями... и как написано! Очень смешно написано! Песня! У него на его аппарате, знаете, сколько крестиков было за победы в небе? Ха! Тыща! Об этом, разумеется, Пиплия умалчивает! Кудо ей до Джо Фокера! Такие же книжки как Пиплия разные древние выдуватели мыльных пузырей выдумали с целью одурачить нормальных людей и отнять их собственность и деньги! Вот и всё! Ну, в самом деле, утверждать, что убивать не надо, а это вроде выдумали жрецы – всё равно, что сказать: «Раз я вижу Луну, то она принадлежит мне и никому другому! Я её изобретатель и собственник!» А это же чепуха! Чушь это! Скажи такое жрецам, они сразу надуются и станут с пеной у рта такого поносить, мол, кощунствуешь, отрок, нелепым и вредным идеям предаёшься! Ха! Как много кругом лжи, недомолвок и ханжества! А много их потому, что кругом много плохих людей! И так получается, что плохих людей, которые портят жизнь хорошим людям, к сожалению, не удаётся всех убить или изолировать на Марсе! В мире есть вечные, неизменяемые вещи! Честность. Совесть. Правда. Этого никто никогда не отменял, но их не жрецы выдумали, и те самые лучшие люди, какие когда-либо на земле жили и как правило к их чёртовой церкви никакого отношения не имели. Более того, в иные времена церковь вместе с их государством таких быстренько к праотцам отправляли под видом бунтовщиков и колдунов, да и под разными иными предлогами. Без них тут всё бы пропало! А их тут всегда гнобили и унижали по всякому! Вместе с правдой! Присвоить эти понятия очень хочется, но никому этого надолго не удалось! Даже жрецам, хоть они тысячи лет простых людей в трёх соснах водят и всякую чушь им в головы вбивают! Миру пять тысяч лет, видите ли! Ха! Трупы им удалось оживить! Хаха! Я думаю, что у этих библий Авторов не сохранилось просто потому, что они знали, какой позор – быть Авторами подобных книжонки, нормальные люди смеются над этим! И решили, что лучше инкогнито быть, не засвечиваться! Я бы вообще не читал бы никаких книжек таких зашитых Авторов, там одна лжа, лажа и демагогия! У меня дома есть Конфуций, Данте, Кал Макс, даже

«Майн Кампф» (Встать! Отдать честь!) есть, но Пиплия – это уж извините, полный отстой-с! Не держу-с! Не для меня такие книжонки! А вообще... Скажу! Да!.. Это не нация, а ртуть! В любую задницу затекут, и там всё отравят и испоганят! Всё! Конечное дело, их демагогия ужасно красивая, под лак, чудес там всяких полно, по воде ходят, мёртвых оживляют, армии бьют при помощи волшебной бороды или ещё какой фигни, ха, я не спорю, тут они великие мастера подать ...но в золотой бумажке, но отравы, намазанная мёдом, ещё вреднее, чем отравы без мёда! Это я твёрдо знаю! Как люди не хотят понять таких простых вещей? Честное слово!

Я живу на Большой Дворянской улице, в старинном доме, в коридорах которого сама собой сыплется штукатурка, а на чердаке сгнили все балки и под потолком преют портреты коммунистических вождей, которые туда невесть как попали. На портретах властвует паутина. Это не дом, а сущая развалина! Первые этажи в нём заняты лавками, и даже со двора. И лавки друг друга выживают и всячески конкурируют между собой. Вон с том круглом бастине была когда-то «Гигиена и Холя», так конкурент сделал совсем рядом контору «Презервативы Нарасхват». При таком раскладе «Гигиена» сразу, само собой разумеется, загнулась и сдохла. Теперь на её месте красуется золотая надпись «Корпорация «ЗААМО ЛУУЦ». Что означает вышеприведённая аббревиатура, я не знаю! Корпорация занимает две маленькие, я бы сказал, крохотные, отделанные прекрасной белой европластмассой, комнаты и состоит из двух человек – хозяина, толстого дядьки с картофельным носом и свинными глазёнками, и тонкого, Хлестаковствующего, которого дядькой никак не назовёшь. В одной комнатке они сидят вдвоём, а в другой осуществляется производственный цикл в виде уже хорошо известной кружки Эсмарха, ведра и многочисленных трубок, переплетённых как змеи под потолком. Впрочем, по бумагам корпорация завалила всё вокруг своими товарами и надорвалась на помощи приютам и больницам.

Говорят, в конторе иногда появляется секретарша Нюра, но её никто не видел.

Дэ-с! Этому славному дому в этом году исполнилось двести лет. Так вот, двести лет назад в этом самом доме великий поэт Алексей Концов сражался мясной бандерильей со своими гнилыми родственничками, и они его таки уходили. Сначала его подвергли лёгким женским придиркам. Мол, работаешь мало, денег не несёшь, а только в уголке стишки сочиняешь. Это было задолго до тех времён, когда в Америке девчонку поймали мормоны и оттрахали всем кагалом на ранчо. Концов, возмнивший себя пиитом от бога, тут загрустил, захандрил, стал чего-то кашлять, потом слёг и скоропостижно помер. А ведь, и вправду, был он талантливый человек, Шекспира втайне от земляков перечитывал по ночам со слезами на глазах. Когда он умирал, его все бросили в пыльной кладовке, а сами плясали, как угорелые, и пили по поводу праздника не то Воздвиженья, не то Сковородицы Майской. Он смотрел на них, кашлял, и только платок к губам подносил. А потом незаметно и умер. На похороны пришли трое незваных прозелитов с одинаковыми фамилиями, и один из них даже плакал невесть отчего! Тут бы возрадоваться, что человек страдать от своего окружения перестал, а он плакал, как телок. Тут такие ужасные истории на каждом шагу случаются! Ничего исключивного!

Большая Дворянская – самая длинная и самая, как считается, красивая улица города. Она тянется на целых три километра, постепенно сходя на нет и мельчая. Если в центре дома высокие, с большими окнами и медными крышами, с прекрасной лепниной и далеко выступающими резными балконами, то уже суть далее – плюгавые с маленькими окнами и без крыш. В конце идут какие-то хижины. Дворяне абы где жить не будут – только в центре. Хотя тут всегда были такие дворяне, я вам по секрету скажу, просто смех, а не дворяне, сброд всякий – их надо было «ворянами» назвать, а не дворянами. И по сую пору в жителях Нежнотрахова время от времени оживает эта вековая тяга к центру, к дворянской жизни, к импозантности и выдуманному народному уважению.

«Центр! Вот это да-а!» – мечтательно говорит человек средних лет в карделюровой шляпе, выходя из своей кооперативной квартиры в Синеусовке – дачном пригороде Нежнотрахова, и к нему тут же присоединяется целый хор подпевал из исконно бедной Гниловки, бурсацкой Талоквы, гулящей Дринковки и бандитского, не выходящего из колонии общего режима Шмаева.

«Дер ленц ист да», как говорят Тевтолийцы!

Тут недалеко от нас в бывшем городском парке, который невесть в какого... отдали жрецам, вот уже пять лет строят храм – огромное, нелепое, некрасивое сооружение из силикатного кпрпича. Началось это бедствие с того, что сквер, где я всё детство провёл и который я знал, как свои пять пальцев, заперли на пудовый замок. Знаете, в самом деле, замок был здоровенный, ржавый, с кривой дыркой для ключа. Три монаха поднимали его к месту установки. Таким города-герои запирались в годину осады, чтобы враг не открыл. Прекрасная ограда, расчерченная выпуклыми чугунными звёздами и серпами, была поправлена, а потом и уничтожена из самых лучших побуждений. Потом, ба, всю землю в сквере завалили силикатными кирпичами. Горы, одни горы кирпичей там были! Я никогда такой страшной картины не видел – лето, а вся земля в парке была белой от куч силикатных кирпичей! Вообще земли видно не было! Как зимой! Я бы такую зиму назвал ядерной! Вот так! В полунищем городе, где нет ни нормальных дорог, ни больниц, ни ночлежных домов, ни освещения, нет ни одного туалета, эти уроды отдали больше ста миллиона долларов на нелепую, ничтожную затею! На игрушку! Люди здесь живут на панели, замерзают зимой в картонных ящиках, ни одного приюта для нищих в городе не существует, а они на Харистовы штучки-дрючки тратят сто миллионов баков! На тебе, Марья-Заступница, большой куш! И все молчат в дудочку! Снова мы погрузились в глубину веков, туда, где царствуют животные законы и детерминизм. Новая философия – пусть всё катится так, как катиться! Ничего не надо планировать, ничего не надо исправлять! Бог подаст и покажет! Вот основатель этого бизнеса в раю радуется при виде таких успехов! Молодца! Ха! Уроды! Огромные игрушки из камня сотворили! Ах, Нежнотрахов, Нежнотрахов! Уроды! Какие же моральные уроды в тебе живут!

Ах, спасибо вам за это!
Деньги брали из бюджета,
Чтоб потратить и отмыть,
И невесть чего купить!

И никому дела до этого нет, никому! В парк нельзя зайти, закрыт на замок уже несколько лет.

Взор, обращённый вдруг к покинутому и пустому парку, зафиксировал теперь невнятное движение в разных его частях, и приглядевшись, можно было увидеть огромное число бомжей, старух и пьяных, которые ползали по земле, как будто ангелы на дне ада, перекачивались, вращались, буянили, горланили, фурили, фуняли, рыгали и безобразили, а также поминали всеу бога и мать, иногда сквернословили, не обращая внимания на посторонних за красноармейской оградой.

– Кто это? – спросил тогда магистр Гринвальдус, донельзя удивлённый увиденным.

Его рот стал при этом похож на классическую строчную букву «О», на время изъятую из гарнитуры «Баскервиль».

– Ничего экстраординарного! Это всё жертвы КСП – клуба студенческой песни! – ответил Гринвальдусу сомнительный тип в засаленной фетровой шляпе.

– Самодетальной, я полагаю!

– Всего лишь!

– Я многих узнаю, – мечтательно процедил всезнающий Бомбил, – все они в разные времена с несказанным энтузиазмом служили организаторами разных фестивалей самодеятельной песни. Знаете, все эти выезды на природу, на берега рек, озёр, на луга и сопки. Этакое отречение от скверны городов и тяготение к чистоте и наиву великой Матушки Природы! Но по правде говоря, после этих чистых фестивалей всегда оставалось столько грязи и мусора, что даже вспоминать об этом страшно! Вот они и ездили на луга плясать и веселиться, а те, кто тут ползают, они организовывали каждый год это светское мероприятие. Когда они обдумывали, как бы им сподручнее сварганить новый фестиваль самодеятельной песни, приходилось много пить, курить и трахаться, при полном забвении свежего воздуха и общеукрепляющей гимнастики. Короче говоря перед нами люди, которых самодеятельная песня до добра не довела! А там, где есть самодеятельная песня, там неминуемо присутствует и гитара, и природа, и, что само собой разумеется, смесь горячительных напитков в доступных количествах и разного качества. И все организаторы фестивалей КСП рано или поздно пали их жертвой, жертвой неминуемой и скорой. А теперь они здесь ползают, как персонажи поэмы Данте ползают по дну ада!

– Джеф! Дай свою пушку! Студенты просят избавить их от мучений!

– Всегда рад помочь ближнему!

Из туалете, вновь возрождённого средневековьем, мощно ударило квашеной капустой. О мой бог! Почему мне, гражданину страны нельзя зайти в городской парк, где прошло моё детство и юность? Почему, гниды, нельзя? А там был кинотеатр, кусты, деревья и всегда как-то весело было, демократично, мило наконец. Пиво мы мирно там пили, сидя на травке! А теперь ни кустов, ни лавок, один плац-парад, замостили живую землю кирпичами, могильники какие-то кругом, кресты, ... его знает чего, неизвестный святой с железными крыльями – ужас. И поверх всего уже и колокол погребальный гремит по утрам – Бам! Бам! Бам! Неужели же и правду Провидение покрывает это безобразие и ложь? Неужели же Природа за них? Неужели же нет ничего, что способно остановить эту прожорливую саранчу? Не может быть! Должно же быть воздаяние всем!?

Глава 26

В которой в военкомате комиссуется верный защитник родины и мамы, а мы входит впервые на Большую Дворянскую улицу.

Мой любезный читатель! Я сам не знаю, что заставит нас сейчас свернуть с кипучей Большой Дворянской улицы в узкий проулок, где высится большое, тяжёлое здание старого кирпича с надписью на фронтоне «Центральный Траховский Боевитый Военкомат».

Мой милый читатель! Может быть, ты знаешь, зачем мы здесь? Я не знаю!

В эту минуту, ах, в одном из помещений идёт важная комиссия по отбору рекрутов, и измождённые в своей массе скелеты ждут очереди в коридоре, травя малопонятные для нас, людей иного поколения, байки.

Врач Эльма Леопольдовна, довольно грузная женщина в годах, очках и на диво довольно свежем халате, говорит Коже и Костям, стоящим перед нею навтыжку следующие слова:

– Снимите трусики!

– Зачем? – спрашивает Кожа и Кости неожиданно грубым и властным голосом, который трудно в нём подозревать.

Но команду исполняет в точности.

– Надо! – говорит женщина-врач постфактум, – Надо!

Обозрев экспонат, врач ещё что-то записывает в бумагу, лежащую перед ней и надолго выходит за дверь.

Да, мой читатель, мы знаем – обороноспособность Фиглелэнда – в надёжных и верных руках!

Эльме Леопольдовне осталось принять ещё одного пациента, которого она явно жалеет и хочет ему добра.

– Мура! – говорит она ему, – Возьми дома гантели! Привяжи гантели внутри штанов и походи так недельку! Понял? У тебя будет плоскостопие третьей степени! В армию не пойдёшь точно! Ты понял? Иди!

– Правда? Не возьмут? – поднимает брови Кожа, а Кости уже рвутся к выходу исполнять задуманное, тренировать плоскостопие.

Ох, как сильна, как высока женская доброта, когда она проливается на всех! Как удивительна женщина в своей извечной ипостаси матери-родины, вечно зовущей нас к подвигу, свершению, вечно призывающей всё-таки записаться комсомольцем!

Облетев это скучное здание, полное странных не улыбающихся типов в странных же нарядах, невидимые для смертных, мы выскакиваем из печной трубы, хотя и с ног до головы испачканные золой, но довольные, как слоны, тем что чуть-чуть не угодили в солдаты. Да минует нас чашка сия!

На крыльях валькирий мы летим всё выше над вечным городом Нежнотраховым, родной гробов, грибным местом, летим с гордо поднятыми головами и жадно раскрытыми клювами.

Здравствуй, родная Большая Дворянская улица – центр уездного мироздания, светлая днём и причудливо освещённая ночью тремя августинными фонарями, доживающими свой век.

Глава 27

Краткая и совершенно излишняя, создающая специальную дымовую завесу для читателей.

«Я – Ара Кандапожский! Я торговал на рынке в Кандапоге сапогами и блинами, вернувшись в свой синклит с большой дороги... Нрава аборигентского не знал, и, провинившись, стал я делать ноги. Так вихрь погромов вынул из берлоги и бедного торговца прочь прогнал. На маленьком и добром старом пони, за коим гнался резвый аксакал, да, я ушёл от мерзостной погони! Я убежал, унёсся, ускакал. От этих злых и мстительных козлов! За мною козлы гнались на перегоне, под общим направленьем на Ростов! Сжимал я ягодыцы в тихомestone! Теперь я здесь на рынке Двух Дроздов! Торгую лесом, и пенькой, и салом! Выглядываю робко из кустов! Как бабушка мне надвое сказала, как указала мудрая Валгалла, как ловкий проходимец и кидала, я к дружбе меж народами готов! Но где же план савейского Маршалла?»

Глава 28

С поспешным и запоздалым вмешательством Автора, который безуспешно пытается вырулить своё повествование, а мы предаёмся наркотическим видениям с участием Великого Гаргантюа, Шуры Андрейко, товарища Дрыкина и господина Япошкина.

Ему представилась божественная картина: заброшенные доки Портсмунда, верфь с заржавленными эрликонами. Да, не забыть бы, так это важно! На Томогошевской улице в то время жил ещё один уникальный тип именем Поликлет. Он был беден, как церковная мышь, пока не выявил свой основной талант. Он имел магнитную голову, и хотя голова его была ну совершенно нормального размера, львиную часть своего времени он уделял отдиранию железных предметов, приставших к ней – ложек, иголок, ножниц. В момент, когда первый паровоз торжественно обновлял свежие железнодорожные пути, невидимая сила бросила Поликлета на паровоз. Он прилип к железному мастодонту столь крепко, что оторвать от паровоза его смогли только вместе с закопчённой трубой. Улица, на которой это случилось, до сих пор носит название улица Политрубная.

Тут следует вопреки канонам и приличиям следует вмешаться Автору, чтобы поправить течение нашего издёрганного малопонятного пока повествования, ибо оно началось как-то неудачно. Кривовато. И город нам попался абы какой, и главный герой очень странный, летающий на крыльях в совсем неподходящих местах, и времена, что спорить, крайне непростые и нелюбезные. Трудные времена! Но здесь все времена одинаковые! Кидальные! Авральные! Пока наш герой упористо обдумывает свою нелёгкую думу, по главному проспекту города – Большой Дворянской улице, остановив весь транспорт и порвав троллейбусные провода могучими руками, по тротуару прошёл тяжкими шагами великий Гаргантюа с двумя десятками разодетых в алые и голубые шелка и парчу спутников. Он постоянно задавал при этом своим любознательным товарищам только один вопрос: «Как называется этёт странни гъерод? Ват нейм оф зис факин бестед вилидж кляб?» Панург же, поковырявшись в длинном галльском носу, дипломатично сказал: «NEZHNOTRAHOV, SENIOR!»

– «NEUZHELY?» – удивлённо переспросил Гаргантюа, оказавшийся вблизи пухлым очкариком с мешками под глазами. А после подбочился и с французистой ухмылкой покопался на ржавый шпиль городской ратуши, на котором трепался растерзанный флаг неясного цвета бебе, но явно из трёх компонентов.

– Ват ист даст Нежнотраков? Де ми? Что эт ест? Панург, ты будешь отвечать за свои некудишни проказ! Это тебе не Франс! Это гораздо хьюж! Стари ловеляс! Куда мы попали, чёрт подери твои неуместные выпендюры! Я не собирался забираться в такую глушь от своих окороков и винных погребов! Я не кочу тут жит на старост лет! Тут одни жулики живут, Я уже вижу! Вина нет, окорок нет, ничего нет! Как ти не понимай меня! Яволь?

И тут мы видим всё.

Сказав краткую речь, доблестный Гаргантюа расстёгивает выпирающий многометровый гульф и с ходу начинает решительно орошать улицы мощной струёй, которая, пройдясь сначала по ратуше Конестабилёров и пустой площади Часов, а потом направив действие своего божественного бранспойта на Малую Дворянскую и Третью Мещанскую улицы. Наконец янтарным поток устремляется вниз и по Большой Дворянской, затопляя всё на пути,

снося пешеходов и автомобили, пореворачивая троллейбусы, а также заполняя каньон Дворянской улицы горячим едким паром.

Народ, увидев издали уличную парную, думает, что опять прорвало теплоцентраль, твари, суки, наследили, ...но опять будет бить в небо метров на сто, а следовательно, в домах месяца два суки не будет горячей воды и сального полусферического тьфу на них газа. Только Шура Андрейко так не думает. Ах, милый Шура! Он вообще ни о чём не думает. Поведя косым плутовским глазом справа налево, потом слева направо, прискорбный наркоман Шура Андрейко, уже с утра забивавший косяк за косяком и теперь воспринимавший свой смешной город сквозь колеблющуюся солнечную арку смешных видений и грёз, сразу опознал фигуру гигантского разрушителя Гаргантюа в голубых кальсонах и алом шёлковом лапсердаке, с аксельбантами. Он увидел также, что рядом с ним был какой-то сомнительный тип с небритой шеей, выступающим кадыком и умным взглядом, точно таким, какой он когда-то видел у Жака Ива Кусто, когда тот для прикида надевал противогаз.

– Люблю подводные одиссеи! Чмошники перловые! Перелётные кузнечики мои и богомолы! Люблю вас! – говорит Андрейко мечтательно, – Здравствуйте, мои пернатые друзья энтомофаги! Мохноноги святые! Истинно говорю вам! Я в вашем распоряжении! Ешьте меня! Рвите на части! На куски рвите! Я претерплю! Не так уж много миру осталось колбасить!

Настаёт минута абсолютной тишины, ответственности и отпада.

Снова подняв воспалённую голову, Шура Андрейко увидел золотую лестницу на небо с негром посредине и маленькими мохноногими тайландками по бокам, засмеялся и стал припоминать имя Роберта Планта.

– Плант, прости меня! Я не помню твоего имени! Убей бог, не помню! Непростительно забывчивый Шура! Как ты можешь забывать такое! Это всё равно, что забыть мать! Ё!

А потом на палках пришёл вялый анчоус из банки и мятым вороным цилиндром накрыл всё гнездо.

– Мистер Рэбелл, это вы? – спросил анчоус, обратившись к Андрейку, но увидев глаза того, поперхнулся. Абсолютно красные кроличьи глаза.

– Хахаха! – сказал Андрейко, – Ха-ха-ха! Врёшь ты всё, фришка! Фисташка моя! Врёшь! Нет тут ничего! Нету! И тебя тут нет! Не-ту-ти! Ха-ха-ха!

Замедленным поворотом оглянувшись налево, Шура видит танец золотыз Кириешек. Они пляшут на маленьких изящных ножках на пуантах и делают такой банман-тандю, какого и в Большой Сиэтре никто давным-давно не делает. В центре круга кириешей резвится Бейсболист с большой битой на плече.

– Кто это? – тревожно задаётся Андрейко у мировго пространства и получают ответ от невинного крылатого младенца, посылающего вибрацию из-за его спины.

– Это знаменитый Кинг-о-Танг, король Бефлюкани! – нежно шепчет мальчик, трепеща перламутровыми крылышками, – Он Великий Мечтатель и Убийца! Ограбление века и содержание притонов в Кирбойде – дело его умелых рук! Я всегда хотел познакомиться вас, но не знал, как это сделать, он так занят! Вас что-то беспокоит, Шура? Что с вами?

Шура, не в силах сформулировать мысль, только икнул ангелу в розовое ушко.

– А? Что вы говорите? – преклонился мальчик, – О как дело обстоит! Здесь хуже худшего и уж надежды нет! Но я не буду вас задерживать! Кажется, вы чем-то недовольны?

Только успел откланяться Бейсболист, как оказался потерянным для Шуры, найдя Голубую Переливающуюся Богиню.

– Вы любите мусорный дизайн? – внезапно спросила Богиня, – Многие этим сейчас увлекаются?

– Дизайн? – едва дыша ответил Шура деревянным языком, – Дизайн?

– Да, дизайн! Мусорный! – и Богиня подмигнула глазом, тоже ослепительно голубым.

– Да, дизайн! Мусорный! Я люблю! – ответил он, потупившись.

– Так же, как я! – сказала Богиня и сжала Шуру в объятиях.

Когда Шура наконец очнулся, картина была уже совершенно другая.

Медленно переведя хрустальный взор ещё на два градуса в северо-восточном направлении, Шура впервые детским взором увидел фатерлянд-Нежнотрахов, спальный пригород Нежнотрахова (бывшего Жлобина и Нежнотрахова) преображённым – полным храмов, девственниц, птиц, житниц, гаремов, слонов, наложниц, фейерверков и радости. Город был преображён. Из зачуханной безнадёжной провинции, родины лаковых лаптей, он вдруг по мановению стал центром мироздания. Пророки наводнили пустынные улицы. Афинская школа, сияя накрахмаленными тогами, кучковалась у дровяного портика. Шахматная федерация считала деньги на международный, межпланетный Шахматный турнир. Сцыкальные фонтаны извергали стометровые струи огня и живой воды. Как красиво кругом! На центральной площади по гранитным квадратам, гремя заклёпками, уже гарцевали двухэтажные шахматные фигуры – белые, как кипель, и чёрные, как смерть. Висячие сады повисли над висельниками в партере. И чисто-чистое, голубое-преголубое небо распластанными крылами широко и привольно распахнулось надо всем этим великолепием! Господи, неужели же это дела твои? Жители не заслуживали такой красоты!

– Франция! Милая Франция! – какого-то хера дрожащим голосом произносит географ Андрейко, – Как я люблю твои зелёные холмы! Близ Тосканы и впритык с Саксонией лежат твои нетленные земли! Если бы ты знала, как люблю тебя! Я знаю, что сейчас в Залимोजье убирают виноград! Ба! Рачительные французы, а большей частью – француженки, соберут урожай в большие плетёные корзины, подавят сапогами спелые ягоды, сольют терпкий (а каким же ему быть, каким же ему быть, как не терпким?) сок в чан, а потом сделают из свежего сока красное вино «Лиможский Перлимонж» разлива этого года! Я буду его пить на Галапагосских островах, закусывая хреном из черепашьего черепа. Буду есть питательную заячью икру. Они молодцы, эти французы. И француженки – тоже! Нет, право, как хорошо жить на земле! У француженок ноги – совершенно французские! Белые! Стройные! Это я узнал из газет. Французские учительницы ради благополучия своих семей способны подрабатывать на панели! Молодцы, сучки! Французики! Лягушкины дети! Люблю вас! А всё-таки, как научить их делать самогон! При их трудолюбии у них бы красиво получилось! Здорово! Как всё здорово!

– У вас преступные мысли – сказал загадочный голос, – Я буду гнаться за вами вопреки вашему чаянью, Эндрю! И постараюсь догнать вас! Вы не уйдёте от меня даже на мокроступах! Не уйдёте! Не надейтесь!

– Не надо! – нашёлся с ответом юноша, – Не надо меня догонять! Устал я от этого! Одни погони кругом! А душе хочется покоя и наслаждения! И что такое в конце концов ваши гнусные мокроступы пред красотой вселенной?

И не заметил юный Андрейко, как стал убежать от длинной бесплотной тени в чёрном капюшоне и носках. Дохлик! Через люкарну он вылез на крышу башни, с которой открывался широкий вид на город, огромными прыжками пересёк ендову и, помедлив несколько мгновений, прыгнул-таки вниз, незнамо куда – оказалось, что упал в море, подняв фонтан воды, и волна, которая понесла его вместе с пузырьками воздуха, была величественна, как картина Айвазовского «Треугольных Смерч в Анапе».

Он всплыл среди норвежских фьордов, где рядами стояли новенькие, блистающие никелем немецкие подводные лодки, с яркими флагами на флагштоках и подводниками в чёрном, построенными на корме. Как ни странно, они приняли его за своего, и тут же дали положенный паёк: немного шоколаду в серой упаковке и серый офицерский полувер. Кофта пришлась ему впору. На завтра он уже был в море и с песнями, скрежеща зубами, топил суда союзников-саксончиков, непрерывно выпуская в них железные сигары с крестом на тупом

носу. За время похода к его уху несколько раз наклонялась долговязая фигура в чёрном капюшоне и вкрадчиво, блевотинным дикторским голосом говорила:

– Андрюша! Камерад! Чем более неосмысленной жизнью живёт человек, тем он ближе к Природе, а следовательно – Богу! Эту закономерность в отдалённые времена заметили создатели так называемых священных книг, совершенно справедливо полагая, что бедный, неухоженный, покинутый всеми человек – будущий единовластный хозяин поднебесного царства! Это ты! Вселенная теперь – вся твоя! Почему ты не возьмёшь её? Бери её! Бери! Вперёд!

И тень исчезала, как приходила, из тумана в туман!

А потом снова проявился обоссанный Гаргантюа.

Уважительно проводив взором плотного гиганта, зло рвущего коротящие троллейбусные провода и с грохотом давящего песчаные здания стопой в жёлтом слоновом башмаке, нарком Андрейко радостно засмеялся, как ребёнок, к которому наконец-то пришла надолго задержавшаяся в гостях мама. У него были такие голубые глаза, такие!.. Его дед был другом врага народа, а потому раньше претерпел за всё. Его отец, да что отец, что отец?!.. Андрейко давно забыл про эти детали, ибо не вылезал из протяжённых химических грёз.

И тут он слышит голос, проникновенный и строгий голос, который не просит, а утверждает:

– Шура! Мальчик мой! Откуда в вас столько цинизма? Ведь вы были в детстве хорошим мальчиком с галстуком на шее и соплями под носом, добрым малышом в матросской фуражке с золотой надписью «Крейцер Аурора»! Помните ваши лакированные ботиночки Тупиурлю? Помните ваши постоянно мокренькие штанишки? У вас были сбитые на асфальте коленочки, и радость жизни так и играла в вашем сердечке. Ничего вам не надо было, кроме зелёной веточки в руке и конфетки за щекой! У вас была мама, которая мечтала, чтобы вы стали нормальным савейским гражданином, чтобы вы стали полноправным членом общества, стали, может быть, гм, главным почтальоном на Главпочтамте, и уж потом разносили добрым людям с улицы XX-летия Октября праздничные телеграммы, нужную газету «Красная Звезда», журнал «Работницу» наконец! Радовали их! Утешали! Шурочка! Почему этого не произошло в вашей жизни? Вы так хотели найти собственное Я! Своё Я! Что с вами случилось? Где Рубикон, не перейдённый вами по слабости характера и произволенности судьбы? На вас лица нет! Что произошло? Как давно вы курите эту гадость? Не доведут вас до добра эти наркотики! Поверьте мне! Не доведут!

Так мог говорить если не сам Харистос, то точно – пророк Мухаммед или Юнг Будда.

Но это был не Харистос, не Будда и тем более не Магомет. Это был собственной персоной Владимир Ильич Ленин, только что вернувшийся из эмиграции и готовый к новым политическим акциям. Посещение Швейцарии пошло ему явно на пользу, он был весёлый и подвижный, как весенний сперматозоид.

– Скажите мне, Тютиков, а почему в эмиграции вы не хотите быть Паламарчуком?

– Владимир Ильич, вы же понимаете, вы же понимаете... – отвечал будущий Паламарчук, даже уж не зная, что сказать выдающейся персоне.

– Что с механизмом? – вдруг грубо сказал Ильич, перестав улыбаться и превратившись в скалу.

– Не фурычит, товарищ Ленин! Но мы перелопатим всё, всё на уши поставим! Дело будет сделано охеренно! – едва слышным голосом прошептал Паламарчук.

– Вот вы какой, товарищ Караокин, вот вы какой! – сказал тут, грассируя, Ильич Андрейку, стоявшему напротив Тютикова (вполоборота к нему) и схватил парня за худой локоть.

– Вот вы какой!? Я думал, вы не такой! Я думал, вы – сухонький брюнет с родинкой на подбородке, а вы квёлый блондин, батенька, вот такой! Ха-ха-ха! Такой! Пятка такая!

Супер-мупер-растакой! Эдакий коцанный субъектишко! Ха-ха-ха! Повернись-ка ты! О, какой стал! О какой! Андроид! Архимон! Ха-ха-ха! Сидор Пистоныч! Какие кагошие..здюки у нас гаснут! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! «Дорогой Сидор Пистоныч! Я никогда больше не буду любить вас так, как прежде,, никогда больше не буду отдаваться вам, как тогда, в мшанниках – до тех пор, пока вы не найдёте в себе силы виртуозно овладеть словом «Фешенебельно». Это было бы лучшим подарком и отрадой для моего утомлённого Вашей любовью сердца!

Ваша Адель.

Надо было добавить – любящая!»

Он начал так смеяться, и таким заразительным смехом, и так на ровном месте, что можно было позавидовать такому искреннему восторгу.

Андрейко, делать нечего, вместе с Паламарчуком ему вторили.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! – веселились они.

«Архимон! Архимон!» – кричал Ильич, – Ну истинный Архимон!

Похоже было, что он завёлся и завод долго не кончится.

И с криком «Вот вы какой, сударик Караокин! Вот вы какой! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Как-кие же книги, дон Залупанцо, вы хотели бы пгочитать! Я дам! Дам! Как-ков, шусттик!» – Ленин скрылся в удачно подвернувшейся чёрной арке, которая тут же и склеилась за ним, как почтовый конверт.

– Врёшь ты всё, Фришка! – глухо сказал неведомый голос сверху вниз, – Изоврался уж весь! Протёк! Проказник! Никого не слушается, пьёт, куролесит, Машеньке под юбку лазит без спроса, а слова ему не скажи в ответ, сразу кулаком в харю заедет! Сразу в нос бьёт! Грозится ещё, котяра, в кашу гвозди подложить! Это уж ни в какие ворота не влазит!

– Я прозрел! – хрипло отвечает Андрейко, повернув на 360 градусов обескураженное детское личико с выкатившимися гнойными глазёнками к говорящему идиотскому невидимке, – Не нада! Здесь не Принстон! Я знаю! Здесь люди не могут жить, а кто здесь живёт, я не знаю! Не мучайте вы меня! Я не смогу ответить вам, как подобает! Я серьёзно болен! Я знаю тайну мироздания! Я знаю! Нет, здесь не Принстон! Не Калифорния! Это даже не Оклахома-сити! Я наконец понял, где я нахожусь! Хахаха! Чмошск – это! Осиное гнездо мира! Ад! Хахаха! Вот он, ад! Имперья зла! Тут даже центральные улицы не освещают! Ничего этого не существует на самом деле! А это только видение и ничего больше! Гадость проклятая! Хахаха! Хахаха-ха! И моя голова – не моя! Уши не мои! У меня ничего нет! Ничего! Никого рядом со мной нет! Иззыдьте все! Хахаха! Хахаха! Хахаха! Гаргантюа! Милый! Ты? Толстёнок! По нёбу тучи бегают, пошли они все в зад, под старую телегою здесь будет город-сад!

Он почти визжал, так убило его очередное открытие века.

– Да, лучше бы вы так и остались в неведении! – продолжил голос, – Когда ты знаешь то, что тебя повергает ниц, а ты ничего не можешь сделать, это ещё хуже, чем пребывать в полном неведении! Не надо! Не надо много думать! В конце концов, от многих знаний – много печали, как говорил великий Али Удри Шаруд ибн Бахмани! Ну и что, что не Принстон? Ну и что? А вы знаете, что говорил Абуль Фарадж? Нет? Не знаете? Жаль! А Фарук Бен Огильви? Тоже неведомёк вам? Зоя Клёнова, нежная, как маковая сомомка? Шон Абердыкин-отец? Фока Кирдыпекин? Товарищ Мазо? Не слышали речи товарища Мазо? Нет? А вы Мао не читали? Зря! Они о многом говорили! Но я не буду мучить вас воспоминаниями и скажу просто! Скажу самую малость из того, что можно было сказать! Милый мой! Найдите себе бабу! Просто бабу! Глупую и взбалмошную! И прекратите ходить в церковь к жрецам! Там вас ничего хорошего не ждёт! Мыши там и крысы! А воры! А больше там ничего хорошего нет! Лучше тогда займитесь ананизмом дома! Поверьте мне! За совет ничего не беру с вас! Есть предложения? Нет? Принято единоутробно! Прощайте!

И голос, умноженный эхом, ушёл в тихий рай.

О как похожи разговоры всех времён, как похожи! Сто лет назад, ровно сто лет назад ровно на том же месте происходил ровно такой же разговор, который Автор ровно тогда же и слышал, и не только слышал, но и записал. Тогда разговор вели двое внешне интеллигентных людей, одного из которых величали Япошкин, а другого звали Дрыкин. Япошкин, числивший себя солидным философом, на самом деле был отпетым гулякой и бабником, что не раз было замечено как окружающими, так и соглядатаями, наводнявшими в то время не только Санкт-Петербург, но и Нежнотрахов (Жлобской). Дрыкин был тих, как девушка, и боялся всех двуногих. Раньше эти двое были очень далеки друг от друга, и первым прозрел Дрыкин. Тогда он впервые открыл в Япошкине качества, какие раньше даже не мог подозревать, и которые в дальнейшем сблизили их – несомненную тонкость ума и отличную работу желудка.

– Сударь! Давайте сблизимся с Шеллингом! Он так хорошо говорил о пластических искусствах, так точно определили эстетические критерии своего времени, что я не умудрился ничего добавить к его инсинуациям! – шёпотом сказал Япошкин, наклоняя голову в лакированном цилиндре к красному уху сотоварища Пипиёкина, – Bravo!

– А по-другому нельзя? – спросил Дрыкин, вдруг испугавшись.

– Нет! Нельзя! Европеизм этого не поймёт! Философизм нас осудит! Надо стоять на своём! Замкнуться! Остудить! Платон... Платон...

При воспоминании о Платоне он чуть не зарыдал.

– Ну, уж если нельзя... Не перетрудитесь тогда понапрасну!

– Знаете ли, а я пишу философические ноэли! Мне не советовали, а я всё равно пишу! Марфа Ильинична очень завистлива, она никогда не похвалит за дело! Я закрываюсь на щеколду в туалете и целиком посвящаю себя поэзии. Газет не читаю, а сочиняю поэмы. Хорошо творить в ночной тишине!

– И что, помогает? Пишите, пишите, Шура, если помогает!

– Помогает, знаете ли! Помогает!

– И как помогает? В чём выражается?

– Вам всё разжуй! Я... без рояля! Какие уж тут непонятки? Природе не нужна героическая смерть своих сынов и дочерей, природа призывает всех только к продолжению жизни, к славе и бессмертию. Видимо, в этом и есть смысл всего сущего. А государство призывает к другому... К самопожертвованию, к смерти... К маразму и троцкизму, под пологом коего легко очищать кошельки.

– О как! Грустно! Всё-то вы знаете, везде шкрябали! А вот лучше скажите мне, профессор, лучше скажите мне, профессор, скажите мне лучше, почему женщины так мало и так необильно пукают?

– О-о-о-о! О, мой любознательный друг-студизус! О, мой Волька и Лёлька в одном лице! О мой ласковый Чук и одновременно донельзя добрый Гек! Сиамские блязняшки моего разбитого сердца! О, мой усёный Соломон и доблая, хитлая Фетинда! Я не буду течь всякой дрянью по древу, сея рознь в паке тувом! Не буду будить гуслей в Риме лазлатном, Пащити Ромулремовой, аки надыть! Мирovolюсь я! Гонобоблю! Терплю! Виды отмечаю! Тохочу! Хо! Какие, однако, вопросы! Да-с! Что ж, мой маленький друг... Ответ на этот вопрос уникально элементарен! Уникально! Вау! У них маленький желудок! Такой желудок в месяц едва-едва может переварить одну горошину!

– О-о-о! А мозг? А мозг? Отвечать быстро, не задумываясь ни на секунду, поторапливаясь!

– Ха! Тоже маленький!

– А жопа?

– Жопа?

– Да, жопа?

- Большая!
- Большая?
- Да-с, большая, прошу заметить! Как правило!
- Вы видели?
- Да, прошлый раз в одна тысяча девятьсот...
- Не надо таких интимных деталей! Меня волнует не факт, а философия факта! Квинтессенция! Жом!
- Что-что?
- Да так! Я погорячился!
- Как хотите! Как хотите!
- Профессор! А скажите мне, скажите мне, скажите, так что же вы мне все мозги засрали?
- Я??? Какой вы циник, господин Япошкин! Вы мне покойного Панноньева напоминаете! Какой вы, однако, отпетый циник! Конечно, это поддерживает во мне огонёк живой мысли и истинного вдохновения! У человека должно быть то, что он вспоминет с нежностью души своей, и в сущности разве важно, что это! После Пушкина это была некая субстанция...
- О как!
- У меня опять ухо заложило! Должно быть, мощная ушная пробка! Ударьте меня в ухо, она может вылететь! Ударьте в левое ухо, чтобы вылетела в правое! Прошу вас! Не бойтесь! Да не бойтесь же! В полнолуние у меня в ушах всегда образуются мощные ушные пробки! И не только в ушах! Ничего не слышу, кроме вас! Да ударьте же вы! Вот, я подставил! Бейте, не бойтесь! Да не бойтесь же! Ой! Ой! Ой! Вы что, дурак? Гирей от часов ударил! Ну и ручиша! Ты, что, дурак? А у меня миозит! Умираю! Ну не так же! Я вас просил нанести излечивающий удар, а вы дали мне в ухо, как бандит! то не удар был, это хук, козлиная стоеросовая! Сильно как! Так нельзя! В ухе как будто колокол звучит, не умолкая! Не понимаете, что ли?
- Прощайте! Я свершил то, что вы просили! Вы не можете даже дослушать друга! Вы влюблены в себя! Я ухожу непонятым! Залейте в уши касторки! Наверно, Вы очень одиноки и непристроены? Вас, вероятно, можно пожалеть! Но как?
- Ну, давай! Дуй, дроздила! Катись колбаской! Ответ был не по существу! Иду к врачу! К гинекологу! Ту-туууууу!
- Ну что тут сказать! Сам ты таков! Иван Кривда!
- Что мы видим далее? Что? А то! Вот и вечный студент Ипполит Ферамонов, которого мы, как инженеры человеческих душ, хотели бы познать лучше, идёт в университет, стуча грубыми деревянными ботинками о вывалившиеся камни и влача по земле приспущенные реперские брюки на лямках. Университет вроде бы ждёт его, однако их любовь не взаимна. Вечному студенту Ферамонову осталось учиться в этом заведении ровно три месяца, после чего после некрасивой истории в Лесном Общежитии он будет из него изгнан навсегда и исчезнет из Нежнотрахова, аки липов цвет. Тогда же и мы навсегда потеряем его из виду.

Глава 29

В течение которой мы медленно объезжаем большую лужу, в которой живут удивительные существа, а также предаёмся лёгкой меланхолии по поводу вынужденной поездки в последнем вагоне электрички.

Долгое дело – жизнь. Иногда и не уследишь за её черепашьям ходом и совершенно неприметными изменениями, а она обгонит, обмишулит и оставит человека посреди неведомого чего без ничего, в пустыне какой-нибудь, в одном носке, с букварём и, может так случиться, с пустой птичьей клеткой в руке. Только не уследи, споткнись один раз – и всё пошло всё через пень-колоду в тартары небесные. Умер кто-то, был в горе, обокрали, как это у нас водится, огорчился, потом запил, пьяного обманули бандиты, как их, чёрные ризлторы, и подло отняв квартиру, выгнали человека на улицу... Вот итог – нет человека, и никто не спросит, чья это тень круглый год до морозов мозолит скамейку в вытоптанном слонами сквере? А потом и тень исчезает незаметно, как будто её и не было...

Вдоль Концовского сквера, через серые неприкаянные дворы, а затем длинной Среднеморской улицы, застроенной уже изрядно закопчёнными и потрёпанными жизнью хрущовскими полу-домами, перемежающимися кое-где с древними, тоже почерневшими избушками, проезжает античная пожарная дрезина с болтающимся сбоку слоновым хоботом. Она медленно объезжает деревянную будку с какой-то покосившейся вывеской, кажется – стеклорезку, проезжает шальную стройку с огромным котлованом произвольной формы, с которой на проезжую часть нанесено столько мусора и грязи, сколько не было даже при Великом Потопе. Котлован наполовину заполнен мутной водой, отражающей неведомо что. В нём плавают щепки и тряпки. Кажется, вот там крутится в потоке полузатопленная пластмассовая кукла. С откоса с томительным всхлипом в воду иногда сползают жирные пласты народного чернозёма. Вчера сюда забрела свинья. Она целый день с видимым удовольствием плескалась в пёстрой колониальной жиже, а потом, натешившись, ушла в маленькие домики размышлять об общем смысле жизни и конечности бытия. Римский котлован пребывает здесь уже два года и удивительно, что в нём ещё не обитают вечные утки – лучшие жительницы нашего цветущего края. Земля здесь хорошая, жирная, чёрная, как смола. Если взять её в руку, то потом руку невозможно отмыть неделями. Люди, как утверждают некоторые – тоже. В годы войны, по укоренившейся литературной традиции тевтоны вывозили отсюда нашу чёрную землю вагонами в Германию. Впрочем, может, вывозили, а может – и не вывозили, кто его знает? Это разные рассказчики после войны рассказывали. Тут такого могут наговорить, что за голову схватишься! Верить тут никому нельзя! Наврут с три коробки!

Когда дрезина, обогнув котлован, въезжает ещё в одну огромную лужу, больше похожую на колхозный утиный пруд, от разлетающихся брызг в разные стороны шарахаются разнополые прохожие граждане, среди которых мы видим двух людей среднего возраста и разного телосложения – одного худощавого в синей французской куртке, а другого плотного – в серой английской. Несмотря на окружающую грязь и тряпичную куклу на покосившемся заборе, куртки у них довольно чистые, хоть и помятые. Но зато запачканы штаны и уже заляпаны коричневые ботинки. Судя по их брезгливому виду и оживлённой мимике, они очень недовольны своей жизнью в городе Гомнодавова, где сейчас находятся, и недовольство это имеет свою очень давнюю историю и глубокие корни. Уже начинается вечереть, и сладкая тьма постепенно наполняет неосвещённую фонарями улицу. Контур размыты, и кажется, что и слова, звучащие сейчас, тоже несколько размыты и неопределённые.

Такие разговоры не редкость в Нежнотрахове, в первую очередь потому, что жизнь, как говорится, диктует свои законы, а законы нынешней жизни – совершенно волчьи. Надо как-то уцелевать, выдумывать «какую-то мульку», как здесь говорят всякие пройдохи, выкручиваться. Работы кругом никакой, а какая есть – не в жилу! Просто жопа, как дела обстоят кругом! Просто жопа! Хотя кругом много строек народного капитализма, и надежда на них в народе пока ещё теплится.

Алесь косится на недалёкое соседнее здание и видит:

«Грязный пройдоха, ты жив ещё?» – написано на двери жирыми жёлтыми буквами.

«Здесь были люди! – думает Алесь, – Их обидели, и они будут мстить!»

Алесь и Андрей – отнюдь не пройдохи, совсем наоборот, они честные люди из хороших семей. Таким выкручиваться в Фиглелэнда всегда было ...ёво, а теперь ещё ...вее. И они это знают. Они происходят из того неясного, сломанного поколения, которое не дало Нежнотрахову ни великих умов, ни больших талантов, а прошло по жизни совершенно незаметно и исчезло бессловестно в изменчивой мировой истории.

Итак, приготовьтесь, мы присутствуем при довольно долгом разговоре этих двух уже немолодых людей, одного худого по имени-фамилии Алесь Хидляр и другого плотного – Андрея Геббе.

Куда они идут, неведомо нам.

Они уже прошли город, миновали остановку транспорта, на которой в картонной коробке вот уже третий год живёт старая женщина со спутанными волосами. Теперь на лавке у неё целое хозяйство, мешки с тряпьем, еда в мешочке, картонный ящик из-под телевизора. Она уже лишена аккуратности, всегда отличающих женщину, не до того ей. Именно мимо неё часа два назад в белых майках вразнобой прошли боевики «Единой Фиглелэнда», новые защитники государевы. Говорят, по статистике бездомные люди в Фиглелэнда живут не более четырёх лет. Сколько их теперь по всей стране, Бог знает! По улице Мира, единственной улице города, пока что похожей на настоящую улицу, Алесь и Андрей идут на городской вокзал. Вокзал завершает довольно большую круглую площадь с бронзовой фигурой какого-то военачальника. Если смотреть на военачальника чуть сзади, то он похож одновременно на поэта Маяковского и императора Вителлия. Слева от вокзала всегда кучкуются синие уродливые троллейбусы и маленькие опасные для езды микроавтобусы пресекают друг другу пути.

«Сколько раз мы уезжали с этого вокзала! Я и мои родите, друзья мои. Боже мой, как много времени минуло! Боже мой!» – думает Алесь, – И нет этого ничего уже, даже аромата того времени нет! Страна моя стала другой, я стал другим. Гниль одна и одни проходимцы кругом!

«Надо купить по пути домой баночку пивка! Хе-йя! „Балтимор“ – хорошее пиво! Доброе! – в это же время думает Андрей, – Ещё две рыбки от рыбалки остались! Краснопёрки! Как они клевали у Белой Горы этим летом! Как хорошо тянуть краснопёрку величиной в ладонь меж чутких водорослей, осознавая её упорное сопротивление поимке, как весело выхватить её у самого берега одним рывком из воды и мокрыми ладонями накрыть трепыхающуюся в густой траве! А потом вынуть из кровавой губы крючок и..., пожалуйста в судок, милостивая сударыня рыбка!»

Вокзал, перестроенный недавно, ещё сохраняет довольно свежий вид, но уже потиханьку покрывается ядовитой гнилоурской пылью. На его крыше замерли в разных позах крашенные солдаты и шахтёры, ткачихи и хлеборобы, а в самом центре какой-то человек с рукой у кепки как прежде вглядывается в даль светлую, караулит врага. В небе клубятся особенные замысловатые тучи, иссиня чёрные, тяжёлые, напластованные, пророча ливень неведомого времени года.

Войдя под высокие своды, Хидляр и Геббе проходят мимо двух мордатых молодых милиционеров, лениво несущих дежурство в загадочных импровизированных униформах, более напоминающих брезентовые мешки. Они пройдут мимо толстяков, более похожих на дачников, чем формы блюстителей порядка, потом минуют полупустые залы ожидания, в коих когда-то отстаивались важные народные депутаты и в углу стояли большие, покрытые благородной патиной бронзовые скульптуры – великие аргументы великой эпохи. Чекист с рукой у козырька и солдат, ласкающий девочку. А теперь в зале толико висят оранжевые рекламы «Кока-Колы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.